

ISSN 2619-0656

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РУСИСТИКА И КОМПАРАТИВИСТИКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Выпуск XIX

Москва, 2025

УДК 80
ББК 80
Р 88

Сайт сборника научных статей
<https://rik.mgpu.ru/>

Издается с 2006 года

Учредитель

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
(129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4)

Р 88

Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред.
М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025.
232 с. (Научное издание.)

«Русистика и компаративистика» – сериальный ежегодный сборник научных статей, посвященный вопросам русской и мировой культуры в аспектах языка, литературы и фольклора, в том числе в ракурсе сравнительно-сопоставительного анализа исследуемых феноменов.

Для специалистов-филологов, преподавателей, аспирантов, студентов, учителей-словесников.

© Коллектив авторов, 2025
© МГПУ, 2025
© ИКД «Зерцало-М», 2025

ISBN 978-5-94373-593-6

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Геворкян Елена Николаевна (Москва)	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Кириллов Виктор Васильевич (Москва)	директор института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ, кандидат исторических наук, профессор
Автухович Татьяна Евгеньевна (Беларусь, Гродно)	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лоскутникова Мария Борисовна (Москва) Главный редактор	кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента филологии института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ
Геймбух Елена Юрьевна (Москва) Заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ
Алексеев Александр Валерьевич (Москва)	доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего языкознания имени И.Г. Добродомова института филологии МПГУ
Бубнова Ирина Александровна (Москва)	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ»

Водяницкая Альбина Александровна (Москва)	доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и переводоведения института иностранных языков ГАОУ ВО МГПУ
Гродецкая Анна Глебовна (Санкт-Петербург)	доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой русской литературы ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом)
Громова Алла Витальевна (Москва)	доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ
Казаченко Оксана Васильевна (Москва)	доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ
Клинг Олег Алексеевич (Москва)	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы МГУ имени М.В. Ломоносова
Ларионова Марина Ченгаровна (Ростов-на-Дону)	доктор филологических наук, доцент, заведующая отделом гуманитарных исследований, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН
Пятаева Наталия Вячеславовна (Беларусь, Минск)	доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и лингводидактики филологического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка
Райкова Ирина Николаевна (Москва)	кандидат филологических наук, доцент, профессор департамента филологии института гуманитарных наук, заместитель директора института гуманитарных наук по научной работе ГАОУ ВО МГПУ
Сабзиева Макбуле (Турция, Эскишехир)	профессор, заведующая отделением русского языка и литературы Гуманитарного факультета Анатолийского университета

Сироткина Татьяна Александровна (Сургут)	доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета
Смирнова Альфия Исламовна (Москва)	доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ
Сурьянараян Нилакши (Индия, Дели)	доктор филологии, профессор Делийского университета
Харченко Елена Владимировна (Челябинск)	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Русский язык как иностранный» Института лингвистики и международных коммуникаций, директор центра – ЦДО «Подготовительное отделение для иностранных граждан» Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета)
Цзян Хун (Китай, Фудань)	доктор филологических наук, профессор, профессор факультета русского языка и литературы Института иностранных языков и литературы Фуданьского университета
Якушевич Ирина Викторовна (Москва)	доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	10
--------------------	----

Вопросы истории русского языка

Пятаева Н.В.

Деэтимологизация в гнезде *dati: семантические, деривационные, историко-культурные параметры.....	12
---	----

Многоплановость векторов в исследованиях современного русского языка

Замятина И.В., Замятина Е.С.

Функционирование причастий во вводной позиции	36
---	----

Киселева Л.А.

Эмоционально-оценочный аспект современного спортивного дискурса	52
--	----

Геймбух Е.Ю.

Война как объект и образ метафоры в «Затесях» В. Астафьева (лингвостилистический аспект)	68
--	----

Сравнительное языкознание

Архипов С.В.

Воззрения на языковую норму в отечественной и зарубежной лингвистике (введение в проблему)	80
--	----

Из опыта преподавания русского языка как неродного

Сироткина Т.А.

Лингвокраеведение и лингвострановедение в преподавании русского языка как неродного	98
--	----

**Традиции русской классической литературы:
динамика в сравнительно-сопоставительном воссоздании
картины мира**

Гродецкая А.Г.

«Красота человеческого дела»:

концепт «комфорт» в текстах И.А. Гончарова 106

**Русская и зарубежная литературы:
сравнительно-исторический и типологический анализ**

Карпачева Т.С.

Образ лжеюродивого

в художественном наследии Ф.М. Достоевского,

И.С. Тургенева и П.И. Мельникова (Андрея Печерского) 120

Осьмухина О.Ю.

Творческий опыт В. Гюго в изображении падшей женщины

в русской литературе второй половины XIX века 161

Юханова А.А.

Женщина и общество в зарубежной литературе XIX века

(на материале романов Амелии Оупи и Жермены де Сталь) 181

Беляева В.Е.

Опыт сравнения художественных систем

в романах «Я исповедуюсь» Ж. Кабре

и «Визит к Минотавру» А. и Г. Вайнеров 198

Из частного собрания

Молодяков В.Э.

Джордж Сильвестр Вирек и американские литераторы:

новые материалы из частного собрания 210

CONTENTS

From the Editor.....	10
-----------------------------	-----------

Problems of the History of the Russian Language

Natalia V. Pyataeva

De-etymologization in the Nest *Dati:

Semantic, Derivational, Historical and Cultural Parameters	12
--	----

Multidimensionality of Vectors in Research of the Modern Russian Language

Irina V. Zamyatina, Ekaterina S. Zamyatina

The Functioning of Participles in the Parenthetical Position	36
--	----

Larisa A. Kiseleva

The Emotional-evaluative Aspect

of Modern Sports Discourse	52
----------------------------------	----

Elena Yu. Geimbukh

War as the Object and Image of Metaphor

in V. Astafiev's "Zatesi" (Linguostylistic Aspect).....	68
---	----

Comparative Linguistics

Sergey V. Arkhipov

Points of View on Language Standard

in Russian and Foreign Linguistics

(Introduction to the Problem)	80
-------------------------------------	----

From the Experience of Teaching Russian as a Non-native Language

Tatiana A. Sirotkina

Linguistic Regional Studies and Linguocultural Studies

in Teaching Russian as a Non-native Language	98
--	----

**Traditions of Russian Classical Literature:
Dynamics in a Comparative-Contrastive Reconstruction
of the Worldview**

Anna G. Grodetskaya

«The Beauty of Human Deed»:

Concept «Comfort» in I.A. Goncharov's Texts 106

**Russian and Foreign Literature:
a Comparative-Historical and Typological Analysis**

Tatiana S. Karpacheva

The Image of a False Holy Fool

in the Artistic Heritage of F.M. Dostoevsky,

I.S. Turgenev and P.I. Melnikov (Andrey Pechersky) 120

Olga Yu. Osmukhina

Victor Hugo's Creative Experience

in the Portrayal of the Fallen Woman

in Russian Literature of the Second Half of the XIXth Century 161

Alina A. Yukhanova

Woman and Society in the 19th Century Foreign Literature

(in the Works of Amelia Opie and Germaine De Staël) 181

Vera E. Belyaeva

The Attempt to Compare Artistic Systems

in the Novels “I Confess” by J. Cabre

and “A Visit to the Minotaur” by A. and G. Vayners..... 198

From the Private Collection

Vassili E. Molodiakov

George Sylvester Viereck and American Writers:

New Texts from a Private Collection..... 210

ОТ РЕДАКТОРА

Выпуск XIX сборника научных статей «Русистика и компаративистика» традиционно включает в себя 12 статей (в т. ч. одну, написанную в соавторстве). Отечественные исследования представлены работами ученых и специалистов из Москвы, Пензы, Самары, Санкт-Петербурга, Саранска, Сургута. Участие в сборнике приняли также коллеги из Беларуси и Японии.

Результаты лингвистических изысканий освещены в ряде статей как по истории русского языка (в частности, в демонстрации семантических, деривационных и историко-культурных параметров гнезда *dati, рассмотренного в аспекте его деэтимологизации), так и по вопросам современного русского языка (в ракурсах изучения причастий во вводной позиции; рассмотрения эмоционально-оценочного потенциала современного спортивного дискурса; лингвостилистического анализа цикла В.П. Астафьева «Затеси»). В рубрике «Сравнительное языкознание» размещена статья, в которой на материале испанской и португальской культур выявлены воззрения на языковую норму в отечественной и зарубежной лингвистике. Завершением языковедческой части сборника стала тезисная актуализация вопросов лингвокраеведения и лингвострановедения в рубрике «Из опыта преподавания русского языка как неродного».

Литературоведческий раздел сборника открывает статья, посвященная динамическим процессам сравнительно-сопоставительного воссоздания картины мира в романах И.А. Гончарова и в цикле его очерков «Фрегат “Паллада”», с привлечением суждений А.Ф. Писемского, Н.Г. Чернышевского, Ю.Н. Говорухи-Отрока и др. Типологический анализ произведений русской литературы осуществлен в работе, написанной на материале художественного наследия Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и П.И. Мельникова (Андрея Печерского), а в области мотивной переклички русской и зарубежной литературы – в статье по итогам сравнительного изучения творческой систематики в романах «Я исповедуюсь» Ж. Кабре и «Визит к Минотавру» братьев А. и Г. Вайнеров. Широта исследовательских возможностей сравнительно-исторического подхода к анализу литературных феноменов обнаруживается в работе по выявлению креативно-

аксиологического опыта В. Гюго и его отражений в произведениях русской литературы второй половины XIX века и в статье по проблеме «женщина и общество в литературе XIX века», материал которой изложен как комплекс наблюдений за художественными позициями Амелии Оупи и Жермены де Сталь. Сборник завершается публикацией «Джордж Сильвестр Вирек и американские литераторы: новые материалы из частного собрания».

Все статьи, размещенные в сборнике, прошли двойное «слепое» рецензирование. Заслуженная благодарность каждому эксперту за труд!

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Научно-исследовательская статья

УДК 811.161.1

DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-12-35

ДЕЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ В ГНЕЗДЕ *DATI: СЕМАНТИЧЕСКИЕ, ДЕРИВАЦИОННЫЕ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Пятаева Наталия Вячеславовна

Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка, Минск, Беларусь;

Pjataeva@yandex.ru, AuthorID: 8131-7427, <https://orcid.org/0000-0001-7027-3045>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования семантических и деривационных процессов, происходивших в XI–XIX веках в лексике этимологического гнезда *Dati и явившихся причиной перестроек в его структуре.

ЭГ *Dati в современном русском языке насчитывает более 1100 слов, 18% которых (192) продолжают лексику предшествующих эпох, образуя семантическое и словообразовательное ядро гнезда, напр.: *дать(ся)*, *давать*, *дар*, *бездарный*, *дарить*, *даровой*, *дань*, *датель*, *дача*, *воздать*, *продать*. К этой группе следует отнести и 118 слов (11% от их общего числа), отмеченных в русских народных говорах, напр.: *дава́лец* ‘постоянный покупатель; тот, кто платит заработу’, *дава́сы* ‘дополнительная плата «на водку, на чай»’, *да́рница* ‘подруга невесты, помогающая ей шить приданое’, *даро́ймец* ‘продажный, подкупленный человек’, *да́рины* ‘подарки невесты родственникам жениха’, *неда́ровой* ‘недобрый’, *обзада́чить* ‘поставить в тупик’, *отда́нки* ‘последний день праздника’, *подда́тень* ‘помощник’.

Большинство слов – около 900 (79%) – образовано в конце XVII – начале XVIII века, однако довольно большая группа их (334) не сохранилась в современном русском языке, выйдя из употребления вместе с обозначаемыми понятиями,

более 100 слов (10%) фиксируются современными толковыми словарями как новообразования XX века, связанные с обозначением абстрактных понятий (*бездарность, сверхзадача, непередаваемый*) или со сферой научно-технической терминологии (*радиоданные, астродатчик, биодатчик, рекламно-издательский, влагоотдача, нефтеотдача, приёмопередающий*).

Процесс деэтимологизации 28 дериватов вершины гнезда происходил на четырёх ступенях производности. На первой ступени деэтимологизировалось 9 лексем: *дар, дань, подданный, издать* (1) 'испустить запах, звук', *издать* (2) 'опубликовать', *преподать, предать, продать, благодать*; на второй – 12: *Дажбог, дача, выдаться, подать, предание, преданный, раздаться, раздать, сдать* (1) 'подумать', *сдаться* (2) 'понадобиться', *удаться, удалой*; на третьей – 6: *даровой, даром, благодарить, благодарствовать, Богдан, преподавать*; на четвёртой – одно: *озадачить*.

Ключевые слова: этимологическое и словообразовательное гнездо, деэтимологизация, деривационная структура, семантика.

Для цитирования: Пятаева Н.В. Деэтимологизация в гнезде *dati: семантические, деривационные, историко-культурные параметры // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. С. 12–35. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-12-35.

Original research article

DE-ETYMOLOGIZATION IN THE NEST *DATI: SEMANTIC, DERIVATIONAL, HISTORICAL AND CULTURAL PARAMETERS

Natalia V. Pyataeva

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Belarus;

Pjataeva@yandex.ru, AuthorID: 8131-7427, <https://orcid.org/0000-0001-7027-3045>

Abstract. The article presents results of study of semantic and derivational processes that took place in the 11th – 19th centuries in vocabulary of etymological nest *Dati and caused reorganizations in its structure.

Russian has more than 1100 words, 18% of which (192) continue the vocabulary of previous eras, forming the semantic and word-formation core of the nest, for example: *дать(ся)*, *давать*, *дар*, *бездарный*, *дарить*, *даровой*, *дань*, *датель*, *дача*, *воздать*, *продать*. This group should also include 118 words (11% of their total number), noted in Russian folk dialects, for example: *дава́лец* ‘regular customer; one who pays for the work’, *дава́сы* ‘extra charge «for vodka, for tea»’, *да́рница* ‘a friend of bride who helps her sew her dowry’, *даро́ймец* ‘a corrupt, bribed person’, *да́рины* ‘gifts from the bride to groom’s relatives’, *неда́ровой* ‘unkind’, *обзада́чить* ‘baffle’, *отда́нки* ‘last day of holiday’, *подда́тень* ‘assistant’.

The majority of words – about 900 (79%) – were formed in the late 17th – early 18th centuries, however, a fairly large group of them (334) have not survived in the modern Russian language, having fallen out of use along with the concepts they denoted; more than 100 words (10%) are recorded in modern explanatory dictionaries as new formations of the 20th century, associated with the designation of abstract concepts (*бездарность*, *сверхзадача*, *непередаваемый*) or with the sphere of scientific and technical terminology (*радиоданные*, *астродатчик*, *биодатчик*, *рекламно-издательский*, *влагоотдача*, *нефтеотдача*, *приёмопередающий*).

The process of de-etymologization of 28 derivatives of the nest top occurred at four stages of derivation. At the first stage 9 lexemes were de-etymologized (*дар*, *дань*, *подданный*, *издать* (1) ‘emit a smell, a sound’, *издать* (2) ‘publish’, *преподать*, *предать*, *продать*, *благодарить*); at the second – 12 (*Дажбог*, *дача*, *выдаться*, *по́дать*, *предание*, *преданный*, *раздаться*, *раздать*, *сдаться* (1) ‘think about it’, *сдаться* (2) ‘need’, *удаться*, *удалой*); at the third – 6 (*даровой*, *даром*, *благодарить*, *благодарствовать*, *Богдан*, *преподавать*); at the fourth – one: *озадачить*.

Key words: etymological and word-formation nests, de-etymologization, derivational structure, semantics.

For citation: Pyataeva Natalia V. De-etymologization in the Nest *Dati: Semantic, Derivational, Historical and Cultural Parameters // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XIX. M.: Publishing Bookselling House “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2025. Pp. 12–35. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-12-35.

Введение

Актуальность статьи определяется её отношением к сравнительно-исторической парадигме современной лингвистики, одним из значимых направлений которой является реконструкция и разноаспектное исследование этимологических гнезд как узлов бифуркации в истории формирования и развития лексико-семантической системы русского языка.

Цель: на примере анализа процессов деэтимологизации в гнезде *Dati показать исторические преобразования в системе и структуре этимологического гнезда, обусловленные семантическими, деривационными и культурными процессами, а также экстраполировать выявленные закономерности на описание исторической лексикологии русского языка в целом.

Методологическая база исследования:

1) труды российских филологов-славистов XIX века в области исторической грамматики русского и славянских языков, истории русского литературного языка, фольклористики, диалектологии, этнографии, палеографии, истории древнерусской литературы и искусства [Буслаев, 1868; Срезневский, 2017; Брандт, 2019; Будде, 2019; Соболевский, 2019; Шахматов, 2021];

2) труды российских лингвистов XX–XXI веков в области славистики, этимологии, исторической грамматики и лексикологии русского и восточнославянских языков, синхронной и диахронической лексикографии [Ларин, 1975; Виноградов, 1978; 1982; 1999; Мещерский, 1981; Успенский, 1985; 2002; Кожин, 1989; Живов, 1996; 2017; Ремнёва, 2003; Обнорский, 2010; Камчатнов, 2015; Винокур, 2017; Колесов, 2019; Черных, 2020; Филин, 2020; Якубинский, 2021].

Источники языкового материала: толковые словари русского языка XVIII–XXI веков [СРЯ XVIII века; МАС; БАС-3] и словарные материалы авторских монографий «Диахронический словообразовательный словарь этимологического гнезда *Dati», «Антропоцентрический и синергетический принципы лингвистики в динамическом исследовании лексических гнезд» [Пятаева, 2017; 2018].

Описание исследования

Слова древнерусского лингвохронологического среза имели различную судьбу в дальнейшем развитии русского литературного языка. Исследователи выделяют три группы лексики:

1) слова, утратившиеся вместе с устаревшими культурно-историческими артефактами, реалиями, понятиями, феноменами, которые они обозначали, или сохранившиеся только на периферии пассивного лексического фонда языка (так называемые архаизмы и историзмы);

2) другая часть слов, хотя и сохранилась, но имеет в современном русском языке иные значения, коннотации и стилистические функции;

3) значительная часть слов активного фонда, имевшая и в прошлом широкое употребление, сохранилась в своём основном значении и в современном литературном языке.

Всё это справедливо и для лексики этимологического гнезда (далее – ЭГ) *Dati, которое в современном русском языке насчитывает более 1100 слов, лишь 18% которых (192) продолжают лексику предшествующих эпох, образуя семантическое и словообразовательное ядро гнезда, напр.:

*dati > *дату* > *дать*, *datise > *датиса* > *даться*,

*davati > *давати* > *давать*, *darъ > *даръ* > *дар*,

бездарьныи > *бездарный*, *dariti > *дарити* > *дарить*,

*darovati > *даровати* > *даровать*, *darovъ > *даровой* > *даровой*,

*danъ > *данъ*, *datelъ > *датель*, *datja > *дача*,

*vъzdati > *въздати* > *воздать*, *prodati > *продати* > *продать*.

К этой группе следует отнести и 118 слов (11% от их общего числа), отмеченных в русских народных говорах:

давалец ‘постоянный покупатель; тот, кто даёт и платит за работу’,

давасы ‘дополнительная плата «на водку, на чай»’,

дърница ‘подруга невесты, помогающая ей шить приданое’,

дароймец ‘продажный, подкупленный человек; мздоимец’,

даріны ‘подарки невесты родственникам жениха’,

недаровой ‘недобрый’, *обзадачить* ‘поставить в тупик’,

отданки ‘последний день праздника’, *поддате́нь* ‘помощник’

и др.

Большинство слов – около 900 (79%) – образовано в конце XVII – начале XVIII века, однако довольно большая группа их (334) не сохранилась в современном русском языке, выйдя из употребления вместе с обозначаемыми понятиями, напр.:

дърничий ‘помощник у раздачи подарков’, *дарохрани́тель*,

дані́на ‘подарок, жалованье’, *данничать* ‘платить дань’,

двоеда́нец ‘платящий подать двум государствам’,
да́точные (субстантивир. прилаг. только мн. ч.) ‘отданные
в солдаты’,
подда́ток ‘чернорабочий, помощник, подносчик’.

Некоторые слова были заменены более удачными синонимами,
напр.:

да́вывать – *дава́ться*, *мзодова́тель* и *даве́ц* – *подхалим*,
жизнода́вец – *творец*, *даре́ц* – *подарочек*, *да́рный* –
подаренный,
богатада́рный и *вседарови́тый* – *щедрый*,
вольнода́рный ‘подаренный по доброй воле’,
даролю́бец – *мздоимец* и *взяточник*,
да́рность ‘состояние дарового, подаренного’, *да́рствовать* –
дарить,
многода́рная (о природе) – *щедрая*, *злода́нник* ‘творящий зло’
– *злодей*,
уда́тливый – *удачливый*, *храбрый* и *толковый*.

Более 100 слов (10%) фиксируются современными толковыми словарями как новообразования XX века, связанные с обозначением абстрактных понятий (*бездарность*, *сверхзадача*, *самоотдача*, *непередаваемый*) или со сферой научно-технической терминологии (*радиоданные*, *астродатчик*, *биодатчик*, *рекламно-издательский*, *азотоотдающий*, *лагоотдача*, *нефтеотдача*, *приёмопередающий*, *радиопередача*, *телепередача*). Четыре слова, связанные с реалиями советской действительности начала и середины XX века, можно считать ушедшими в пассивный словарный запас: *учпедгиз* – сложносокращенное наименование учебно-педагогического издательства и окказиональные обозначения научных, художественных и публицистических произведений, запрещённых цензурой и издаваемых в СССР подпольно (перепечатанных на пишущей машинке или переписанных от руки) или за границей: *здесьиздат*, *самиздат*, *тамиздат*.

На новой ступени исторического развития структура ЭГ *Dati включает 29 словообразовательных гнёзд, возглавляемых глаголом *да́ть* и 28-ю его производными дестимологизированными лексемами, 20 из которых дестимологизировались в конце XVII – начале XVIII века. Процесс дестимологизации показан ниже в виде схемы (см. Схему № 1), на которой вершины словообразовательных гнёзд (далее – СГ) даны полужирным шрифтом прописными буквами, строчными – лексемы, представляющие промежуточные

Детимологизация в этимологическом гнезде *Dati

ДАТИ XI–XVII // **ДАТЬ** XVIII–XXI

- **даждь** сущ. помен асті ‘давание, дача; взятка’ XI–XV
 - **ДАЖЬБОГЪ** XI–XVII // **ДАЖБОГ** XVIII–XXI
- **ДАНЬ** XI–XXI
 - **даньныи** // **даньи** XI–XVII // (в знач. сущ.) **данный** XVIII–XXI
 - **богоданньи** XVII // **богоданный** XVIII–XXI → **БОГДАН** XVIII–XXI
- **ДАРЪ** XI–XVII // **ДАР** XVIII–XXI
 - **дарити** XI–XVII // **дарить** XVIII–XXI
 - **даровати** XI–XVII // **даровать** XVIII–XXI
 - **даровой** XVI XVII // **ДАРОВОЙ** XVIII XXI
 - **даромъ** ‘в дар’ XIII–XVII // **ДАРОМ** XVIII–XXI
 - **БЛАГОДАРИТИ** XI–XVII // **БЛАГОДАРИТЬ** XVIII–XXI
 - **благодарьствовати** XI–XVII // **БЛАГОДАРСТВОВАТЬ** XVIII–XXI
- **дача** ‘угодья и земли, принадлежащие помещику или гос. крестьянам’ XVIII–XIX
 - **ДАЧА** ‘загородный дом’ XVIII–XXI
- **ПОДДАННЫЙ** (сущ.) XVIII–XXI
- **вьдати** XI–XVII // **выдать** XVIII–XXI
 - **выдатиса** ‘выдвинуться, выдаться’ XVII // **ВЫДАТЬСЯ** XVIII–XXI
- **задати** XIV–XVII // **задать** XVIII–XXI
 - **задача**¹ (сущ. помен асті) XVII
 - **задачить** ‘ставить в тупик’ XVIII–XIX → **ОЗАДАЧИТЬ** XVIII–XXI
 - **ЗАДАЧА**² ‘задание, поручение, упражнение; проблемная ситуация’ XVIII–XXI
- **издати** ‘дать, отдать; выдать, предать’ XIII–XV
 - **ИЗДАТЬ**¹ ‘испустить (звук, запах)’ XVI–XXI
 - **ИЗДАТЬ**² ‘опубликовать’ XVIII–XXI
- **подати** ‘дать’ XI–XVII // **подать** XVIII–XXI
 - **преподати** // **ПРЕПОДАТЬ** ‘наставляя, сообщить, внушить’ XVIII–XXI
 - **преподавати** ‘давать, уделять’ // **ПРЕПОДАВАТЬ** XVIII–XXI
 - **подать** (сущ.) ‘подать, пошлина’ XIV–XVII // **ПОДАТЬ** XVIII–XXI
- **ПРЪДАТИ** ‘передавать; предавать изменой’ XI–XVII // **ПРЕДАТЬ** XVIII–XXI
 - **предание**¹ (сущ. помен асті) XVIII–XXI
 - **пръдание**² ‘завет, постановление’ XI–XVII (цслав.) // **ПРЕДАНИЕ**² XVIII–XXI
 - **преданный**¹ (прич.-прилаг.) ‘подвергнутый действию чего-л.’ XIX–XXI
 - **ПРЕДАННЫЙ**² ‘верный’ XVIII–XXI
- **продати** XI–XVII // **ПРОДАТЬ** XVIII–XXI
- **раздати** XI–XVII // **раздать**¹ ‘отдать по частям’ XVII–XXI
 - **РАЗДАТЬСЯ**¹ ‘прозвучать’ XVII–XXI
- **РАЗДАТЬ**² ‘расширить’ XVIII–XXI
- **сдать** XVIII–XXI → **сдаться**¹ XVIII–XXI
 - **СДАТЬСЯ**² ‘подуматься’ XVIII–XXI
 - **СДАТЬСЯ**³ ‘понадобиться’ XVIII–XXI
- **оудати** ‘уступать, передавать’ // **удать** XVIII–XIX
 - **ОУДАТИСА** XV–XVII // **УДАТЬСЯ** XVIII–XXI
 - **УДАЛОЙ** XVIII–XXI
- **благодатиса** // **БЛАГОДАТЬ** ‘ниспосланная свыше спасительная сила, помощь; милость, доброта; достаток’ XI–XXI

звенья. Рядом со словами римскими цифрами обозначено время фиксации слова в исторических словарях русского языка.

На первой ступени словообразования в ЭГ *Dati деэтимологизировались и образовали самостоятельные СГ 9 лексем: *дар*, *дань*, *подданный*, *издать*¹ ‘испустить (запах, звук)’, *издать*² ‘опубликовать’, *преподать*, *предать*, *продать*, *благодать* (негнездовое слово), семантическая специализация которых наметилась в период с XI по XVII век, а в конце XVII – начале XVIII века привела к их обособлению.

Рассмотрим более подробно процесс деэтимологизации и семантическую структуру вершин упомянутых СГ.

Совр. сущ. *nomen patientis дар* происходит от цслав. *даръ* (< праслав. суф. производного *da-гъ ‘дань, подарок; пожертвование, приданое’ < *dati). В XI–XVII веках его семантическая структура включала 6 значений:

- 1) дар, подарок, приношение, жертва;
- 2) дань, подать, оброк;
- 3) брачная плата, приданое;
- 4) имущество, передаваемое в собственность другому лицу по завещанию;
- 5) благо, милость, добро, благодеяние (обычно от Бога);
- 6) способность, дарование.

Первое и второе значения сближали его с однокорневым синонимом *дань*, обозначающим обязательные выплаты. По данным МАС [МАС, т. I, с. 490], с XVIII по XX век слово *дар* теряет значения, связанные с обозначением обязательных выплат, благодаря чему устраняется синонимия со словом *дань* и усиливается его специализация в области обозначения безвозмездных даров – подарков:

- 1) то, что даётся безвозмездно; подарок, подношение:
Пугачёв сидел в креслах, принимая дары казанских татар, приехавших к нему с поклоном. Пушкин;
- 2) способность, талант, дарование:
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный. Пушкин;
- 3) церк. *дары* ‘хлеб и вино, над которыми совершается одно из христианских богослужений и которые обозначают тело и кровь Христа’:

Идёт из кустов пономарь и звонит;
И следом священник с дарами. Жуковский.

Совр. сущ. *nomem patientis* **дань** происходит от др.-русск. *дань* (< праслав. суф. производного *da-нь ‘дань, дар, подарок’ < *dati). В XI–XVII веках его семантическая структура включала два значения:

- 1) дар, подарок, приношение;
- 2) дань, налог, подать.

Первое значение сближало его с однокорневым *даръ* и утратилось в конце XVII века, на базе второго в XVIII–XX веках развилась специализированная семантическая структура, включающая устаревшее (пассивное) прямое и активные переносные значения:

1) подать, взимавшаяся с населения в древней Руси князем, военачальником или победителем с побеждённого народа:

С востока, из-за Волги, пришёл чужой, иноязычный народ, и ханы его наложили тяжёлую дань на вольные племена. Либединский [МАС, т. I, с. 490];

2) дар, приношение; подаяние:

Богатых почитай, чтоб с них имѣти дань. Сумароков [СРЯ XVIII века, т. 6, с. 33];

3) то, что следует воздать; должное:

Тургенев не полюбил Базарова, но признал его силу, признал его перевес над окружающими людьми и сам принёс ему полную дань уважения. Писарев [МАС, т. I, с. 490].

Совр. **подданный** и 13 его дериватов (*подданная, подданство, подданнический, верноподданный* и др.) впервые фиксируются словарём XVIII века, наличие же трёх диалектных лексем (*подданник, подданница* ‘находящий(-ая)ся в подчинении; подданный(-ая)’, *поддатень* ‘помощник, товарищ, сотрудник’) и устаревшее значение ‘тот, кто подчиняется власти хозяина, господина в его владениях’ позволяет предположить, что слово появилось несколько раньше, видимо, в период формирования российской государственности. Ученые [Шанский, Боброва, 1994, с. 240] предположили, что слово могло быть заимствовано в XVII веке из польского языка, в котором *rod-danu* ‘крепостной, подданный’ является словообразовательной калькой лат. *sub-ditus* ‘поднесение’.

Совр. **издать**¹ ‘испустить (звук, запах)’ деэтимологизировалось, предположительно, в XVI–XVII веках, так как именно с этого времени исторические словари русского языка помещают глаголы *издати* ‘отдать; выдать, предать; истратить, израсходовать’ и *издати*

‘испустить (звук, запах)’ в разные словарные статьи, указывая на существенные расхождения в семантике и омонимизацию некогда лексико-семантических вариантов префиксального глагола. Таким образом, деэтимологизация глагола *издать* связана с расширением его семантики и может быть представлена схемой:

дати ‘дать, отдать, передать’

- *из-дати*¹ ‘отдать; выдать, предать; израсходовать’, т. е. ‘отдать целиком, без надежды на возвращение; использовать полностью’
- *из-дати*² ‘испустить (звук, запах)’, т. е. ‘производя звук или источая запах (как объекты передачи), субъект целиком «передаёт» их окружающей среде, т. к. ни звук, ни запах невозможно получить назад’

Совр. *издать*² ‘опубликовать’ и половина его производных (*издаться, издавать, издание, издатель, издательский* и др.) возникли в XVIII веке, будучи связанными с гл. *издати* ‘отдать; выдать; истратить, израсходовать’ через сему ‘отдать целиком’, т. е. ‘произведя, напечатав рукопись с помощью типографской техники большим тиражом, выпустить в свет, сделать достоянием читателей’. Н.М. Шанский считает этот глагол семантической калькой второй половины XVII века с нем. *herausgeben* ‘выдавать, давать; публиковать’ (*heraus* ‘из’ + *geben* ‘давать’), который мог обозначать и другие процессы, связанные с написанием и изданием книг – ‘сдать в печать’, ‘создать, написать книгу’ [Шанский, Боброва, 1994, с. 28]. Вторая половина слов СГ «Издать²» – результат развития издательского дела в России XIX–XX веков (*редакционно-издательский, соиздатель, книгоиздатель, издательство*), а также свидетельство особенностей подцензурного осуществления издательской деятельности в СССР (*учпедгиз, субстантив. прич. неизданное, самиздат, тамиздат*) и «освобождённой» печати в перестроечные времена (*рекламно-издательский, новоизданный, переиздать, окказионализм здесьиздат*).

Деэтимологизированный в XVIII веке гл. *преподать* ‘наставляя, сообщить, внушить’, продолжает не зафиксированный историческими словарями русского языка префикс. гл. **преподати*, образованный от многозначного др.-русс. гл. *подати* ‘передать, сообщить, довести до сведения’ < **podati*. Небольшое СГ (7 компонентов), возглавляемое этим гл., за исключением цслав. *преподаѣтельнии* ‘служащий к преподаванию, наставлению’,

сформировалось в период с XVIII по XIX век, однако в современном литературном языке сохранилось лишь 3 слова из этого гнезда: *преподавать*² ‘наставляя, поучать, внушать’ (ср. *преподавать*¹ ‘заниматься педагогической деятельностью’), *преподаваться*, *преподача*.

Совр. *предать* ‘изменнически выдать; вероломно отдать во власть кого-л.’, ‘изменить, нарушить верность кому-, чему-л.’, ‘подвергнуть какому-л. действию, привести в какое-л. состояние’ (обычно в сочетании с сущ., обозначающими действие или состояние, напр., *предать забвению*, *предать анафеме*) продолжает др.-русск. заимствование из старославянского языка *прѣдати* ‘отдавать, передавать, предавать изменой’, обладавшее более широким спектром значений. Деэтимологизация глагола произошла в XVIII веке по причине сужения семантики и специализации на обозначении действия предательской выдачи.

Совр. префикс. гл. *продать* деэтимологизировался в конце XVII – начале XVIII века благодаря семантическому отмежеванию от вершины ЭГ *дати*: в русском языке XI–XVII веков гл. *продати* обладал разветвлённой семантической структурой, включающей 6 значений: 1) отдать за деньги, продать, 2) продать в рабство, 3) наложить пеню, 4) взять плату за что-л., 5) собрать повинности, 6) предать, подчинить. В совр. литературном языке глагол значительно сокращает систему своих значений и специализируется на обозначении действия передачи за плату:

1) отдать за определённую плату:

Дом и вся движимость были проданы с молотка. Чехов;

2) совершить предательство из корыстных побуждений, предать:

Партизан никогда не продаст и не выдаст товарища.
Фадеев [МАС, т. III, с. 647].

Для совр. негнездового сущ. *благодать* БАС-3 фиксирует 4 значения:

1) по религиозным представлениям – благоволение, добро, счастье, помощь, исходящие от Бога, ниспосланные им:

И божья благодать сошла на Грузию. Лермонтов;
устар. благо, добро, благополучие:

Я б доказал ему,

Что может власть, когда на благодати,

А не на казнях зиждется она! А.К. Толстой;

2) состояние удовлетворённости, душевного покоя:

Уединение, труд, размышления, книги, перо и тетрадь... –

В них ты для сердца найдёшь исцеление.

И для ума – благодать. Полонский;

3) в значении предикатива – о состоянии природы, окружающего мира, вызывающем у человека чувство покоя, умиротворённости, блаженства:

Всё замерло в безмятежной истоме угасающего дня. И такая благодать, такой покой, будто в природе на века наступило примирение. Ни хищников, ни бурь, ни смерти. Федосеев;

4) изобилие каких-л. материальных благ; богатство:

В этих хоромах жили богатые помещики, как вдруг, в одно прекрасное утро, вся эта благодать сгорела дотла. Тургенев [БАС-3, т. II, с. 17–18].

Схема его деэтимологизации следующая:

дати → *благодати

↳ *благодатию* // *благодать* ‘ниспосланная свыше спасительная сила, помощь; милость, доброта; добродетель, достаток’
↳ *благодать*, фиксируемое историческими словарями в указанных значениях с XVII века.

На второй ступени деэтимологизировались и образовали самостоятельные СГ 12 лексем: *дача*² ‘загородный дом’, *выдаться*, *пóдать*, *преданный*², *раздаться*, *раздать*² ‘расширить’, *сдаться*² ‘показаться, подуматься’, *удаться*, *удалой* и негнездовые слова *Дажбог*, *предание*² ‘устный рассказ’, *сдаться*³ ‘понадобиться’, семантическая специализация которых наметилась в начале XVIII века и привела к их обособлению, процесс которого можно представить схемами в обратном хронологическом порядке:

– *Дажбог* < *даждь-богъ* // *дажь-богъ* – наименование древнего славянского божества – Бога дающего и дарующего < *дажьда* // *даждь* сущ. помен асѣ ‘давание, дача; взятка’ < *дати*;

– *дача*² ‘загородный дом’ (наряду с сущ. помен асѣ *дача*¹ ‘порция’) < *дача* ‘земельный или лесной участок, находящийся во владении’ < *дача* ‘угодья и земли, принадлежащие помещику или государственным крестьянам, данные в дар или пользование за службу’ < *дати*;

– *выдаться* ‘образовать выступ’, ‘выделиться из окружающей среды’, ‘случиться, оказаться’ < *вьдати* // *выдати* // *выдаѣти* ‘отдать; позволить, достигнуть’ < *дати*;

– квалифицируемое совр. словарями как историзм, сущ. помен

patientis *пóдать* ‘подушный налог, взимавшийся с крестьян и мещан в дореволюционной России’ происходит от др.-русск. *подать* ‘подать, пошлина’, образованного от префикс. полисемантического гл. *подати* в значении ‘отдать, вернуть, возвратить’ < *дати*;

– *предание*² (наряду с *предание*¹ – сущ. *poimen acti* от гл. *предать*) ‘устный рассказ, история, легенда о былом, передающиеся из поколения в поколение’ < цслав. *прѣдание* ‘завет, постановление’ < ст.-слав. *прѣдати* ‘отдать, предать изменой’ < *дати*;

– прилаг. *преданный*² ‘исполненный верности кому-, чему-л.’ < прич.-прилаг. *преданный*¹ ‘подвергнутый действию чего-л.’ < *предать* < *дать*;

– *раздаться* ‘прозвучать, стать слышным’ < *раздать* ‘отдать по частям’ < *раздати* // *роздати* ‘раздать, раздарить’ < *дати*;

– *раздать*² ‘расширить, растянуть, сделать просторнее’ – значение развилось на базе *раздать*¹ ‘отдать по частям’, т. е. в результате раздачи чего-л. частями объект распространяется среди бóльшего числа лиц, тем самым как бы расширяется в пространстве, занимая больше места;

– лексико-семантические варианты *сдаться*² ‘показаться, подуматься’ и *сдаться*³ ‘понадобиться’ развились на базе семантики гл. *сдать*, фиксируемого словарями с XVIII века: предположительно, оба инновационных значения ‘показаться, подуматься’ и ‘понадобиться’ продолжают семантику ‘отдать, поместить куда-л. с какой-л. целью’, различаясь «местом», куда осуществляется помещение, и помещаемым (абстрактным или конкретным) объектом. Так, ‘показаться, подуматься’ – это ‘поместить абстрактный объект (представление, образ, мысль) в сознание, перед внутренним взором’, а ‘понадобиться’ – это ‘поместить конкретный объект (предмет или лицо) непосредственно перед собой или перед внутренним взором, т. е. ощутить в нём необходимость, потребность’;

– фиксируемый в словарях с XVIII в. негнездовой гл. *удаться*, образованный от утратившегося в XIX в. префикс. гл. *удать* (< цслав. *оудати* ‘давать, уступать, передавать’), развивает в XIX–XX вв. значения на основе семы ‘уступать, передавать’:

1) ‘завершиться удачно’:

Обед удался на славу. Было и шумно, и весело. Бунин;

2) разг. ‘получиться удачным, хорошим’:

Насколько я мог понять из того, что мне было известно,

личная жизнь Нины не удалась совершенно. Чехов;

3) ‘посчастливиться, случиться’:

*Такую панораму вряд ли где ещё удастся мне видеть:
под нами лежала Койшаурская Долина... Лермонтов;*

4) разг. ‘уродиться, вырасти похожим на кого-л.’:

Так вот гляди: мы схожи уродились –

И голосом, и волосом, и ростом

Один в другого удались точь-в-точь. А. Островский
[МАС, т. IV, с. 633];

– *удалóй* // *удáлый* ‘обладающий удалью, исполненный отваги; бесстрашно, безудержно несущийся’ < цслав. *оудати* ‘уступать, передавать’ < *дати*.

Относительно дериватов последнего СГ необходимо отметить формирование в их среде одного из самых ярких и самобытных национально-культурных концептов – «Удаль», описанию которого посвящён фрагмент книги А.Д. Шмелёва «Русская языковая модель мира»: «Слово **удаль** обозначает качество, чем-то родственное таким качествам, как *смелость*, *храбрость*, *мужество*, *доблесть*, *отвага*, но всё же совсем иное. <...> Оно оказывается уместным, когда речь идёт о ком-то, кто действует вопреки всякому расчёту, “очертя голову” и тем самым совершает поступки, которые были бы не по плечу другому. Пытаясь объяснить или понять, что такое **удаль**, мы неизбежно сталкиваемся с некоторым парадоксом. Все попытки рационального объяснения **удали** заставляют признать, что в ней нет ничего особенно хорошего; во всяком случае она не является таким превосходным качеством, как *мужество*, *смелость*, *храбрость*, *отвага*, *доблесть*. В то же время слово **удаль** в русском языке обладает яркой положительной окраской (*удаль молодецкая*). <...> Говоря об **удали**, мы любимся тем, какие удалые действия может совершить человек, и уже это сообщает слову положительную окраску. Кроме того, для **удали** важна идея бескорыстия, **удаль** противостоит узкому корыстному расчёту. <...> Пожалуй, быстрая езда, которую, как известно, любит всякий русский, – это и есть самое типичное проявление **удали**. Образ мчащейся и “необгонимой” “птицы-тройки” даёт хорошее представление о том, что такое **удаль** и каково её ассоциативное поле в русском языке. По-видимому, само слово (и понятие) **удаль** могло родиться только у бойкого народа, привыкшего к широким пространствам» [Шмелёв, 2002, с. 93–95].

На третьей ступени деэтимологизировались и образовали самостоятельные СГ 6 лексем: *даровой*, *даром*, *благодарить*, *благодарствовать*, *Богдан*, *преподавать*, семантическая специализация которых наметилась в начале XVIII в. и привела к их обособлению, процесс которого можно представить схемами в обратном хронологическом порядке:

– *даровой* < *даровать* ‘подарить, пожаловать’ < *даровати* ‘одаривать, жаловать, награждать; ниспосылать’ < *дарити* < *дарь* ‘дар, подарок; дань, подать, оброк; брачная плата, приданое; благо, милость, добро, благодеение (от Бога); способность, дарование’ < *дати*;

– *даром* ‘бесплатно; очень дешево; без пользы, напрасно, зря’ < *дарити* и далее как для слова *даровой*;

– глагол-композиата *благодарить* восходит к заимствованному из ст.-слав. *благодарити* ‘одаривать, награждать; благодарить’, который является калькой др.-греч. εὐ-χάριςτiα ‘благодарение, благодарность, признательность’ < εὖ ‘добро, благо’ и χάρις ‘почитание, честь, уважение’ [Вейсман, 1991, с. 236];

– отмечаемый совр. словарями как устаревший, гл. *благодарствовать* продолжает цслав. *благодарьствовати* ‘благодарить’ < *дарити* и далее как для слова *даровой*;

– русское и болгарское имя собственное *Богдан* < *богоданный* ‘неродной, приёмный’ < ст.-слав. *богоданныи* ‘данный Богом’ – калька др.-греч. θεός δωρεά, ср. *Феодор* // *Фёдор*, *Феодот* // *Федот* и *Теодор* [Вейсман, 1991, с. 601];

– *преподавать* < цслав. *преподавати* ‘давать, уделять’ < *подавати* ‘подавать, подносить; давать в дар, жертвовать, наделять; порождать, приносить, производить’ < *подати* ‘дать’ < *дати*.

На четвёртой ступени деэтимологизировался и образовал самостоятельное СГ гл. *озадачить*, семантическая специализация которого наметилась в начале XVIII века и привела к его обособлению: *озадачить* ‘привести в замешательство, недоумение’ < *задачить* ‘ставить в тупик’, фиксируемое словарями XVIII–XIX веков < *задача* сущ. помен асті от гл. *задати* ‘дать, отдать’ < *дати*.

Интересной в этой связи является история семантического развития слова *задача*, которое осталось в СГ «Дать», но сохранило тесные смысловые связи с производным от него гл. *озадачить*. С середины XIX века происходит сужение и сокращение его значений, видимо, во избежание омонимии,

так как в предшествующий период оно обозначало действие по гл. *здать* // *здать* ‘предлагать; назначать что-л. для разрешения, изучения, осуществления’ (*здать вопрос, урок, работу*) и состояние соответственно значению возвратного гл. *здаться* // *здаться* ‘удаться, посчастливиться’. Так возникли два значения, настолько далёких и стилистически дифференцированных, по наблюдениям В.В. Виноградова [Виноградов, 1999, с. 195–196], что они уже в литературном языке XVIII – начала XIX века воспринимались почти как омонимы:

1) *здача*¹ ‘предложение, назначение чего-л. для решения, изучения, исполнения’ (*Начиналась здача уроков на следующий раз*) – это значение до сих пор сохраняется во многих говорах (*здача корма скотине*), на его основе развивается тесно связанное с ним значение ‘то, что задано для решения’, ‘вопрос, требующий разрешения, проблема’ (*неразрешимая здача для философии, алгебраическая здача*); позднее, в 1860–1870-е годы, из выражения *общественные здачи* в семантической структуре слова *здача*¹ образуется новый, более отвлечённый оттенок значения – ‘цель, стоящая перед кем-л.; то, что необходимо осуществить’ (*здачи хозяйственной реорганизации*);

2) *здача*² ‘успех, удача’ (ср. *нездачиливый, нездача*), носившее яркую печать народнопоэтической экспрессии, постепенно вышло из литературного употребления и приобрело окраску областного выражения; вытеснению этого омонима содействовал более активный его литературный синоним *удача*.

Заключение

Интенсивность лексических изменений – одна из наиболее важных черт развития русского литературного языка XVIII–XX веков, обусловленная как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами. Ю.С. Сорокин пишет: «Существенные перемены в экономике страны, развитие крупной промышленности, кризис и распадение феодально-крепостнической системы, бурное развитие культуры, общественной мысли, науки, с одной стороны, коренная перестройка стилистической системы литературного языка, развитие реализма в русской литературе, с другой, – всё это вело к значительным стилистическим перемещениям в словарном составе» [Сорокин, 1961, с. 27]. Одной из центральных проблем этой эпохи была также задача создания «метафизического

языка» – национальной системы отвлечённой, философской, научной и публицистической лексики.

Общие тенденции в формировании лексико-семантической системы литературного языка обусловили изменения в структуре и составе рассматриваемого ЭГ *Dati, которое в русском языке XVIII–XXI веков состоит из 29 словообразовательных гнезд, значительное увеличение которых по сравнению с предшествующим лингвохронологическим уровнем объясняется тем, что слова, утратившие смысловую общность, образуют разные СГ. Эти процессы отражены в обобщающей таблице № 1.

ЭГ *Dati	№ п/п	вершины СГ	семантика	кол- во слов	время дэтимологизации
	1	<i>дать</i>	дать, давать в руки, вручать	579	–
	2	<i>дар</i>	дар, подарок, приношение	174	XI вв.
	3	<i>даровой</i>	бесплатный, не оплачиваемый	13	XVIII – XIX вв.
	4	<i>даром</i>	бесплатно; очень дёшево	12	XVIII – XIX вв.
	5	<i>благодарить</i>	одаривать, награждать	21	XI – XII вв.
	6	<i>благодарствовать</i>	в выражениях благодарности – благодарю, спасибо	2	XVIII – XIX вв.
	7	<i>Дажбог</i>	имя славянского божества	негнездовое	XI – XII вв.
	8	<i>дань</i>	дань, налог, подать	21	XII – XV вв.
	9	<i>Богдан</i>	данный Богом	24	XVIII – XIX вв.
	10	<i>дача</i>	загородный дом	10	XVIII – XIX вв.
	11	<i>подданный</i>	состоящий в подданстве какого-л. государства	17	XVIII – XIX вв.
	12	<i>выдаться</i>	выдвинуться, выступить	3	XVIII – XIX вв.

13	<i>озадачить</i>	привести в замешательство	9	XVIII – XIX вв.
14	<i>издать1</i>	испустить (звук, запах)	5	XVI – XVII вв.
15	<i>издать2</i>	опубликовать	33	XVIII – XIX вв.
16	<i>преподавать</i>	заниматься педагогической деятельностью	9	XVIII – XIX вв.
17	<i>пóдать</i>	подушный налог	7	XVIII – XIX вв.
18	<i>преподать</i>	наставляя, сообщить, внушить	7	XVIII – XIX вв.
19	<i>предать</i>	предать, выдать недругам	18	XI – XII вв.
20	<i>предание</i>	завет, предание о событии	негне- здовое	XI – XII вв.
21	<i>преданный</i>	верный	6	XVIII – XIX вв.
22	<i>продать</i>	отдать за деньги, продать	88	XI – XII вв.
23	<i>раздаться1</i>	прозвучать, стать слышным	2	XVIII – XIX вв.
24	<i>раздаться2</i>	расширить, растянуть	4	XVIII – XIX вв.
25	<i>сдаться2</i>	показаться, подуматься	2	XVIII – XIX вв.
26	<i>сдаться3</i>	понадобиться	негне- здовое	XVIII – XIX вв.
27	<i>удаться</i>	пройти, завершиться удачно, успешно	негне- здовое	XVIII – XIX вв.
28	<i>удалой</i>	обладающий удалью, отвагой	17	XVIII – XIX вв.
29	<i>благодать</i>	дар, ниспосланный свыше, милость Божия	негне- здовое	XI – XII вв.

Таблица 1
Результаты деэтимологизации в ЭГ *Dati

Источники

БАС-3 – Большой академический словарь русского языка / РАН, Институт лингвистических исследований; гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–.

МАС – Словарь русского языка: в 4 тт. / АН СССР, Институт русского языка; гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985–1988.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в.: Вып. 1–22 / РАН, Институт русского языка имени В.В. Виноградова; Институт лингвистических исследований; гл. ред. Ю.С. Сорокин. М.; Л.; СПб.: Наука, 1984–2019.

Пятаева Н.В. Антропоцентрический и синергетический принципы лингвистики в динамическом исследовании лексических гнезд: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта, 2018. 212 с.

Пятаева Н.В. Диахронический словообразовательный словарь этимологического гнезда *Dati // Лексикографические штудии: Международная коллективная монография. Вып. 3 / Под ред. Н.В. Пятаевой. М.: изд-во Моск. ун-та, 2017. С. 64–128.

Литература

Брандт Р.Ф. Лекции по истории русского языка. 2-е изд., стереотип. М.: URSS, 2019. 186 с.

Будде Е.Ф. Очерк истории современного литературного русского языка: XVIII–XIX века. 2-е изд., стереотип. М.: URSS, 2019. 142 с.

Буслаев Ф.И. История русского языка и словесности: Лекции, читанные ordinарным профессором Ф.И. Буслаевым. 1867–1868 акад. год. М.: Мавродиади, 1868. 108 с.

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. 1370 с.

Виноградов В.В. Избранные труды по истории русского литературного языка. М.: Наука, 1978. 323 с.

Виноградов В.В. История слов. М.: Наука, 1999. 1138 с.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учебник. 3-е изд., стереотип. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

Винокур Г.О. История русского литературного языка. 2-е изд., стереотип. М.: URSS, 2017. 184 с.

Живов В.М. История языка русской письменности: в 2 тт. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.

Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа

«Языки русской культуры», 1996. 591 с.

Камчатнов А.М. История русского литературного языка. XI – первая половина XIX в.: учебник. М.: Высшее профессиональное образование, 2015. 624 с.

Кожин А.Н. Литературный язык допушкинской России. М.: Русский язык, 1989. 283 с.

Колесов В.В. Древнерусский литературный язык: учебник. СПб.: изд-во СПбГУ, 2019. 333 с.

Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М.: Высшая школа, 1975. 327 с.

Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л.: ЛГУ, 1981. 280 с.

Обнорский С.П. Русский литературный язык: Вехи истории. М.: URSS, 2010. 168 с.

Ремнёва М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: изд-во Моск. ун-та, 2003. 336 с.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 2-е изд., стереотип. М.: URSS, 2019. 326 с.

Сорокин Ю.С. Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка XIX в. // Вопросы языкознания. 1961. № 3. С. 22–36.

Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. 4-е изд., стереотип. М.: URSS, 2017. 136 с.

Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX в.: языковая программа Карамзина и её исторические корни. М.: изд-во Моск. ун-та, 1985. 240 с.

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. 2-е изд., стереотип. М.: URSS, 2020. 328 с.

Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. 2-е изд., стереотип. М.: URSS, 2020. 246 с.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.

Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. 2-е изд., стереотип. М.: URSS, 2021. 232 с.

Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка. 2-е изд., стереотип. М.: URSS, 2021. 336 с.

References

Sources

LAD-3 – *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka* [Large Academic Dictionary of the Russian Language] / Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies; eds. K.S. Gorbachevich, A.S. Gerd. M.; SPb.: Nauka Publishing House, 2004–.

DRL – *Slovar' russkogo jazyka: v 4 tt.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.] / USSR Academy of Sciences, Institute of the Russian Language; ed.-in-Chief A.P. Evgenyeva. M.: Russian Language Press, 1985–1988.

18th Century DRL – *Slovar' russkogo jazyka XVIII v.: Vyp. 1–22* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century: Issues 1–22] / Russian Academy of Sciences, Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov; Institute of Linguistic Studies; Ed.-in-Chief Yu.S. Sorokin. M.; L.; SPb.: Nauka Publishing House, 1984–2019.

Pyataeva N.V. *Antropocentricheskij i sinergeticheskij principy lingvistiki v dinamicheskom issledovanii leksicheskix gn'ozd: monografija* [Anthropocentric and Synergetic Principles of Linguistics in the Dynamic Study of Lexical Clusters: Monograph]. 2nd ed., corrected and suppl. M.: Flinta Publishing House, 2018. 212 p.

Pyataeva N.V. *Diahnricheskij slovoobrazovatel'nyj slovar' etimologicheskogo gnezda *Dati* [Diachronic Word-Formation Dictionary of the Etymological Nest *Dati] // *Leksikograficheskije shchudii: Mezhdunarodnaja kollektivnaja monografija. Vyp. 3* [Lexicographical Studies: International Collective Monograph. Issue 3] / Ed. by N.V. Pyataeva. M.: Moscow State University Press, 2017. Pp. 64–128.

Literature

Brandt R.F. *Lekcii po istorii russkogo jazyka* [Lectures on the History of the Russian Language]. M.: URSS Press, 2019. 186 p.

Budde E.F. *Ocherk istorii sovremennogo literaturnogo russkogo jazyka: XVIII–XIX veka* [Essay on the History of the Modern Literary Russian Language: 18th–19th Centuries]. 2nd ed., stereotype. M.: URSS Press, 2019. 142 p.

Buslaev F.I. *Istorija russkogo jazyka i slovesnosti: Lekcii, chitannyje ordinarnym professorom F.I. Buslajevym. 1867–1868 akad. god* [History of the Russian Language and Literature: Lectures Given by Ordinary Professor F.I. Buslaev. 1867–1868 academic year]. M.:

Mavrodiadi, 1868. 108 p.

Weisman A.D. *Grechesko-russkij slovar'* [Greek-Russian Dictionary]. M.: Yu.A. Shichalin's Greco-Latin Cabinet Press, 1991. 1370 p.

Vinogradov V.V. *Izbrannyje trudy po istorii russkogo literaturnogo jazyka* [Selected Works on the History of the Russian Literary Language]. M.: Nauka Publishing House, 1978, 323 p.

Vinogradov V.V. *Istorija slov* [History of Words]. M.: Nauka Publishing House, 1999. 1138 p.

Vinogradov V.V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII–XIX vv.: uchebnik* [Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th Centuries: Textbook]. 3rd ed., stereotype. M.: Vysshaya Shkola Press, 1982, 528 p.

Vinokur G.O. *Istorija russkogo literaturnogo jazyka* [History of the Russian Literary Language]. 2nd ed., stereotype. M.: URSS Press, 2017. 184 p.

Zhivov V.M. *Istorija jazyka risskoj pis'mennosti: v 2 tt.* [History of the Russian Written Language: in 2 vols.]. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke Press, 2017.

Zhivov V.M. *Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in Russia in the 18th century]. M.: Shkola "Jazyki russkoj kul'tury" Press, 1996. 591 p.

Kamchatnov A.M. *Istorija russkogo literaturnogo jazyka. XI – pervaja polovina XIX v.: uchebnik* [History of the Russian Literary Language. 11th – First Half of the 19th Century: Textbook]. M.: Vysshee professional'noje obrazovanije Press, 2015. 624 p.

Kozhin A.N. *Literaturnyj jazyk dopushkinskoj Rossii* [The Literary Language of Pre-Pushkin Russia]. M.: Russian Language Press, 1989. 283 p.

Kolesov V.V. *Drevnerusskij literaturnyj jazyk: uchebnik* [Old Russian Literary Language: Textbook]. SPb.: St. Petersburg State University Press, 2019. 333 p.

Larin B.A. *Lekcii po istorii russkogo literaturnogo jazyka (X – seredina XVIII v.)* [Lectures on the History of the Russian Literary Language (10th – mid-18th Century)]. M.: Vysshaja shkola Press, 1975. 327 p.

Meshchersky N.A. *Istorija russkogo literaturnogo jazyka* [History of the Russian Literary Language]. L.: Leningrad State University Press, 1981. 280 p.

Obnorsky S.P. *Russkij literaturnyj jazyk: Vehl istorii* [Russian

Literary Language: Milestones in History]. M.: URSS Press, 2010. 168 p.

Remneva M.L. *Puti razvitija russkogo literaturnogo jazyka XI–XVII vv.* [The Development of the Russian Literary Language in the 11th–17th Centuries]. M.: Moscow State University Press, 2003. 336 p.

Sobolevsky A.I. *Lekcii po istorii russkogo jazyka* [Lectures on the History of the Russian Language]. 2nd ed., stereotype. M.: URSS Press, 2019. 326 p.

Sorokin Yu.S. *Ob obshchih zakonornostjah razvitija slovarnogo sostava russkogo literaturnogo jazyka XIX v.* [On the General Patterns of Vocabulary Development in the Russian Literary Language of the 19th Century // Problems of Linguistics. № 3. Pp. 22–36.

Sreznevsky I.I. *Mysli ob istorii russkogo jazyka* [Thoughts on the History of the Russian Language]. 4th ed., stereotype. M.: URSS Press, 2017. 136 p.

Uspensky B.A. *Iz istorii russkogo literaturnogo jazyka XVIII – nachala XIX v.: jazykovaja programma Karamzina i jeho istoricheskije korni* [From the History of the Russian Literary Language of the 18th – Early 19th Centuries: Karamzin's Language Program and Its Historical Roots]. M.: Moscow State University Press, 1985. 240 p.

Uspensky B.A. *Istorija russkogo literaturnogo jazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian Literary Language (11th–17th Centuries)]. M.: Aspect Press, 2002. 558 p.

Filin F.P. *Istoki i sud'by russkogo literaturnogo jazyka* [The Origins and Fate of the Russian Literary Language]. 2nd ed., stereotype. M.: URSS Press, 2020. 328 p.

Chernykh P.Ya. *Oчерк russkoj istoricheskoi leksikologii. Drevnerusskij period* [The Essay on Russian Historical Lexicology: the Old Russian Period]. 2nd ed., stereotype. M.: URSS Press, 2020. 246 p.

Shansky N.M., Bobrova T.A. *Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. M.: Proserpina Press, 1994. 400 p.

Shakhmatov A.A. *Oчерк sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [The Essay on the Modern Russian Literary Language]. 2nd ed., stereotype. M.: URSS Press, 2021. 232 p.

Shmelev A.D. *Russkaja jazykovaja model' mira: Materialy*

k slovarju [The Russian Language Model of the World: Materials for a Dictionary]. M.: *Jazyki slavjanskoj kul'tury* Press, 2002. 224 p.

Yakubinsky L.P. *Istorija drevnerusskogo jazyka* [History of the Old Russian Language]. 2nd ed., stereotype. M.: URSS Press, 2021. 336 p.

Сведения об авторе

Пятаева Наталия Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры языкознания и лингводидактики филологического факультета, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. Научные интересы: теория и история языкознания, историческая лексикология восточнославянских языков, лексикография, терминоведение и терминография.

Information about the Author

Natalia V. Pyataeva – Dr. Sc. (Philology), Associate Professor; Professor of the Department of Linguistics and Linguodidactics of the Faculty of Philology, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank. Research interests: theory and history of linguistics, historical lexicology of East Slavic languages, lexicography, terminology and terminography.

МНОГОПЛАНОВОСТЬ ВЕКТОРОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Научно-теоретическая статья

УДК 81`367.625.43

DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-36-51

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЧАСТИЙ ВО ВВОДНОЙ ПОЗИЦИИ

Замятина Ирина Викторовна

Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация;

zamy-a-irina@yandex.ru, AuthorID: 657526

Замятина Екатерина Сергеевна

Филиал Военной академии материально-технического обеспечения, Пензенский артиллерийский инженерный институт, Пенза, Российская Федерация;

ashrum@yandex.ru, AuthorID: 1029020

Аннотация. Материалом для данной работы стал Национальный корпус русского языка (НКРЯ), в котором обнаружено более 7000 контекстов по проблеме, указанной в названии статьи. Цель исследования – проанализировать особенности вводных единиц, содержащих причастия, что ранее не получало системного описания в лингвистической литературе. Задачи работы: анализ особенностей вводных слов как синтаксической единицы; анализ особенностей синтаксических позиций причастий; создание классификации вводных единиц, содержащих причастия. Комплексная методология, применяемая в исследовании, сочетает такие методы анализа, как структурно-

семантический, синтактико-семантический, историко-генетический, метод компонентного анализа, корпусный и лексикографический, контекстуальный. Предложена семантическая классификация причастных вводных единиц с опорой на их субъективно-модальное значение – с семантикой эвиденциальности, уверенного предположения, метатекстовой, фатической. Анализируется специфика актантов причастия во вводной позиции (субъект, адресат, делиберат), поскольку они чаще выражаются имплицитно или через контекст. Сделан вывод, что причастные вводные слова – малочисленная, но значимая группа, в основном восходящая к безличным предложениям со значением состояния как результата информационного/мыслительного действия.

Ключевые слова: вводное слово, вводное сочетание слов, причастие, предикатив, краткое причастие, субъективная модальность.

Для цитирования: Замятина И.В., Замятина Е.С. Функционирование причастий во вводной позиции // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. С. 36–51. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-36-51.

Original scientific and theoretical article

THE FUNCTIONING OF PARTICIPLES IN THE PARENTHETICAL POSITION

Irina V. Zamyatina

Penza State University, Penza, Russian Federation;
zamyata-irina@yandex.ru, AuthorID: 657526

Ekaterina S. Zamyatina

Branch of the Military Academy of Logistics, Penza Artillery Engineering Institute, Penza, Russian Federation;
ashrum@yandex.ru, AuthorID: 1029020

Abstract. The material for this work is the National Corpus of the Russian Language (NCRL), which contains more than 7,000 contexts on the problem indicated in the title of the article. The aim of the study is to analyze the characteristics of introductory

units containing participles, which have not previously received a systematic description in the linguistic literature. The objectives of the work: analysis of the characteristics of introductory words as a syntactic unit; analysis of the characteristics of the syntactic positions of participles; creation of a classification of introductory units containing participles. The comprehensive methodology used in the study combines such methods of analysis as structural-semantic, syntactic-semantic, historical-genetic, component analysis, corpus and lexicographic, contextual. A semantic classification of participial introductory units is proposed based on their subjective-modal meaning – with evidentiality, confident assumption, metatextual, and phatic semantics. The specificity of participle actants in the introductory position (subject, addressee, deliberation) is analyzed, as they are often expressed implicitly or through context. It is concluded that participial introductory words are a small but significant group, primarily derived from impersonal sentences with the meaning of a state as the result of an informational/mental action.

Keywords: parenthetical word, parenthetical phrase, participle, predicative, short participle, subjective modality.

For citation: Zamyatina Irina V., Zamyatina Ekaterina S. The Functioning of Participles in the Parenthetical Position // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XIX. M.: Publishing Bookselling House “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2025. Pp. 36–51. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-36-51.

© Замятина И.В., Замятина Е.С., 2025

Введение

Материалом исследования являются данные, представленные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). *Цель исследования* – проанализировать особенности вводных единиц, содержащих причастия. Для достижения цели необходимо решить следующие *задачи*: указать особенности вводных слов как синтаксической единицы; определить особенности синтаксических позиций причастий; создать классификации вводных единиц, содержащих причастия. В статье применяется *комплексная методология*, сочетающая несколько научных подходов и конкретных методов анализа: структурно-семантический подход; синтактико-семантический анализ;

историко-генетический метод; метод компонентного анализа; корпусный и лексикографический анализ; контекстуальный анализ.

Основная часть

В научной литературе подробно рассмотрено функционирование причастий в различных синтаксических позициях [Замятина, 2009], кроме одной: позиции вводного слова. Мы попытаемся восполнить этот пробел.

Особенности вводных единиц

Вводные элементы характеризуются комплексом признаков:

- 1) интонационными – быстрый темп и более низкий тон, что на письме отражается посредством обособления;
- 2) синтаксическими – отсутствие формально выраженных синтаксических связей с предложением, частью которого является вводное слово;
- 3) семантическими – вводные слова выражают субъективно-модальные значения.

Термин «вводное слово» не совсем корректен, поскольку зачастую это не одно слово, а сочетание слов: ***Страшно сказать, но четыре года назад, когда ЧМ проводили в далекой Южной Африке, в Рио даже конкурсы устраивали, кто ярче украсит квартал*** [НКРЯ: Варламов И. Какой футбол им не нужен, 2014]; ***Кстати о птичках, я как раз и был в прошлом «русский» солдат – 1-я гвардейская танковая дивизия, калининградская спортрота*** [НКРЯ: Гаммер Е. Живые зеркала, 2014]; ***По мнению ученых, змей мог перезимовать в пещере, находящейся недалеко от Алма-Аты и обнаруженной в 1910 году жителем поселка Малая Станица Ганжой*** [НКРЯ: Домбровский Ю. Хранитель древностей, 1964]. Однако в дальнейшем мы не будем рассматривать «вводные сочетания слов» отдельно от «вводных слов».

Суть вводных слов охарактеризовал А.М. Пешковский: «Вводные слова и сочетания потому не являются частями данной мысли, что когда-то составляли часть *другой* мысли» [Пешковский, 2001, с. 410]. Несмотря на название «слова», они представляют собой лексико-синтаксический класс [Русская грамматика, 1980, т. 2]. По выражению современных исследователей, «вводные слова – это синтаксическая функция частей речи выражать отношение говорящего к сказанному им или способу оформления мыслей, и в этой функции могут употребляться слова практически любой

части речи; также функцию вводного слова могут выполнять целые синтаксические конструкции» [Остроумова, Фрамполь, 2009, с. 10].

Обратимся к генетической классификации вводных слов [Замятина, 2020]:

1) собственно вводные слова. Не употребляются в иной позиции, кроме вводной: *во-первых, чай, слышь, бишь* и др.;

2) квазипредикативные вводные слова. Их можно возвести к односоставным предложениям: *говорят, признаться, может стать, как ни странно, глядишь, ясное дело* и др.;

3) непредикативные вводные слова. Часть из них восходит к обособленным оборотам (*кстати говоря, как назло, честно сказать*), другая часть предположительно является сокращёнными вариантами квазипредикативных слов и непредикативных, восходящих к обособленным оборотам (*к слову* ← *к слову говоря, по слухам* ← *как известно по слухам, с другой стороны* ← *глядя с другой стороны* и др.);

4) междометные вводные слова. Восходят к междометиям и устойчивым выражениям: *ей-Богу, вот те крест, увы, поди-ка, чёрт побери* и др.

Специфика вводных единиц, содержащих причастия

В словаре О.А. Остроумовой и О.Д. Фрамполь «Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений» [Остроумова, Фрамполь, 2009] нами найдено 17 вводных единиц, содержащих причастия: *вестимо, как заведено, (как) написано..., как было отмечено..., как принято, как принято выражаться, как сказано, как уже было сказано, (не) к чести будь сказано, не в обиду будь сказано, не в укор будет сказано, не исключено, (как) сказано..., (как) указано..., между нами будь сказано, не к ночи будь помянуто*.

Также к данным единицам можно отнести вводное слово *видимо*, которое допустимо возвести как к отглагольному прилагательному *видимый*, так и к аналогичному причастию (ср. *видимые трудности* – *видимые всеми трудности*).

Отметим, что среди более чем 1400 вводных слов, приведённых в словаре О.А. Остроумовой и О.Д. Фрамполь,

1) вводные слова, содержащие причастие, немногочисленны – всего 17 (18) единиц;

2) ни одно из них не восходит к причастному обороту, и все содержат исключительно краткие формы страдательных причастий.

Причины подобного кроются в особых синтактико-семантических отношениях причастия с субъектом. Ранее мы отмечали: «в разных синтаксических позициях валентностные связи причастия реализуются неодинаково, и морфологические категории проявляются тоже неодинаково. Систему причастия наполняют формы, исторически связанные, но в процессе развития в разных формах могли усилиться или адъективные, или глагольные морфологические компоненты, в результате чего причастия могли разойтись на разные полюса системы» [Замятина, 2009, с. 19]. В указанной монографии выделены пять возможных синтаксических позиций страдательных и пять – действительных причастий. В зависимости от синтаксической позиции причастие по-разному проявляет свою глагольность и признаковость: иногда глагольность выходит на первый план (например, причастие в составе сказуемого двусоставного предложения с различными связками), в других случаях усиливается атрибутивное значение (например, позиция согласованного определения для страдательного причастия), иногда они пребывают в балансе (позиция в составе обособленного определения, выраженного причастным оборотом). При этом специфика вводного слова такова, что причастие в его составе не может быть связано атрибутивными отношениями либо предикативной связью с членами предложения – и, видимо, это играет решающую роль в невозможности функционирования полного причастия во вводной позиции. Заметим, что прилагательное также редко встречается в составе единиц во вводной позиции: это такие вводные слова, как *главное, самое главное, самое большее, самое меньшее, последнее, первое, второе* и т. д. Часть из них представляет собой сокращённые варианты вводных слов с прономенализованным словом *дело* (ср. *главное* – *главное дело*), другая часть – синонимы собственно вводных слов *во-первых, во-вторых* и т. д. Также в позиции вводности встречаются единицы, восходящие к компаративам (*более того, вернее всего* и др.), однако они тоже малочисленны, и невозможно установить, восходят ли они к сравнительной степени прилагательного или наречия. Из этого можно сделать вывод, что адъективность мало совместима с вводной позицией.

Также полное причастие может занимать синтаксическую позицию актанта; при этом оно полностью или частично субстантивируется [Замятина, 2009]. Субстантивные слова способны функционировать во вводной позиции: малая часть

квазипредикативных вводных слов восходит к номинативным односоставным предложениям, и среди непредикативных вводных слов представлено множество разнообразных предложно-падежных сочетаний. Тем не менее, ни одно из них не содержит субстантивированное причастие. Возможно, потому что субстантивация причастия – следствие не только внутреннего изменения семантики, но и специфической синтаксической позиции; в рамках же вводной единицы причастие не ставится в подобную позицию, потому что это сделает конструкцию громоздкой, в то время как вводные слова служат краткими и ёмкими средствами выражения субъективно-модальных значений.

Классификация вводных единиц, содержащих причастия

Краткие причастия «образуют совершенно самостоятельную систему, которая находится на периферии системы русского причастия»: «Эти формы обладают специфическими морфологическими свойствами и собственным категориальным значением» [Замятина, 2009, с. 21]. Но «в кратких формах причастий (от основ несовершенного вида) очень сильно значение состояния» [Виноградов, 1972, с. 229]. Их способность становиться грамматической основной односоставного предложения и близость к предикатам [Лекант, 2011] позволяет им функционировать как часть квазипредикативной вводной единицы, восходящей к односоставному безличному предложению. При этом вводные слова, содержащие причастия, можно разделить на несколько групп с точки зрения семантики (с опорой на классификацию субъективно-модальных значений Е.Н. Ореховой [Орехова, 2011]).

ПЕРВАЯ ГРУППА. Причастные вводные слова с семантикой эвиденциальности: *(как) написано ..., (как) сказано ..., (как) указано ..., как принято, как принято выражаться (говорить, думать)*. Их, в свою очередь, можно разбить на две подгруппы.

Первая подгруппа *(как написано ..., написано..., сказано ...)* восходит к безличным предложениям со значением состояния как результата информационного действия. Своеобразие вводного слова как семантико-синтаксической единицы обуславливает особенности актантов причастного предикатива:

1) семантический субъект отсутствует, но имеется обстоятельственный компонент, указывающий на источник сведений, который частично его замещает, например: *Стопроцентной гарантии, как часто бывает, никто не дает,*

но, как написано в одной казенной бумаге, есть «огромная доля вероятности», что этот красавчик как раз из АНБ [НКРЯ: Бушков А. Ближе, бандерлоги!, 2016]. Этот компонент может быть выражен:

- ✓ наречием со значением места: *К тому же из Библии, которую я так и не вернул баптисту, вдруг выяснилось, что подобные занятия не только не одобряются, но, как там написано, прокляты Богом* [НКРЯ: митрополит Тихон (Шевкунов). Несвятые святые, 2011];
- ✓ сочетанием предлога *в* и существительного в предложном падеже: *Однако, как указано в разделе «Результаты», критерий Стьюдента демонстрирует эффективность российского школьного образования в среднем: средние значения общего коэффициента интеллектуального развития после посещения школы значимо увеличились* [НКРЯ: Куравский Л., Малых С. Применение марковских моделей для анализа эволюции психологических характеристик в популяции, 2003];
- ✓ сочетанием предлога *у* и существительного в родительном падеже: *Мне кажется, что, как сказано у Достоевского: «Смеющийся ребенок – луч из рая», контакты с животными – это тоже луч из рая, это из того времени, когда не было первородного греха, когда все были вместе* [НКРЯ: Любимов Б. Три главные темы в жизни, 2015];

2) объект сообщения (адресат) не выражен лексически, но, по сути дела, им является непосредственный реципиент сообщения, изложенного в предложении, – именно для него указана ссылка на источник информации;

3) объект информации (делиберат) восстанавливается из контекста: это та предикативная часть, в рамках которой функционирует вводное слово, например: *Но я, как сказано, в общественном смысле бесприютен и одинок* [НКРЯ: Салуцкий А. Немой набат, 2019] – *Сказано, что я в общественном смысле бесприютен и одинок.*

Вторая подгруппа включает единицы как *принято* и как *принято выражаться (говорить, думать)* и восходит к односоставным предложениям со значением результативного состояния, обусловленного законом, установками, какой-либо нормой. Типичная структурная схема подобного предложения – $y\ N_2/N_3 + \text{Praed}_{\text{part}} \text{Inf} + N_{2\ldots\text{ob}}$, **например:** *Знаю я – у вас заведено*

с кем попало **целоваться** под луной [Ахматова А. Я с тобой не стану пить вино...].

Можно отметить следующие особенности актантов причастного предикатива:

1) позиция объекта в случае вводного слова не замещена, или, точнее, её с точки зрения семантики замещает информация, приведённая в предикативной части, в рамках которой функционирует вводное слово:

✓ *И хотя я и знал, что **бобры не так уж осторожны и пугливы**, как принято думать, дыхание все же невольно затаил* [НКРЯ: Иванов Д. Жил-был бобр, 2004] – *Принято думать, что **бобры не так уж осторожны и пугливы**;*

2) позиция субъекта может быть не замещена либо замещена сочетанием предлога у и существительного в родительном падеже или же детерминантом, указывающим на субъект состояния, например:

✓ *Эта странная фантазия, рожденная, как принято было говорить **у астрономов**, на кончике пера и выверенная по всем законам науки, способна – если преодолеть первоначальную оторопь (удивление, неверие глазам своим «прости нас, апостол Фома!») – объяснить многие загадочные феномены, бытующие в нашей жизни* [НКРЯ: Волков А. Миры Стивена Хоукинга, 2003]; *Сейчас создается Государственный комитет по Северу, куда войдут первые лица, как принято **в России** говорить* [НКРЯ: Митенков Ф. Судовая ядерная энергетика, 2003]; *Особенно на гуманитарных факультетах, для которых, как принято думать **у нас в отечестве**, мозги не потребны* [НКРЯ: Краснова Т. Оставьте в покое ЕГЭ. Почему пора прекратить обсуждать ЕГЭ и что стоило бы отменить на самом деле, 2018];

3) позиция инфинитива в случае вводного слова как *принято выражаться* может быть замещена другими глаголами со значением речи и мысли (*говорить, думать* и др.), в то время как вводное слово как *принято* представляет собой неполный, укороченный вариант единицы как *принято выражаться*.

В целом можно сказать, что вводные слова со значением эвиденциальности, содержащие причастия, – это мало фразеологизированные единицы, сохранившие живую связь

с односоставными предложениями, от которых произошли, и их структурные схемы. Возможность распространить данные вводные слова разнообразными актантами порождает практически бесконечное количество их вариаций.

ВТОРАЯ ГРУППА. Причастные вводные слова с семантикой уверенного предположения: *видимо, не исключено, вестимо*.

Вводное слово *вестимо* можно отнести к собственно вводным словам, поскольку вне вводной позиции оно уже не употребляется; тем не менее, оно восходит к краткой форме страдательного причастия *вѣстимый*, которое имеет значение «известный» [Шкураток, 2012], а значит, может быть условно отнесено к причастным вводным словам.

По контрасту с эвиденциальными вводными словами, данные единицы с семантикой уверенного предположения лишены распространяющих компонентов. Ср.:

- ✓ *Видимо, у Вас браузер не успевает обновиться* [НКРЯ – интернет-форум: Мужчина в школе. Взгляд на Мужчину в школе снаружи и изнутри, 2011] – **Ясно видимо, у Вас браузер не успевает обновиться; И все это, не исключено, впустую из-за нехватки у института средств на командировку* [НКРЯ: Салуцкий А. Немой набат, 2019] – **И все это, не полностью исключено, впустую из-за нехватки у института средств на командировку*.

Примеры «со звёздочкой» (*) звучат неестественно для носителя русского языка и требуют трансформации в предикативную часть, а точнее – в главную предикативную часть сложного предложения, ср.: *Не полностью исключено, что все это впустую из-за нехватки у института средств на командировку*.

Сказанное позволяет заключить, что причастные вводные слова с семантикой уверенного предположения – наиболее фразеологизированный класс причастных вводных слов. Они восходят к предложениям с семантикой состояния как результата мыслительного действия [Замятина, 2009], однако утратили их структурные особенности, не способны включать распространяющие компоненты и превратились в специализированное средство выражения субъективно-модального значения уверенного предположения.

ТРЕТЬЯ ГРУППА. Метатекстовые причастные вводные слова: *как было отмечено, как сказано, как уже было сказано*. Как и причастные вводные слова с семантикой эвиденциальности,

они восходят к безличным предложениям со значением состояния как результата информационного действия, однако позиция семантического субъекта не замещена. Имплицитно субъект присутствует – это непосредственно автор текста, который с помощью вводных слов указывает, что информация уже была приведена.

Также данные единицы могут использоваться как эвиденциальные вводные слова: *Потому что бытие, как сказано, определяет сознание* [НКРЯ: Улицкая Л. Казус Кукоцкого, 2000]. В данном случае вводное слово *как сказано* указывает на общеизвестное изречение Карла Маркса, а вовсе не на информацию, приведённую в тексте ранее. На это влияет либо контекст, либо распространение вводных слов посредством семантического субъекта или обстоятельственного компонента. Ср.:

- ✓ *Сорта же, легко вянувшие, уложив, как сказано выше, сохраняют в погребе при температуре не выше 5 градусов Реомюра* [НКРЯ: Молоховец Е. Подарок молодым хозяйкам, или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве, 1861]; *Именно так и произойдет: он умер, как сказано в летописи, «июня 14 года 1095 от Рождества Христова»* [НКРЯ: Съянова Е. Клятва Агапита, 2013].

В первом примере имеется обстоятельственный компонент *выше*, указывающий, что источник, на который ссылается вводное слово, находится в том же тексте – то есть вводная единица имеет метатекстовое значение; во втором же примере идёт ссылка на другой текст, а следовательно, мы имеем дело с эвиденциальным вводным словом.

ЧЕТВЕРТАЯ ГРУППА. Фатические причастные вводные слова: *к чести (не к чести) будь сказано, не в обиду будь сказано, не в укор будет сказано, между нами будь сказано, не к ночи будь помянут*. Помимо выражения субъективно-модального фатического значения, они обладают яркой экспрессивной окраской [Орехова, 2013]. В монографии «Грамматика русского причастия» [Замятина, 2009] их относят к числу фразеологических устойчивых образований с причастным предикативом информации, которые, в свою очередь, являются особой подгруппой безличных предложений со значением состояния как результата информационного действия (см. первая группа).

Основная особенность данных вводных слов – то, что позиция объекта обычно замещается

- ✓ формой существительного или субстантивом в дательном падеже: *То есть Украина действительно разозлилась, но, конечно, не на Урганта, который все-таки, не в обиду ему* будь сказано, слишком ничтожен в сравнении с 40-миллионной страной [НКРЯ: Сапожник. Смещенная агрессия и Ваня Ургант, 2013]; *Если говорить честно, то я с крайним предрассудком отношусь к романским, не в обиду испанскому и итальянскому* будет сказано [НКРЯ, цитата из интернет-переписки в icq между agd-ardin и Elanor, 2007];
- ✓ либо, в случае вводного слова *к чести* (не *к чести*) *будь* сказано, притяжательным местоимением или родительным падежом со значением принадлежности, примыкающим к слову «честь»: *И, к чести его* будет сказано, руководил Семечкин везде хорошо [НКРЯ: Михальский В. Храм Согласия, 2008]; *Не к чести наших издателей* будь сказано, они не переиздают прекрасных книг Конрада [НКРЯ: Шпанов Н. Личное счастье Нила Кручинина, 1956].

Если позиция адресата не замещена, то адресат восстанавливается из контекста – это тот, к кому обращено содержащее вводное слово сообщение (либо непосредственный реципиент текста, либо одно из действующих лиц). В то же время субъект присутствует имплицитно: это непосредственный автор сообщения (*не в обиду <мной> будет сказано*).

Исключения – вводные слова *между нами* *будет* сказано и *не к ночи* *будь* помянуто. У первого позицию объекта замещает устойчивое сочетание *между нами*: *Между нами* *будь* сказано, генерал граф Сольн — плохой стратег [НКРЯ: Муратов П. Осада Левеллина, 1918–1922]. Также имеется более употребительный вариант данного вводного слова без причастия – *между нами* *говоря*, восходящий к деепричастному обороту.

В то же время вводное слово *не к ночи* *будь* помянут лишено объекта, выраженного внутри вводной конструкции; семантический объект является компонентом предикативной части, и причастие помянут согласуется с ним в роде и числе. Ср.:

- ✓ *Витька, не к ночи* *будь помянут*, научил собирать улики и подтверждать алиби [НКРЯ: Новиков О. Каждый убивал, 2012]; *Была у меня до Нюси маменькина дочка,*

не к ночи будь помянута [НКРЯ: Макарова Е. Ни гу-гу, 2014]; *Тут, поскольку мы уже припутали социализм, возникает – не к ночи будь помянуто – государство* [НКРЯ: Славникова О. Желанье славы, 2001]; *Но, главное, снова приходится бегать по инстанциям, не к ночи будь помянуты* [НКРЯ: Васюченко Ирина. Хромые на склоне, 2014].

В редких случаях это согласование отсутствует, используется форма краткого причастия единственного числа и среднего рода: *Здравствуют ныне другие известные и ранее не судимые Sergei: Безруков, Лукьяненко и даже, не к ночи будь помянуто, – Зверев* [НКРЯ: Руденко Б. О имена! О нравы! Могут ли имена быть «хорошими» и «плохими»? , 2009]. Тем не менее, *не к ночи будь помянут* – пример незаурядной вводной единицы, прочно связанной не с предикативной частью/частями, а с конкретным словом.

Выводы

Вводные единицы с причастиями малочисленны, в их составе могут употребляться только краткие страдательные причастия (поскольку такие вводные единицы восходят к односоставным безличным предложениям) с ограниченным кругом значений: речи (*сказано, помянуто, написано*), мысли (*вестимо, исключено*), восприятия (*видимо*) или же состояния, обусловленного нормой (*принято*). Большинство сохранило живую связь с предикативными единицами, к которым восходит, и может содержать разнообразные распространители. Тем не менее, позиция вводности и связь с выражением субъективно-модальных значений накладывает свой отпечаток на компоненты причастного предиката: субъект, адресат и делиберат могут присутствовать имплицитно, выраженные не внутри вводной единицы, а внутри предикативной части, которая содержит вводную единицу. Это обуславливает достаточно прочную связь причастной вводной единицы и предложения.

Источники

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 27.10.2025).

Остроумова О.А., Фрамполь О.Д. Трудности русской

пунктуации: Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. М.: Современный гуманитарный университет, 2009. 501 с.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

Замятина Е.С. Семантико-синтаксическое взаимодействие подчинительных союзов и вводных слов в конструкциях вывода-обоснования: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2020. 19 с.

Замятина И.В. Грамматика русского причастия: монография. Пенза: Пензенский педагогический университет, 2009. 263 с.

Лекант П.А. Аналитическая часть речи «предикатив» в современном русском языке // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка: коллективная монография / Под ред. П.А. Леканта. М.: МГОУ, 2011. С. 4–14.

Орехова Е.Н. О модальности эмоциональной оценки // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. трудов Всероссийской научной конференции. М.: МГОУ, 2013. С. 136–141.

Орехова Е.Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: монография. М.: МГОУ, 2011. 294 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

Русская грамматика: в 2 тт. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2. 710 с.

Шкураток Ю.А. Семантические различия глаголов *věděti и *znati в праславянском и древнерусском языках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 4 (20). С. 59–68.

References

Sources

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 27.10.2025).

Ostroumova O.A., Frampol O.D. *Trudnosti russkoj punktuacii. Slovar' vvodnyh slov, sochetanij i predlozhenij: Opyt slovarja-spravochnika* [Difficulties of Russian Punctuation: Dictionary of Introductory Words, Phrases, and Sentences. Experience

of a Dictionary-reference Book]. M.: *Sovremennij gumanitarnij universitet* Press, 2009. 501 p.

Literature

Vinogradov V.V. *Russkij jazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language: Grammatical Theory of the Word] M.: *Vysshaya shkola* Press, 1972. 614 p.

Zamyatina E.S. *Semantiko-sintaksicheskoe vzaimodejstvie podchinitel'nyh sojuzov i vvodnyh slov v konstrukcijah vyvoda-obosnovanija: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Semantic-Syntactic Interaction of Subordinating Conjunctions and Introductory Words in Conclusion-Justification Constructions: Abstract of the Diss. ... Cand. of Philological Sciences]. M., 2020. 19 p.

Zamyatina I.V. *Grammatika russkogo prichastija: monografija* [Grammar of the Russian Participle: Monograph]. Penza: Penza Pedagogical University Press, 2009. 263 p.

Lekant P.A. *Analiticheskaja chast' rechi «predikativ» v sovremennom russkom jazyke* [The Analytical Part of Speech “Predicative” in Modern Russian] // *Analitizm v leksiko-grammaticheskoj sisteme russkogo jazyka: koll. monografija* [Analyticism in the Lexical and Grammatical System of the Russian Language: Collective Monograph] / Ed. by P.A. Lekant. M.: Moscow State Regional University Press, 2011. Pp. 4–14.

Orehova E.N. *O modal'nosti jemocional'noj ocenki* [On the Modality of Emotional Assessment] // *Racional'noe i jemocional'noe v russkom jazyke: sbornik trudov Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Rational and Emotional in the Russian Language: Collected Papers of the All-Russian Scientific Conference]. M.: Moscow State Regional University Press, 2013. Pp. 136–141.

Orehova E.N. *Subektivnaja modal'nost' vyskazyvanija: forma, semantika, funkcii: monografija* [Subjective Modality of Utterance: Form, Semantics, Functions: Monograph]. M.: Moscow State Regional University Press, 2011. 294 p.

Peshkovsky A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii* [Russian Syntax in Scientific Interpretation]. 8th ed., suppl. M.: *Languages of Slavic Culture* Publishing House, 2001. 544 p.

Russkaya grammatika: v 2 tt. [Russian Grammar: in 2 vols.] / Editor-in-Chief N.Yu. Shvedova. M.: *Nauka* Publishing House, 1980. V. 2. 710 p.

Shkuratok Yu.A. *Semanticheskie razlichija glagolov *věděti i *znati*

v praslavjanskom i drevnerusskom jazykah [Semantic Differences between the verbs *věděti and *znati in Proto-Slavic and Old Russian] // [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology]. 2012. № 4 (20). Pp. 59–68.

Сведения об авторах

Замятина Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теории и методики дошкольного и начального преподавания, Пензенский государственный университет. Научные интересы: грамматика современного русского языка, лексикология.

Замятина Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук; преподаватель 16 кафедры (русского языка); Филиал Военной академии материально-технического обеспечения, Пензенский артиллерийский инженерный институт. Научные интересы: грамматика современного русского языка, русский фольклор.

Information about the Authors

Irina V. Zamyatina – Dr. Sc. (Philology), Associate Professor; Professor of the Department of Theory and Methodology of Preschool and Primary Teaching, Penza State University. Research interests: grammar of Modern Russian Language, lexicology.

Ekaterina S. Zamyatina – PhD (Philology), Lecturer of the Department 16 (Russian Language); Branch of the Military Academy of Logistics, Penza Artillery Engineering Institute. Research interests: grammar of Modern Russian Language, Russian folklore.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Научно-исследовательская статья

УДК 81'42:796

DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-52-67

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОГО СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА

Киселева Лариса Айратовна

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Российская Федерация;

larisakiseleva2015@yandex.ru, AuthorID 335594, <https://orcid.org/0000-0002-4875-6435>

Аннотация. В статье рассматривается проблема языковой репрезентации эмоций и оценок в письменной разновидности спортивного дискурса. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, значимостью данного вида дискурса в рамках современного коммуникативного пространства; с другой – необходимостью детального анализа эмоционально-оценочного аспекта указанного дискурса, обладающего большим воздействующим потенциалом. Исследование основано на материале интернет-ресурсов и проводится с применением дискурсивного анализа, контент-анализа и функционально-семантического анализа. В рамках спортивного дискурса разграничиваются эксплицитные и имплицитные эмоционально-оценочные средства. В число первых входят обозначения эмоций, оценочные лексемы (как правило, имеющие мелиоративное значение) и т. д., которые прямо репрезентируют соответствующие семантические категории. Ко вторым относятся косвенные средства выражения эмоций и оценок, приобретающие данную семантику лишь в определённых контекстуальных условиях, прежде всего тропы (в т. ч. метафоры) и фигуры речи. Так, образно-метафорические выражения придают дополнительную эмоциональную окраску текстам спортивной тематики, делая описание событий более насыщенным и помогая читателю глубже проникнуться атмосферой напряжённой спортивной борьбы. Установлено, что в анализируемых текстах языковые средства, относящиеся к двум выделенным типам, зачастую употребляются совместно, способствуя реализации экспрессивной

и прагматической функций, которые предполагают соответственно передачу личностного отношения автора к описываемым лицам или событиям и воздействие на широкую читательскую аудиторию.

Ключевые слова: русский язык, спортивный дискурс, эксплицитные и имплицитные средства выражений эмоций и оценок, прагматика.

Для цитирования: Киселева Л.А. Эмоционально-оценочный аспект современного спортивного дискурса // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. С. 52–67. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-52-67.

Original research article

THE EMOTIONAL-EVALUATIVE ASPECT OF MODERN SPORTS DISCOURSE

Larisa A. Kiseleva

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russian Federation;
larisakiseleva2015@yandex.ru, AuthorID 335594, <https://orcid.org/0000-0002-4875-6435>

Abstract. The problem of linguistic representation of emotions and evaluations in the written variety of sports discourse is discussed in the article. The relevance of the study is determined, on the one hand, by the significance of this type of discourse within the modern communicative space; on the other, by the need for a detailed analysis of the emotional-evaluative aspect of this discourse, which possesses great potential for influence. The study is based on material from online resources and is conducted using discourse analysis, content analysis, and functional-semantic analysis. Within the framework of sports discourse, a distinction is made between explicit and implicit emotional-evaluative means. The first group includes designations of emotions, evaluative lexemes (usually having a meliorative meaning), etc., which directly represent the corresponding semantic categories. The second group includes indirect means of expressing emotions and assessments that acquire this semantics only in certain contextual conditions, primarily tropes (including metaphors) and

figures of speech. Thus, figurative and metaphorical expressions add additional emotional coloring to texts on sports topics, making the description of events more intense and helping the reader to more deeply immerse themselves in the atmosphere of intense sports competition. It was found that in the analyzed texts, linguistic devices belonging to the two identified types are often used together, facilitating the implementation of expressive and pragmatic functions, which involve, respectively, conveying the author's personal attitude toward the individuals or events described and appealing to a wider readership.

Keywords: Russian language, sports discourse, explicit and implicit means of expressing emotions and evaluations, pragmatics.

For citation: Kiseleva Larisa A. The Emotional-evaluative Aspect of Modern Sports Discourse // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XIX. M.: Publishing Bookselling House "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2025. Pp. 52–67. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-52-67.

© Киселева Л.А., 2025

Введение

В последние годы отмечается рост исследовательского интереса к рассмотрению языковой специфики спортивного дискурса, что обусловлено особой популярностью данной сферы, имеющей большую общественно-политическую значимость. Анализ спортивного дискурса ведётся в разных направлениях, при этом довольно востребованным является изучение субъективных аспектов спортивной коммуникации, в том числе связанных с передачей эмоционально-оценочного отношения автора к описываемым явлениям. Настоящая работа, посвящённая рассмотрению языковых средств выражения эмоций и оценок в рамках спортивного дискурса, выполнена именно в русле указанной проблематики, чем и определяется её *актуальность*.

При обращении лингвистов к субъективным категориям отмеченного вида дискурса материалом исследования чаще всего служит речь спортивных комментаторов, так как именно она отличается повышенным использованием эмоционально-оценочных средств, обладающих значительным прагматическим потенциалом [Гутцайт, 2011; Викторова, Пантеева, 2019;

Куранова, 2019; Цыбина, Шагарова, 2019; Мараховская, 2022]. Вместе с тем, на наш взгляд, не меньший интерес представляет анализ письменных жанров спортивного дискурса, которые в условиях медийного распространения информации о спортивных событиях также оказывают большое воздействие на массовую аудиторию. Однако изучение эмоционально-оценочного аспекта данных жанров до настоящего времени нечасто привлекало внимание лингвистов [см., например: Хлебутина, Максименко, 2015; Гималетдинова, Камалова, 2022], тогда как целостный анализ языковых средств выражения эмоций и оценок в рамках спортивного дискурса представляется вполне востребованным и необходимым. Именно этим определяется *новизна настоящей работы*, в которой проводится комплексное исследование указанных средств в письменной разновидности спортивного дискурса.

Целью работы является определение особенностей функционирования языковых репрезентантов эмоций и оценок в спортивном дискурсе. *Объектом исследования* выступают эмоционально-оценочные средства, представленные в письменных жанрах спортивного дискурса, а *предметом* – функционально-семантические и прагматические характеристики данных единиц. *Материалом исследования* послужили аналитические статьи и репортажи, размещённые на спортивных интернет-ресурсах в 2021–2025 годах (см. список источников материала)¹. В работе применяются следующие *методы исследования*: дискурсивный анализ, контент-анализ, функционально-семантический анализ.

Основная часть

Спортивный дискурс представляет собой совокупность речевых практик, связанных с коммуникацией в области спорта. Данный вид дискурса предполагает разнообразные формы взаимодействия коммуникантов, поэтому внутри него выделяется ряд разновидностей.

- ✓ Профессиональный формат реализуется в виде аналитических обзоров, комментариев экспертов, интервью спортсменов и тренеров и т. д. Для него характерна

¹ Автор выражает благодарность Светлане Олеговне Сыртлановой, преподавателю Института среднего профессионального образования Уфимского университета науки и технологий, за помощь в сборе материала для данной статьи.

логичность содержания, насыщенность терминологией и другие признаки [Голованова, 2013, с. 32–35].

- ✓ Официальный вариант представлен в документах, правилах и пресс-релизах, в которых доминируют средства соответствующего стиля, используемые с целью уведомления участников о каких-либо регламентирующих моментах и регулирования их взаимодействия.
- ✓ Медийная разновидность ориентирована на широкую публику и включает журналистские материалы, трансляции, спортивные блоги с упором на развлекательную подачу.
- ✓ Фанатский формат предполагает обсуждения на форумах и в чатах, он насыщен эмоционально окрашенными высказываниями, элементами сленга и формирует уникальную фан-культуру.

Коммуникация в спортивной среде представляет собой особую форму взаимодействия речевых конструкций, которая отличается использованием специализированной терминологии, включающей заимствования из английского языка, а также жаргонных единиц. Стил ь варьируется от официального, применяемого в регламентах и аналитических обзорах, до разговорного, характерного для трансляций и болельщ ицких дискуссий. Современный спортивный дискурс развивается под влиянием средств массовой информации и социальных сетей, что приводит к использованию лексики, понятной широкой аудитории, к увеличению числа мемов и интернет-жаргона, а также к активному включению мультимедийных материалов, поддерживающих интерес к спортивным событиям. Коммуникативные особенности данного вида дискурса обусловлены спецификой спорта как массового и одновременно профессионального явления, в рамках которого значима передача информации, вовлечение аудитории, создание зрелищности и поддержание соревновательного духа [Стефановская, 2023, с. 69].

Спортивный дискурс выполняет ряд функций, важнейшей из которых является эмоционально-экспрессивная функция, связанная с вовлечением участников в процесс коммуникативного взаимодействия. Спорт не только предполагает физическую активность, но и формирует особую эмоциональную атмосферу, которая затрагивает всех его участников, начиная с профессиональных спортсменов и заканчивая болельщиками. Так, эмоциональное состояние оказывает прямое влияние

на результаты спортсмена. В профессиональном спорте интенсивные нагрузки и напряженные обстоятельства требуют психологической устойчивости, самоконтроля и умения грамотно регулировать чувства. Избыточная тревога перед ответственными состязаниями способна снижать концентрацию и провоцировать ошибки, тогда как уверенность в себе и ориентация на победу позволяют эффективно мобилизовать ресурсы организма. В свою очередь, соревнования привлекают миллионы зрителей по всему миру и становятся своеобразным универсальным языком эмоций. Крупные турниры, в т. ч. Олимпийские игры или мировые первенства, вызывают глобальный резонанс и формируют чувство сопричастности у людей, которые в обычной жизни не всегда интересуются спортивной тематикой. Таким образом, эмоции играют ключевую роль в спортивной культуре, влияя на мотивацию, результаты и восприятие спортивных событий. Они способствуют формированию спортивных сообществ, усиливают зрелищность соревнований, задают особое настроение и т. д.

В связи со сказанным можно полагать, что в рамках современного спортивного дискурса значимое место занимают эмоционально-оценочные средства, которые активно используются в различных письменных жанрах и позволяют усилить выразительность сообщения. По нашему мнению, данные средства можно разделить на две группы: эксплицитные и имплицитные. В число первых входят оценочные лексемы (как правило, имеющие мелиоративную семантику), обозначения эмоций и т. д., которые в явной форме осуществляют репрезентацию соответствующих языковых категорий; ко вторым относятся косвенные средства выражения эмоций и оценок, приобретающие данную семантику лишь в определённых контекстуальных условиях, прежде всего тропы и фигуры речи [подробнее см.: Петросян, Киселева, 2024; Киселева, 2025]. Подчеркнём, что в рамках анализируемых текстов языковые средства, относящиеся к двум выделенным типам, чаще всего используются совместно, способствуя реализации экспрессивной и прагматической функций, которые предполагают соответственно передачу личностного отношения автора к описываемым спортивным событиям и воздействие на широкую читательскую аудиторию.

Так, в статье «Самый отморозенный американец может добраться до великого чемпиона UFC из России. Махачев готов

к бою с Гейджи» [Самый отмороженный...] используются эмоционально-оценочные средства с ярко выраженной экспрессией, что характерно для спортивных обзоров и аналитических материалов о боях. Например, высокая оценка спортивных качеств и достижений бойцов представлена в оборотах **великий чемпион UFC из России** (формируется позитивный образ Ислама Махачева); *Джастин Гейджи – один из величайших бойцов своей эпохи* (подчеркивается популярность данного спортсмена и характеризуется его боевой стиль); **настоящие представления** (данная характеристика приписывает бойцовским поединкам зрелищность, что способствует повышению интереса болельщиков к ним) и др. В приведённых примерах использованы единицы со значением общей и частной оценки, которые позволяют автору прямо выразить своё отношение к лицам и событиям; ср.: *настоящий* «3. Подлинный, истинный; натуральный // Соответствующий определённым требованиям, представляющий собой лучший образец, идеал кого-, чего-л.» [Большой толковый словарь..., 1998], *великий* «1. Превышающий среднюю меру, обычный уровень в каком-л. отношении; выдающийся // Необыкновенно одарённый, гениальный» [Большой толковый словарь..., 1998], *величайший* «превосх. степ. к великий». Интерес представляет выражение *самый отмороженный американец*, в состав которого входит жаргонная единица, и с ее помощью создаётся образ Джастина Гейджи как агрессивного бойца (ср.: *отмороженный* «2. Жарг. Способный на самый безрассудный, отчаянный, жестокий поступок (о человеке) // Не имеющий жизненных принципов; сумасшедший» [Большой толковый словарь..., 1998]). Таким образом, оценочные единицы формируют определённый имидж спортсменов, задают иерархию статусов и усиливают вовлечённость аудитории: Ислам Махачев описывается как **великий чемпион, сильнейший полутяжеловес России, готовый к новым вызовам**; Джастин Гейджи предстаёт рискован, выдающимся участником UFC. Этому способствует также использование обозначений эмоций высокой степени интенсивности, например: *Люди все равно его обожают и всегда ждут бои с его участием* (ср.: *обожать* «2. Питать к кому-, чему-л. чувство сильной, доходящей до преклонения любви» [Большой толковый словарь..., 1998]). Наряду с рассмотренными эксплицитными средствами выражения эмоций и оценок в данном тексте используют и соответствующие имплицитные средства.

Например, драматизация событий прослеживается в оборотах с прогностической семантикой (*от этого боя уместно ждать особенного зрелища; почти наверняка сможет рассчитывать на титульный бой*) и т. д. Подобные элементы поддерживают интерес к спортивному событию, а также укрепляют представления о культовом статусе участников. Таким образом, функции эмоционально-оценочных средств в рассматриваемом тексте связаны с информированием читателей о ключевых аспектах боя, убеждением аудитории в значимости предстоящих поединков и прогнозированием их потенциальных исходов. Сочетание эмоционально-оценочных и прогностических выражений формирует образы бойцов, способные влиять на повышение уровня интереса болельщиков к спортивному событию и их общий психологический настрой. Можно полагать, что в рамках спортивного дискурса рациональное начало, реализуемое посредством оценочных единиц, взаимодействует с эмоциональной составляющей, которая репрезентируется с помощью соответствующих лексем.

Подчеркнём также, что дополнительную эмоциональную окраску текстам спортивной тематики придают образно-метафорические выражения, которые делают описание событий более насыщенным, помогают читателю глубже проникнуться атмосферой напряжённой борьбы. Например, обороты *команда прорвалась через оборону соперника* или *игрок выстрелил, как из пушки* [Сумасшедший гол...] создают яркие образы, связанные с метафорической моделью «война → спорт», и усиливают эмоциональное восприятие описываемых эпизодов (ср. *прорваться* «4. Преодолевая сопротивление, силой проложить себе путь» [Большой толковый словарь..., 1998]). Образные слова и выражения создают тот или иной эмоциональный фон, усиливают маркетинговую составляющую и побуждают к определённым действиям, например, ставкам на исход игры.

Во многих случаях журналисты стремятся выделить значимость события. Так, формулировки типа *сенсационная победа* или *разочаровывающее поражение* [«Ак Барс» поплыл...] отражают авторскую точку зрения и формируют у читателя определённое отношение к результату спортивного состязания (ср.: *сенсационный* «Вызывающий сенсацию» [Большой толковый словарь..., 1998]; *разочаровывающий* от *разочаровать* «Вызывать (вызвать) у кого-л. чувство неудовлетворённости от несбывшихся

ожиданий, надежд, мечтаний или чего-л. неудавшегося, не оправдавшего себя» [Большой толковый словарь..., 1998]).

Приведём и другие примеры использования эксплицитных и имплицитных эмоционально-оценочных средств в письменной разновидности спортивного дискурса. Так, в статье «"Ак Барс" поплыл – этим воспользуются в Омске, лидер сезона продолжит выздоравливать. Экспресс на КХЛ» [«Ак Барс» поплыл...] нами зафиксирован целый ряд таких средств, позволяющих оценивать командные выступления: метафорические номинации, эвлюативы, а также единицы, имеющие прогностическую семантику. Например, характеристики команд и их игры даются с помощью оборотов *«Ак Барс» поплыл – этим воспользуются в Омске; «Авангард» здорово вернулся в регулярный чемпионат; «Локомотив» явно настроен продолжить исправляться за провальную серию*. В данных примерах представлена метафора *поплыл* (в значении «утратил контроль»), общеоценочный эпитет *здорово* вернулся (ср.: *здорово* «2. Хорошо, удачно, искусно» [Большой толковый словарь..., 1998]), а также конструкция *явно настроен*, отражающая авторское отношение к происходящему. Кроме того, в анализируемом тексте нами выявлены языковые единицы, которые способствуют гиперболизации, усилению эффекта оценки, а также придают высокую степень эмоциональности: *Ястребы не просто привезли максимальное количество очков, но и наколотили шайб; Прямо сейчас казанцы явно находятся не в лучшем состоянии* (ср. лучший «2. превосх. ст. к Хороший; самый хороший» [Большой толковый словарь..., 1998]); *Уфимцы на этой неделе подарили своим болельщикам американские горки*. Интересно, что в первом примере глагол *наколотить* употреблён в индивидуально-авторском метафорическом значении «забить в большом количестве», которое не зафиксировано словарями; ср.: *наколотить* «1. что (на что). Ударами надеть (обручи, служащие для скрепления бондарных изделий); набить. Н. обручи на кадку. 2. что. Разг. Приколотить к чему-л., на что-л. Н. набойки на каблук. 3. что и чего. Разг. Вколотить во что-л. в каком-л. количестве. Н. в стену гвоздей. Н. дюжину шипов. 4. что и чего. Разг. Разбить в каком-л. (обычно большом) количестве. Н. посуды. Н. ящик бутылок. 5. что и чего. Охотн. разг. Настрелять, убить в каком-л. количестве (птиц, зверей). Н. дичи. Н. мешок белок. 6. кого (по чему). Разг. Сильно поколотить, побить. Ребята наколотили ябеду» [Большой толковый словарь..., 1998].

Оценка стратегии и потенциала команд выражена в таких высказываниях, как *Авангард должен продлить победную серию; Такой расклад сильно повысит шансы «СЮ» на прохождение первого раунда* и др. (ср.: *победный* «1. к Победа. П. год (принёсший победу, исполненный побед). 2. =Победоносный» [Большой толковый словарь..., 1998]). Употребление вероятностных конструкций типа *шансы выглядят предпочтительней* подчёркивает субъективность оценки и демонстрирует прогностическую направленность текста.

В статье ««Спартак» продаст легионера за рубеж, «ПСЖ» ищет замену конкуренту Сафонова. Трансферы и слухи дня» [«Спартак» продаст...] эмоционально-оценочные средства создают новостное повествование, которое способно привлечь внимание широкой аудитории. Например, оборот *Дешам назвал единственного кандидата* подчёркивает исключительную значимость игрока (ср.: *единственный* «1. Только один, всего один» [Большой толковый словарь..., 1998]). Оценочные эпитеты используются при характеристике целей: *приоритетной целью парижан является Люка Шевалье* (ср.: *приоритет* «2. Преобладающее, первоочередное значение чего-л. *Приоритетный*» [Большой толковый словарь..., 1998]). Образно-метафорическим потенциалом обладает также глагол *перезапустить*, не зафиксированный в словарях: *Неймар перешёл в «Сантос», чтобы перезапустить свою карьеру*. Кроме того, отметим языковые единицы, которые носят неформальный характер и придают повествованию личностный тон. В данном случае примерами являются обращение (*Добро пожаловать в «Сочи», Рома!*) и уменьшительная форма фамилии спортсмена (*Зизу – отличный кандидат: Зизу вместо Зидан*). В тексте используются также стилистические фигуры, в том числе риторический вопрос, который способствует повышению читательского интереса: *Как у младшей дочери Дасаева на всё это хватает времени – большой вопрос*. Функциональная нагрузка подобных языковых средств заключается в том, что с их помощью создаётся особая интрига вокруг трансферных слухов и формируется определённый эмоциональный настрой.

Выводы

Таким образом, в результате проведённого исследования нами был выявлен ряд особенностей использования эмоционально-

оценочных средств в различных письменных жанрах спортивного дискурса:

1) данные средства позволяют усилить экспрессивность текста и оказать влияние на восприятие информации читателями;

2) эмоционально-оценочные средства, представленные в спортивном дискурсе, подразделяются на эксплицитные и имплицитные: в число первых включаются номинанты эмоций, лексемы со значением общей и частной оценки (как правило, положительной) и т. д., которые прямо репрезентируют соответствующие семантические категории; ко вторым относятся косвенные средства выражения эмоций и оценок, приобретающие данную семантику лишь в определённых контекстуальных условиях: тропы (метафорические единицы, которые во многих случаях носят индивидуально-авторский характер, а также эпитеты, гиперболы и др.) и фигуры речи (риторические вопросы, обращения и т. д.);

3) в рамках целостных текстов спортивной тематики две выделенные группы эмоционально-оценочных средств, как правило, употребляются совместно и служат реализации экспрессивной и прагматической функций, которые предполагают соответственно выражение личностного отношения автора к описываемым реалиям и воздействие на массовую аудиторию.

Результаты проведённого исследования показывают, что спортивный дискурс представляет собой сложную систему взаимодействия рационального и эмоционального начал, которая играет ключевую роль в создании не только выразительного, но и убедительного медиатекста.

Источники

Спортивные публикации

«Ак Барс» поплыл – этим воспользуются в Омске, лидер сезона продолжит выздоравливать. Экспресс на КХЛ. URL: <https://sport24.ru/hockey/article-726355-prognozy-i-stavki-na-kkhl-ekspress-na-khokkey-avangard-ak-bars-salavat-yulayev-lokomotiv> (дата обращения: 15.10.2025).

Самый отморозенный американец может добраться до великого чемпиона UFC из России. Махачев готов к бою с Гейджи. URL: <https://sport24.ru/mma/article-726409-kto-stanet-sleduyushchim-sopernikom-islama-makhacheva-dzhastin-geydzhi-mozhet-poluchit-boy-za-poyas->

ufc?ysclid=mgtriwi8ph592690323 (дата обращения: 15.10.2025).

«Спартак» продаст легионера за рубеж, «ПСЖ» ищет замену конкуренту Сафонова. Трансферы и слухи дня. URL: https://dzen.ru/a/Z7ATKje_OB7w2RJm?ysclid=mgtf3nv58m514959928 (дата обращения: 16.10.2025).

Сумасшедший гол, который похоронил СКА. Судьбу армейского дерби решил чумовой бросок Окулова с разворота. URL: https://sport.rambler.ru/hockey/45577673/?utm_content=sport_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 15.10.2025).

Словарь

Большой толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т лингвистических исследований; сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkoviy-slovar> (дата обращения: 16.10.2025).

Литература

Викторова Е.Ю., Пантеева К.В. Непрямая оценка в речи российских и британских спортивных комментаторов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 119–125.

Гималетдинова Г.К., Камалова Р.Р. Эмоционально-оценочные модели спортивного медиадискурса // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 164, кн. 5. С. 47–58.

Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 1 (292). С. 32–35.

Гутцайт Р.Л. Эмотивность и оценочность телевизионного футбольного комментария // Медиаскоп. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnost-i-otsenochnost-televizionnogo-futbolnogo-kommentariya> (дата обращения: 13.10.2025).

Киселева Л.А. Эмотивный аспект современного медиадискурса // Русский язык: дискурсивные ракурсы: колл. монография. Самара: САМАРАМА, 2025. С. 25–54.

Куранова Т.П. Экспрессивно-стилистические и риторические особенности спортивного репортажа // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 27–35.

Мараховская К.А. Языковая экспликация оценочных параметров в спортивном комментарии // Современные

исследования социальных проблем. 2022. Т. 14, № 2. С. 323–335.

Петросян М.М., Киселева Л.А. Специфика репрезентации категории эмотивности в русско- и англоязычном медиамедицинском дискурсе (на материале блогов врачей) // Terra Linguistica. 2024. № 4. С. 109–122.

Стефановская Е.И. Современный спортивный дискурс: структурный и функционально-прагматический аспекты // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2023. Т. 13, № 1. С. 68–76.

Хлебутина В.Ю., Максименко О.И. Проявление эмотивности в спортивном дискурсе (на примере танцевальной терминологии) // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2015. № 1. С. 105–111.

Цыбина Л.В., Шагарова О.Н. Стилистические средства выражения эмоций в спортивном англоязычном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 3. С. 82–86.

References

Sources

Sports Publications

«Ak Bars» poplyl – jetim vospolzujutsja v Omske, lider sezona prodolzhit vyzdoravlivat». *Jekspress na KHL* [“Ak Bars’s” Performance Is Slipping – Omsk Will Take Advantage of This; the Season Leader Will Continue to Recover. KHL Express]. URL: <https://sport24.ru/hockey/article-726355-prognozy-i-stavki-na-kkhl-ekspress-na-khokkey-avangard-ak-bars-salavat-yulayev-lokomotiv> (date of access: 15.10.2025).

Samyj otmorozhennyj amerikanec mozhet dobrat'sja do velikogo chempiona UFC iz Rossii. Makhachev gotov k boju s Gejdzhi [The Most Hardcore American Can Get His Hands on the Great Russian UFC Champion. Makhachev Is Ready for the Fight with Geiji]. URL: <https://sport24.ru/mma/article-726409-kto-stanet-sleduyushchim-sopernikom-islama-makhacheva-dzhastin-geydzhi-mozhet-poluchit-boy-za-poyas-ufc?ysclid=mgtriwi8ph592690323> (date of access: 15.10.2025).

«Spartak» prodast legionera za rubezh, «PSZh» ishhet zamenu konkurentu Safonova. *Transfery i sluhi dnja* [“Spartak” Will Sell the Foreign Player Abroad, while PSG Is Looking

for a Replacement for Safonov's Rival. Transfers and Rumors of the Day]. URL: https://dzen.ru/a/Z7ATKje_OB7w2RJm?ysclid=mgft3nv58m514959928 (date of access: 16.10.2025).

Sumasshedshij gol, kotoryj pohoronil SKA. Sud'bu armejskogo derbi reshil chumovoj broсок Okulova s razvorota [A Crazy Goal that Ruined SKA. The Fate of the Army Derby Was Decided by Okulov's Incredible Spinning Shot]. URL: https://sport.rambler.ru/hockey/45577673/?utm_content=sport_media&utm_medium=read_more&utm_source=copypink (date of access: 15.10.2025).

Dictionary

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language] / Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Studies; Compiler and Editor-in-Chief S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint Press, 1998. 1534 p. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (date of access: 16.10.2025).

Literature

Viktorova E.Ju., Panteeva K.V. *Nepriyamaja ocenka v rechi rossijskikh i britanskikh sportivnykh kommentatorov* [Indirect Assessment in the Speech of Russian and British Sports Commentators] // Bulletin of the Voronezh State University. Series Linguistics and Intercultural Communication. 2019. № 1. Pp. 119–125.

Gimaletdinova G.K., Kamalova R.R. *Jemocional'no-ocenochnye modeli sportivnogo mediadiskursa* [Emotional-evaluative Models of Sports Media Discourse] // Scientific Notes of the Kazan State University. Humanities Series. 2022. Vol. 164, № 5. Pp. 47–58.

Golovanova E.I. *Professional'nyj diskurs, subdiskurs, zhanr professional'noj kommunikacii: sootnoshenie ponjatij* [Professional Discourse, Subdiscourse, Genre of Professional Communication: the Relationship of Concepts] // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2013. V. 1 (292). Pp. 32–35.

Gutzeit R.L. *Jemotivnost' i ochenochnost' televizionnogo futbol'nogo kommentarija* [Emotivity and Evaluativeness of Television Football Commentary] // Mediascope. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnost-i-otsenochnost-televizionnogo-futbolnogo-kommentarija> (date of access: 13.10.2025).

Kiseleva L.A. *Jemotivnyj aspekt sovremennogo mediadiskursa* [Emotive Aspect of Modern Media Discourse] // *Russkij jazyk: diskursivnye rakursy: kollektivnaja monografija* [Russian Language: Discursive Perspectives: Collective Monograph]. Samara: SAMARAMA Press, 2025. Pp. 25–54.

Kuranova T.P. *Jekspressivno-stilisticheskie i ritoricheskie osobennosti sportivnogo reportazha* [Expressive-stylistic and Rhetorical Features of Sports Reporting] // *Bulletin of the Tomsk State University*. 2019. № 449. Pp. 27–35.

Marakhovskaya K.A. *Jazykovaja jeksplikacija ocenочnyh parametrov v sportivnom kommentarii* [Linguistic Explication of Evaluative Parameters in Sports Commentary] // *Modern Studies of Social Problems*. 2022. Vol. 14. № 2. Pp. 323–335.

Petrosyan M.M., Kiseleva L.A. *Specifika reprezentacii kategorii jemotivnosti v rusko- i anglojazыchnom mediamedicinskom diskurse (na materiale blogov vrachej)* [The Specifics of Representation of the Category of Emotiveness in Russian- and English-language Media Medical Discourse (Based on Doctors' Blogs)] // *Terra Linguistica*. 2024. № 4. Pp. 109–122.

Stefanovskaya E.I. *Sovremennyj sportivnyj diskurs: strukturnyj i funkcional'no-pragmaticheskij aspekty* [Modern Sports Discourse: Structural and Functional-pragmatic Aspects] // *Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*. 2023. T. 13, № 1. Pp. 68–76.

Khlebutina V.Yu., Maksimenko O.I. *Projavlenie jemotivnosti v sportivnom diskurse (na primere tanceval'noj terminologii)* [Manifestation of Emotiveness in Sports Discourse (Using Dance Terminology as an Example)] // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Linguistics Series*. 2015. № 1. Pp. 105–111.

Tsybina L.V., Shagarova O.N. *Stilisticheskie sredstva vyrazhenija jemocij v sportivnom anglojazыchnom diskurse* [Stylistic Means of Expressing Emotions in English-language Sports Discourse] // *Philology. Theory and Practice*. 2019. T. 12, № 3. Pp. 82–86.

Сведения об авторе

Киселева Лариса Айратовна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет имени академика

С.П. Королёва. Научные интересы: системная и функциональная семантика, эмотиология, дискурсивная лингвистика, медиалингвистика, контрастивная лингвистика.

Information about the Author

Larisa A. Kiseleva – Dr. Sc. (Philology), Professor; Professor of the Department of Russian Language and Mass Communication of the Social and Humanitarian Institute, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev. Research interests: systemic and functional semantics, emotiology, discourse linguistics, media linguistics, contrastive linguistics.

Научно-практическая статья

УДК 811.161.1'373.612.2

DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-68-79

**ВОЙНА КАК ОБЪЕКТ И ОБРАЗ МЕТАФОРЫ
В «ЗАТЕСЯХ» В. АСТАФЬЕВА
(ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Геймбух Елена Юрьевна

Московский городской педагогический университет, Москва,
Российская Федерация;

gejmbuh@rambler.ru, AuthorID: 5444-4720, <https://orcid.org/0000-0003-2129-9876>

Аннотация. Статья посвящена лингвостилистическому описанию войны как объекта и образа метафоры в сборнике миниатюр В. Астафьева «Затеси». Цель работы заключается в том, чтобы рассмотреть метафору как семантический сдвиг, при котором происходит наложение лексико-семантических полей. Выявляется и описывается семантика основных метафорических моделей («война – субъект действия», «война – безумие», «война – проклятие») и наиболее ярких метафор («военное колесо», «война – туча», «солдаты тайги», «политический заряд» и др.). Новизна и актуальность исследования определяется когнитивным подходом к анализу метафор, которые становятся репрезентантами языковой картины мира автора.

Ключевые слова: метафора, семантический сдвиг, объект метафоры, образ метафоры, признак сравнения.

Для цитирования: Геймбух Е.Ю. Война как объект и образ метафоры в «Затесях» В. Астафьева (лингвостилистический аспект) // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. С. 68–79. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-68-79.

Original scientific and practical article

WAR AS THE OBJECT AND IMAGE OF METAPHOR IN V. ASTAFIEV'S "ZATESI" (LINGUOSTYLISTIC ASPECT)

Elena Yu. Geimbukh

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

gejmbuh@rambler.ru, AuthorID: 5444-4720, <https://orcid.org/0000-0003-2129-9876>

Abstract. This article explores the linguostylistic description of war as the object and metaphor in V. Astafiev's collection of short stories "Zatesi". The aim is to examine metaphor as a semantic shift that involves the overlap of lexical and semantic fields. The semantics of the main metaphorical models ("war as a subject of action", "war as madness", "war as a curse") and the most striking metaphors ("war wheel", "war is a cloud", "soldiers of the taiga", "political charge", etc.) are identified and described. The novelty and relevance of the study is determined by the cognitive approach to the analysis of metaphors, which become representatives of the author's linguistic picture of the world.

Keywords: metaphor, semantic shift, object of a metaphor, image of a metaphor, feature of a comparison.

For citation: Geimbukh Elena Yu. War as the Object and Image of Metaphor in V. Astafiev's "Zatesi" (Linguostylistic Aspect) // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XIX. M.: Publishing Bookselling House "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2025. Pp. 68–79. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-68-79.

© Геймбукх Е.Ю., 2025

Введение

Материалом данного исследования является книга лирических прозаических миниатюр В.П. Астафьева «Затеси», над созданием которой писатель работал всю жизнь. Если рассматривать ее в биографическом и духовном планах, то окажется, что это такие события жизни, которые оставляют «зарубки» на душе, формируют

личность и остаются с человеком навсегда, являясь как бы камертоном, по которому проверяется высота и чистота звучания современной жизни [Геймбух, 2024].

Во «Вступлении» к книге писатель дает общую характеристику своего цикла, объясняя специфику жанра своеобразием времени – личного и общественного: «...жажда исповеди, в особенности у пожилых писателей, острее чувствующих одиночество, в наш суетный век томит их, заставляет искать новые пути к собеседнику, и не случайно в последнее время очень разные писатели начали обращаться с читателем посредством коротких записей – миниатюр – таким образом можно скорее “настичь” бегущего, занятого работой, затурканного бытом современного читателя» [Астафьев, 2004]. Писатель подчеркивает значимость заглавия, хотя и вписывающегося в общую жанровую семантику произведений «пожилых писателей» (целостность при фрагментарности), но отражающего личный, индивидуальный опыт автора: «А затесь – сама по себе вещь древняя и всем ведомая – это стес, сделанный на дереве... Делали его первопроходцы и таежники для того, чтобы белеющая на стволе дерева мета была видна издалека, и ходили по тайге от меты к мете, часто здесь получалась тропа, затем и дорога, и где-то в конце возникало зимовье, заимка, затем село и город» [Астафьев, 2004].

Одним из наиболее значимых событий в жизни Астафьева была Великая Отечественная война – духовный опыт и система ценностных ориентиров писателя, неотъемлемая составляющая внутренней структуры авторского «я». В силу этого *цель* данной статьи состоит в анализе метафоры, объектом и/или образом которой становятся элементы лексико-семантического поля «война».

Первоэлементами понятийно-терминологического аппарата в описании метафоры являются объект – осмысляемое явление действительности, образ – ассоциат, который помогает понять / объяснить объект, и признак сравнения – основание для сближения. Приведем пример: «ротные связисты (объект) – окопные землеройки (образ)»; признак сравнения (редко возникающий непосредственно) виден во внутренней форме слова-образа: на передовой связисты вынуждены копать окопы, т. е. рыть землю.

Лексико-семантическим полем мы вслед за И.А. Стерниным считаем «инвентарь элементов, связанных между собой системными отношениями» [Стернин, 1985, с. 30]. При обращении

к войне и ее рассмотрению это

- ✓ участники событий: связист, бронбойщик, ефрейтор, командир, лейтенант, взводный, кашевар; пехота, батальон, рота, полк; раненый, убитый и др., в т. ч. свои (наши, мы) и чужие (фашисты, немцы, фрицы – они);
- ✓ элементы внутренней организации события: фронт, плацдарм;
- ✓ система действий: воевать, форсировать, выбить, закрепиться, подтягивать резервы; артподготовка, артналет, бой, контратака и др.;
- ✓ предметно-вещный мир: окоп, щель, ячейка для пулемета, траншея; оружие, снаряды, пулемет, миномет, пушка, осколки; гимнастерка, штаны галифе, сапоги, фуражка; медаль, орден и др.

Элементы поля складываются в лексико-семантические группы, объединяющие слова одной части речи (например, «действия»: воевать, форсировать и др.), и далее в тематические ряды (которые могут включать слова разных частей речи: «действия» – как воевать, форсировать, так и бой, атака).

Отметим еще два значимых признака поля [Стернин, 1985, с. 31]:

- ✓ «конституенты поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля или полей»,
- ✓ «разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов, что является законом полевой организации системы языка».

Если рассматривать метафору как семантический сдвиг, то она неизбежно располагается в зоне пересечения разных лексико-семантических полей.

В силу сказанного *задача* работы состоит в том, чтобы обнаружить специфику такого наложения при организации текста лирической прозаической миниатюры в книге В. Астафьева «Затеси». Ее итоговым корпусом стали 10 «Тетрадей», каждая из которых включает в себя несколько десятков прозаических миниатюр. Для анализа взяты 17 миниатюр (из Тетрадей 1–8), созданных писателем в 1962–1997 годах.

Основная часть

Обратимся к лексико-семантическому полю «война», представленному в конкретных миниатюрах книги «Затеси»,

и прежде всего рассмотрим, какие метафоры образует ядерный элемент поля – слово «война».

В олицетворениях война представлена как нечто, способное на целенаправленные действия: войны *приходят* («Заклятье»); *Пятерых из них взяла, изуродовала им судьбы, загнала в ранние могилы война* («Как моя тёща блюла нравственность»)¹. В первом примере несовершенный вид глагола «приходят» и множественное число существительного «войны» указывают на бесконечное повторение войн в истории человечества. Во втором примере слово «изуродовала» и фразеологизм «загнала в могилу» акцентирует внимание на роли войны в судьбе отдельного человека, причем совершенный вид глаголов подчеркивает необратимость действия.

Помимо глаголов изъявительного наклонения контекст для семантического сдвига представляют страдательные причастия прошедшего времени: *Мать, как и многие русские матери, рано **состаренная** войной* («Гимн жизни»), *войной **разбитую**, да почти **добитую** рабочую семью*; *Но я знал силу характеров войной **надломленных** и горем **подбитых** стариков Корякиных* («Как моя тёща блюла нравственность»), *открытые голубые глаза **убитого** войной немца* («Письмо фронтовика»). Во всех примерах представлен ядерный тип пассивной конструкции – с творительным падежом агенса [Замятина, 2010]. Причастия от акциональных глаголов совершенного вида выражают значение целенаправленного непоправимого действия. Среди примеров выделяется последний, в котором наличие агенса кажется излишним: можно было написать «убитого немца»; если же указывать на ситуацию гибели, то должно быть «убитого на войне». Однако для Астафьева важно подчеркнуть активный, агрессивный характер войны, которая разбивает семьи, старит матерей, надламывает стариков. Поэтому меняется семантика слова: «война» из безличного и безликого события превращается в производителя действия – «убитого войной немца».

В целом метафоры-олицетворения в «Затесях» можно привести к метафорической модели «война – агент / субъект действия». Таких метафор довольно много в миниатюрах. Гораздо меньше метафор, образом которого становится состояние субъекта действия, например, болезнь.

О войне в «Затесях» говорится как о *безумии* человеческом,

¹ Здесь и ниже цитаты из цикла миниатюр В.П. Астафьева оформлены курсивом. Выделение слов полужирным шрифтом – мое (Е.Ю. Геймбук).

в которое оно впадает не по разу в каждое столетие земного существования («Письмо фронтовика»). В этом нельзя не увидеть отголоски толстовского отношения к такому состоянию мира: война — «это противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие» [Толстой, 1940]. Но из-за того, что Астафьев использует метафору, это утверждение получает дополнительные содержательные и эмоциональные коннотации. Метафора «война — безумие» входит в метафорическую модель «война — болезнь» и является логическим продолжением толстовской идеи: противное разуму превращается в безумное. Иными словами, война существует уже не отдельно от человека, а как болезнь человечества.

Иначе осмысляется война в миниатюре «Кузяка»: *военное проклятье, нависшее над ними* [людьми]. Проклятие реализует значение «осуждение на бедствия» [Библейская энциклопедия, 2005]. Однако в миниатюре «Кузяка» нет ответа на вопрос, кто и за что обрек человечество на бесконечные войны.

Схожий образ войны появляется в миниатюре «Современные украшения»: это *военное колесо*. В данном случае явно просматривается образ неумолимо и непрестанно вращающегося колеса Сансары. Однако контекст употребления метафоры отличен от предшествующих: война рассматривается не только как вооруженная борьба между государствами, но и как подготовка к ней в мирное время. Иными словами, слово «война» (в значении представления о ней) расширяет свои пространственные и временные границы, и даже в мирное время делает людей своими потенциальными жертвами: *Вон родной город в ядовитых горях, парах и ядах плавает — то военное колесо наматывает на себя наши жизни и будущее наших детей*. Но если в движении колеса Сансары заложены общие законы бытия, то движением военного колеса управляет человек, и гнев автора направлен на власть имущих.

Обратим внимание на то, что война у Астафьева не только вокруг человека или *рядом* с ним («Письмо фронтовика»), война нарушает границы человека и проникает внутрь: *Ведь должна же, должна когда-то заглухнуть война в сердце, раз она замолкла на земле!* («Горсть спелых вишен»). Война в сердце — как память — не подчиняется физическим законам (*война для меня никак не кончалась*) («Горсть спелых вишен») и остается с человеком навсегда. В «Последнем осколке» лирический герой молит: *Дай*

*Бог, чтоб последний **осколок** ушел из меня, из всех нас, бывших воинов, и никогда, ни в чьем теле больше не бывал.* Отметим, что в событийном сюжете слово «осколок» выражает прямое значение: во время войны солдат получает осколочное ранение, часть мелких осколков остается в руке, но с течением времени они начинают двигаться и выходят из тела. Однако как в рамках отдельной миниатюры, так и в книге в целом «последний осколок» воспринимается как память о войне, которая постоянно напоминает о себе телесной и душевной болью, т. е. реализует метафорическое значение.

«Война» становится в миниатюрах Астафьева объектом «природных» метафор: внук героини, Одарки, *махнул рукою в ту сторону, откуда **вечной тучей** приходят войны* («Заклятье»). Слово «туча» употребляется здесь в значении «опасность, беда, угроза» [Словарь русского языка, 1999, т. 4. с. 430]. Хотя слово и входит в поле «природные объекты», оно одновременно является элементом более обширного поля «опасность, беда», в центральной части которого находится и «война».

Как правило, в основе метафорического переноса лежат сущностные характеристики предмета или явления (туча – «опасность, беда»; осколок – «ранение, боль»; проклятье – «осуждение на бедствия» и др.). Однако есть метафоры, основой переноса в которых становятся внешние признаки: ротные связисты – *окопные **землеройки*** (здесь признак сравнения – функция: «рыть землю»; миниатюра «Как лечили богиню»), немцы ***поливали передовую*** (т. е. «направляли что-л. в большом количестве на кого-, что-л.» [Словарь русского языка, 1999, т. 3, с. 259]; миниатюра «Как лечили богиню»), *Со всех сторон в деревню раненые **текли*** (т. е. «шли, двигались сплошным, непрерывным потоком, массой» [Словарь русского языка, т. 4, с. 364]; миниатюра «Последний осколок»).

Мы рассмотрели метафоры, в которых война и некоторые другие слова данного лексико-семантического поля (связисты, осколок и др.) выступают как объект метафоры. Обратим внимание на метафоры, в которых война и ее признаки становятся образом метафоры.

Довольно часто в изображении природных объектов используется слово «воинственный» в значении «готовый к столкновению, спору, драке»: *Но никто на него [окунька] не нападал, и он бочком, бочком соскользнул в воду*

да как помчится по самому верху, прочеркивая гладь **воинственно** поднятым гребешком («Земля просыпается»), **воинственно** подпрыгивали распутившиеся косачи («Вкус талого снега»). Переносное значение слова «воинственный» при описании живой природы лишено отрицательной коннотации и воспринимается как органичное свойство предмета изображения.

Однако это же слово при характеристике человека, не имеющего отношения к военным действиям и не связанного с войной, в «Затесях» часто приобретает ироническое звучание: *опасливо оглянулся на **воинственную** даму – не преследует ли? <...> Дама в жемчугах **разряжала** политический **заряд** уже в другого («Афганец у ног президента»)*. Использование метафоры «политический заряд», с одной стороны, усиливает иронию повествования, а с другой – демонстрирует пересечение «военного» лексико-семантического поля и «мирного», что выражает резкое неприятие автора, который выступает против перенесения военных методов в обычную жизнь.

В цикле миниатюр «Затеси» есть контексты, в которых одно и то же слово употребляется одновременно и в прямом значении, и в составе метафоры: *Первые **солдаты тайги**, согнутые, но непокоренные <...> низкий поклон им от бывшего **солдата** российского, который знает, как трудно быть первым («Марьины корни»)*. «Солдаты тайги» – это цветы, причем в данном контексте явно присутствует признак сравнения (*согнутые, но непокоренные*), на основании которого цветы сравниваются с солдатами. Отражение друг в друге сущностной близости таежных цветов и российских солдат усиливает положительные коннотации образов.

Еще одна необычная метафора представлена в миниатюре «Окно»: *"**В самоволке находятся сны**" – как сказал один солдат с поэтическими замашками*. Сон как самоволка – метафора, подчеркивающая непредсказуемость и стихийность сновидений, как бы осколок мирного времени в жесткой упорядоченности военного бытия.

Но гораздо чаще перенесение характеристик, связанных с войной, на мирное время показывает неустроенность и даже трагичность обычной жизни: *Оглохла земля, коростой покрылась. Если что и растет на ней, то растет в заглушье, украдкой, растет кривобоко – **изуродованное, пораненное, битое, обожженное...** («Хвостик»); Э-эх, Россия-мати <...> Иль тебе,*

больной, израненной, истерзанной – уж все равно? («Ужасная дыра»).

Слова, которые Астафьев включает в метафорическое описание послевоенной действительности, являются элементам лексико-семантических полей «болезнь» и более узкого «травма»: *земля оглохла, коростой покрылась; растительность на ней вся изуродованная, пораненная, битая, обожженная; Россия больная, израненная, истерзанная*. Страдательные причастия прошедшего времени так же, как при описании войны, подчеркивают необратимость изменений. Усилению значения способствует полная форма прилагательного (*больная*), которая в системе русского языка подчеркивает постоянный признак, вневременное качество (в отличие от краткой формы «*болжна*», указывающей на временный признак, преходящее состояние). В приведенных метафорах (*земля оглохла, Россия больная* и др.) нет позиции агенса, однако в общем контексте миниатюры есть указания на производителя действия. В миниатюре «Ужасная дыра» это *хозяева отечества нашего, жители, буфетчица, уборщица, шабашники, бродяги, девицы, перекупчики, начальственный народ, промысловый народ, налетчики, Божии чада*. Ироничное *Божии чада* по отношению к *налетчикам* завершает миниатюру и размышления писателя над отношением человека к природе и родине: *Э-эх, Россия-мати, тех ли ты Божиих чад ждала и селила на своих просторах, в своем доме?* Хотя метафора «Россия – дом» и не относится к военным, она помогает понять, кто и почему, по Астафьеву, приводит к тому, что и в мирное время родина выглядит израненной и истерзанной. Характеристика всего длинного ряда персонажей миниатюры обобщена в слове *налетчики*: это люди, которые обирают богатую сибирскую землю, не давая ей взамен ни капли заботы; они относятся к своей земле, как к чужой (вернее, в «Затесях» своя земля для таких людей – только собственный участок, а «общие» леса, поля, реки воспринимаются как чужие).

Выводы

Итак, мы проанализировали ряд «военных» метафор. Если рассматривать эти метафоры как «пересечение» сфер военного, человеческого и природного, то окажется, что меньше всего область «пересечения» войны с природой (хотя, например, *туча* и *война* являются элементами более обширного поля

«опасность, угроза»). *Воинственный* по отношению к природе и человеку имеет разную коннотативную окраску: *воинственный* окурек или косач реализуют свои сущностные признаки, данные им природой. А *воинственная дама* показана сатирически, как нечто, нарушающее гармонию жизни. Природа становится жертвой не только собственно военных действий (*На том месте, где был сад-огород, – что-то вывернутое, израненное, в клочья разбитое, скомканное, разверстое – следы чудовищно-громадной силы и злой, бессмысленной работы*). Миниатюра «Травинка»), но и такого поведения людей, когда по отношению к родной земле они выступают как *налетчики*.

Сфера пересечения войны и человеческого гораздо обширнее: «война» превращается в производителя действия (*приходят войны, убитого войной немца* и др.), воспринимается как «безумие» человечества (метафорическая модель «война – болезнь»), а из цикла миниатюр в целом становится ясна и причина войн – как «проклятия, нависшего над людьми», когда человек расплачивается за недолжное отношение к природе и к себе подобным.

Лексико-семантическое поле «война» накладывается и на поле «внутренний мир человека», прежде всего – лирического героя, у которого «война в сердце», «осколки» в теле и в душе. Но если в ранних миниатюрах в сердце пишущего была только боль за погибших на войне, за изуродованные войной судьбы людей, то в последних «затесях» (тетради 9 и 10) война как враждебное отношение ко всему окружающему постепенно заполняет душу лирического героя, который видит вокруг только злобу и ненависть.

Источники

Астафьев В.П. Затеси (тетради 1–8) // Астафьев В.П. Печальный детектив. Избранное. М.: ЭКСМО, 2004. С. 153-991. URL: <https://fantlab.ru/work111517>

Библейская энциклопедия / [Никифор (Бажанов)]. М.: РИПОЛ классик, 2005. 795 с. (Библиотека энциклопедических словарей). URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/3206>

Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Институт лингвистических исследований. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. П–Р; Т. 4. С–Я.

Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.:

в 90 тт. Т. 11. М.: ГИХЛ, 1940. URL: <https://tolstoy.ru/online/90/11/>

Литература

Геймбух Е.Ю. Свое и чужое в «Затесях» В.П. Астафьева (к 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 3. С. 55–62.

Замятина И.В. Грамматика русского причастия: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 34 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: ВГУ, 1985. 139 с.

References

Sources

Astafiev V.P. (1). *Zatesi* [Notches] (notebooks 1–8) // Astafiev V.P. *Pechal'nyy detektiv. Izbrannoye* [The Sad Detective. Selected]. M.: EKSMO Press, 2004. Pp. 153–991. URL: <https://fantlab.ru/work111517>

Biblejskaja jenciklopedija [Bible Encyclopedia] / [Nikifor (Bazhanov)]. M.: RIPOD Classik Press, 2005. 795 p. (*Biblioteka jenciklopedicheskikh slovarej* [Library of Encyclopedic Dictionaries]). URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/3206>

Slovar' russkogo jazyka: v 4-h tt. [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.] / Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies. 4-th ed., steriotyp. M.: *Russkij jazik* Press; *Polygraphresources* Press, 1999. T. 3. P–R, T. 4. S–Ya.

Tolstoy L.N. *Voyna i mir* [War and Peace] // Tolstoy L.N. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]: in 90 vols. M.: State Publishing House of Art Literature, 1940. Vol. 11. URL: <https://tolstoy.ru/online/90/11/>

Literature

Geimbukh E.Yu. *Svoje i chuzhoye v «Zatesyakh» V.P. Astaf'yeva (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Own and Alien in V.P. Astafiev's "Zatesy" (on the 100-th Anniversary of His Birth)] // Russian Language at School. 2024. Vol. 85, № 3. Pp. 55–62.

Zamyatina I.V. *Grammatika russkogo prichastija: avtoref. diss. ... d-ra filil. nauk* [Grammar of the Russian Participle: abstract of diss. ... Doctor of Philological Sciences]. M., 2010. 34 p.

Sternin I.A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical Meaning of a Word in Speech]. Voronezh: Voronezh State University Press, 1985. 139 p.

Сведения об авторе

Геймбук Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор; профессор департамента филологии института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет. Научные интересы: текст художественный и нехудожественный.

Information about the Author

Elena Yu. Geimbukh – Dr. Sc. (Philology), Professor; Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities, Moscow City University. Research interests: fiction and non-fiction text.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научно-практическая статья

УДК 81'271.12

DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-80-97

ВОЗЗРЕНИЯ НА ЯЗЫКОВУЮ НОРМУ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ)

Архипов Сергей Владимирович

Московский городской педагогический университет, Москва,
Российская Федерация;

ArkhipovSV@mgpu.ru, AuthorID: 842773; <https://orcid.org/0000-0001-9490-4817>

Аннотация. Статья обращена к проблеме языковой нормы в отечественной и зарубежной лингвистике, находящейся в фокусе внимания исследователей на протяжении ряда веков. Опыты такого рода анализа предприняты, в частности, итальянским гуманистом, поэтом Данте Алигьери. В Новое время изучение языковой нормы приобрело академическую форму. Несмотря на длительную временную ретроспективу, данная проблема продолжает оставаться предметом научных изысканий: многие поколения учёных из разных стран продолжают вносить весомый вклад в науку по данному вопросу. Констатируется, что по одним вопросам уже сложилась исследовательская традиция (например, история национальных языков, кодификация нормы), а по другим (лингвистическая историография и грамматикография) ведутся интенсивные исследования, то есть исследовательская традиция

находится в стадии становления. Цель статьи состоит в выявлении изученности вопроса и его методологической разработанности. Конкретика задач заключается в характеристике значимых направлений в этих исследованиях, что осуществляется в сравнительно-сопоставительном анализе работ по вопросу языковой нормы в отечественной и зарубежной лингвистике на материале испанистики и португалистики.

Ключевые слова: история национальных языков, лингвистическая историография, грамматикография, языковая норма.

Для цитирования: Архипов С.В. Воззрения на языковую норму в отечественной и зарубежной лингвистике (введение в проблему) // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. С. 80–97. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-80-97.

Original scientific and practical article

POINTS OF VIEW ON LANGUAGE STANDARD IN RUSSIAN AND FOREIGN LINGUISTICS (INTRODUCTION TO THE PROBLEM)

Sergey V. Arkhipov

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

ArkhipovSV@mgpu.ru; AuthorID: 842773; <https://orcid.org/0000-0001-9490-4817>

Abstract. This article addresses the problem of linguistic norms in Russian and international linguistics, which has been the focus of research for several centuries. Experiments in this type of analysis have been undertaken, in particular, by the Italian humanist and poet Dante Alighieri. In the Modern Era, the study of linguistic norms acquired an academic form. Despite the long period of hindsight, this problem remains a subject of scientific research: many generations of scholars from different countries continue to make significant contributions to the field. It is stated that on some issues a research tradition has already been established (for example, the history of national languages, the codification of norms), while on others (linguistic historiography and grammaticography) intensive research

is being conducted, that is, the research tradition is in the process of formation. The purpose of this article is to assess the current state of research on this topic and its methodological development. Specific objectives include characterizing significant areas of research, which is accomplished through a comparative analysis of works on language norms in Russian and international linguistics, using Spanish and Portuguese studies as examples.

Keywords: history of national languages, linguistics historiography, grammaticography, language norm.

For citation: Arkhipov S.V. Points of View on Language Standard in Russian and Foreign Linguistics (Introduction to the Problem) // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XIX. M.: Publishing Bookselling House "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2025. Pp. 80–97. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-80-97.

© Архипов С.В., 2025

Введение

Вопросы истории литературных языков получили широкое освещение как в зарубежном, так и в отечественном языкознании. Представители Пражского лингвистического кружка (Й. Вахек, Б. Гавранек, А. Едличка, Й.М. Коржинек, В. Матезиус, Я. Мукаржовский) изучали проблемы литературного языка, в частности – особенности его функционально-стилистической дифференциации и его отношения к другим языковым формам, но постановка этих вопросов осуществлялась только теоретическом плане. Многие зарубежные исследователи специально не выделяли указанные вопросы в своих работах, а рассматривали их в общем контексте языковой истории. Среди этих последних следует упомянуть А. Баха, К. Бруннера, Ф. Брюно, Р. Лапесу, А. Доза, Р. Менендеса Пидалья, Р. Пенни, П. Тейсье.

Оригинальную точку зрения на проблему историзма в языке в духе идей структурализма представил Э. Косериу. Посыл автора отличает его от предложенных Ф. де Соссюром противопоставлений «синхрония – диахрония», «язык – речь». Связанные с этими дихотомиями проблемы исследователь предлагает решать в историческом контексте и с помощью самой истории [здесь и ниже: Косериу, 1963, с. 145–146, 155, 309]. Преодоление Э. Косериу разграничений Ф. де Соссюра связано

с пониманием этих разграничений не как сущностных характеристик языка и его истории, а как методологического к ним подхода: ученый постулирует положение о наличии системы в синхронии и её отсутствии в диахронии.

В отечественном языкознании этот круг вопросов получил завершённое теоретическое обоснование. М.М. Гухман пишет, что «литературный язык – основная наддиалектная форма существования, характеризующаяся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации»; «по своему культурному и социальному статусу литературный язык противостоит территориальным диалектам, разным типам обиходно-разговорного койне и просторечию – как высшая форма существования языка» [Гухман, 1990, с. 270]. Н.Н. Семенюк в ходе исследования установила, что норма – это «совокупность устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации»; «норма как совокупность стабильных унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом, является специфическим признаком литературного языка национального периода» [Семенюк, 1990, с. 337].

Н.Н. Семенюк выделяет ряд критериев, характеризующих норму:

- ✓ структурный критерий: центр – стилистически нейтральные и, следовательно, широко употребляемые языковые явления; периферия – архаические и новые языковые явления, а также функционально и территориально маркированные явления;
- ✓ критерий дифференциации: дифференциация между письменным и устным языком; дифференциация разных функционально-стилистических сфер применения; дифференциация при наличии территориальных / национальных вариантов;
- ✓ критерий основы нормы: территориальная; социальная; функционально-стилистическая;
- ✓ критерий признания нормативности: соответствие языкового явления структуре языка; массовое и регулярное воспроизведение (воспроизводимость) языкового явления в процессе коммуникации; одобрение и признание явления нормативным [Семенюк, 1990, с. 337].

На основании последнего признака Н.Н. Семенюк делает вывод, что «наиболее эксплицированной и “объективированной” формой такого одобрения является кодификация, которая носит по отношению к норме главным образом ретроспективный характер, т. е. фиксирует уже сложившиеся в процессе общественной языковой практики явления» [Семенюк, 1990, с. 338].

Помимо понятий литературного языка, языковой нормы, были определены понятия национального языка и национального литературного языка. Национальный язык, по определению Г.В. Степанова, – это «социально-историческая категория, которая обозначает язык, являющийся средством общения нации и выступающий в двух формах: устной и письменной»; «национальный язык формируется вместе с образованием нации, являясь одновременно предпосылкой и условием её возникновения и существования, с одной стороны, и результатом, продуктом этого процесса – с другой» [здесь и ниже: Степанов, 1990, с. 325]. Кроме того, именно «с образованием национального языка», подчеркивает ученый, принято связывать «высший этап в развитии функциональных систем языка»: «Понятие высшего этапа определяется не всем национальным языком, а главным образом одной его ипостасью – национальным литературным языком». Ученый характеризует национальный язык также с точки зрения его связи с обществом и выделяют три вида соотношений: один язык – один социум; один язык – несколько социумов; много языков – один социум. В плане исторического развития языка Г.В. Степанов выделяет следующие пути: на базе одного более или менее однородного диалекта; на основе концентрации диалектов; путём смены одних диалектов на другие и посредством консолидации последних.

Цель данной статьи состоит в анализе точек зрения отечественных и зарубежных языковедов на проблему языковой нормы. *Задачи* в достижении поставленной цели предполагают необходимость обзора воззрений на языковую норму в отечественном языкознании, освещения взглядов на языковую норму в зарубежном языкознании (с обращением к работам прежде всего филологов-романистов), сопоставления воззрений отечественных и зарубежных языковедов на тему языковой нормы. *Теоретико-методологической основой* в рассмотрении указанной проблемы стали методы анализа понятийно-терминологического

аппарата лингвистики, применяемые в отечественной и зарубежной науке, включая сравнительно-сопоставительный подход в работе.

Основная часть

1. Теория и практика отечественной лингвистики: представления о национальных языках и их историко-функциональных особенностях

Отечественная лингвистика отличается устойчивым интересом к проблемам национальных языков. Так, во 2-й половине XX века вышло несколько коллективных трудов, авторами которых были специалисты по истории европейских и восточных языков: «Вопросы формирования и развития национальных языков» (1960), «Социальная и функциональная дифференциация литературных языков» (1977), «Типы наддиалектных форм языка» (1981), «Функциональная стратификация языка» (1985), «Языковая норма. Типы нормализационных процессов» (1996).

Заявленные в этих сборниках темы были исследованы в статьях и монографиях по истории конкретных национальных языков, включая труды *романистов* Т.Б. Алисовой, Р.А. Будагова, Б.И. Ваксмана, З.Н. Волковой, Е.М. Вольф, Е.А. Грининой, З.В. Гуковской, Л.И. Жолудевой, А.А. Касаткина, Н.А. Катагощиной, М.А. Косарик, Э.И. Левинтовой, Л.И. Лухт, М.Б. Мейлаха, Б.П. Нарумова, М.М. Раевской, О.А. Сапрыкиной, М.В. Сергиевского, Г.В. Степанова, Л.Г. Степановой, Н.Г. Сулимовой, И.И. Чельшевой; *германистов* В.П. Беркова, А.И. Домашнева, М.М. Гухман, С.А. Миронова, Н.Н. Семенюк, В.Н. Ярцевой. Исследовательская практика ученых вполне закономерна, так как именно в отечественном языкознании история литературного языка была выделена как отдельная отрасль знания; основоположником такого взгляда на проблему был Г.О. Винокур.

Г.О. Винокур полагал, что «отдельный язык есть индивидуальное и неповторимое историческое явление, принадлежащее к данной индивидуальной культурной системе, и он должен изучаться совершенно так же, как изучается всякий иной член этой системы, во всей полноте своих жизненных проявлений, отношений и связей» [Винокур, 1959, с. 211]. Исходя из этого, метод, предлагаемый ученым, можно определить как культурно-исторический. Своё видение вопроса Г.О. Винокур основывал на конкретном материале – истории русского литературного языка. Согласно предложенной им концепции,

русский язык зарождался уже как литературный язык. Таким образом, признавался факт существования литературного языка донационального периода. Ученый убедительно показывал, что уже в древнейшие времена русский язык обладал богатым стилистическим разнообразием [здесь и ниже: Винокур, 2010, с. 44, 67]. Отдельно им рассматривался процесс зарождения общерусского национального языка. При этом была охарактеризована территориальная, социальная, функциональная основа нормы национального литературного языка.

Дальнейшая разработка данной проблемы на материале истории русского литературного языка нашла своё отражение в исследованиях В.В. Виноградова. Значимым является положение ученого о неразграниченности понятий «литературный язык» и «язык художественной литературы» [здесь и ниже: Виноградов, 1967, с. 82, 94]. Обстоятельно излагается вопрос о стиле. Образование национального языка рассмотрено в контексте взаимодействия народно-разговорной и книжно-письменной речи. По мнению В.В. Виноградова, национальный язык представляет собой сложную, динамически развивающуюся систему; тем самым утверждается факт открытости этой системы новым веяниям. Развивая эту идею, ученый подчеркивал, что понятие «литературный язык» «наполняется разным содержанием и имеет разный объём применительно к историческим периодам существования народности и нации» [здесь и ниже: Виноградов, 1978, с. 179, 180]. Нормализация языка понималась ученым как расширение влияния литературного языка на народно-разговорный язык. Как и Г.О. Винокур, В.В. Виноградов рассматривал роль художественной литературы в процессе становления национального русского языка как отдельную. Подробно проблема становления русского национального языка освещена В.В. Виноградовым в книге «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков», в которой ученый провёл детальный анализ процесса нормализации в интра- и экстралингвистическом аспектах в их неразрывной взаимосвязи [Виноградов, 1982].

2. Теория и практика отечественной лингвистической испанистики и португалистики

В трудах советских и позже российских ученых последовательно актуализировались и вопросы истории

романских языков.

Р.А. Будагов, опираясь на обширный материал многих, в том числе и романских, литературных языков, представил свою концепцию литературного языка. Ученый доказывал самостоятельную категориальность этого уровня языкового развития, отличая её от формы национального языка, языка художественной литературы и т. д. Он полемизировал с представленной Э. Косериу моделью «речь – норма – система» и писал о соотносительности литературного языка и нормы: «история литературного языка, тесно переплетающаяся с понятием нормы, не может не предполагать и истории самой нормы», а «без этого невозможна и история литературных языков» [здесь и ниже: Будагов, 1967, с. 31, 38, 39]. Р.А. Будагов дал характеристику нормы как лингвистического явления, стремясь выявить её исторические и типологические черты. В этом отношении интересна его точка зрения на соотношение нормы двух национальных вариантов португальского языка – в Португалии и Бразилии: «Норма, известная в Португалии, сравнительна едина. Норма, распространённая в Бразилии, не только менее устойчива, но и дробится на определённые подгруппы. Образуется то, что может быть названо вариантами одного из вариантов нормы». Другой тип нормы, по мнению Р.А. Будагова, обнаруживается, например, в Италии, где в художественной литературе конкурируют литературный язык и диалекты и соответственно их нормы.

Первым опытом такого рода исследования в отечественной романистике была монография З.В. Гуковской, посвящённая теории языка у представителей Плеяды. Автор рассматривала три вопроса: положение французского языка в эпоху Возрождения и его борьбу с латинским языком; происхождение и развитие языка, языковое строительство; языковую норму, структуру языка и семантику слова как основной языковой единицы. На основе анализа манифеста Плеяды «Защита и прославления французского языка» был установлен факт равенства французского и латинского языков, с той разницей, что первый менее развит, однако это можно исправить путём его культивирования, подражая древним грекам и римлянам [здесь и ниже: Гуковская, 1940, с. 44, 58, 65, 73, 59]. Так, толкование понятия «*langue, langue françoise*» сводилось представителями Плеяды к языку поэзии. Обычай (*usage*), с точки зрения этой поэтической школы,

не имеет абсолютного значения, поскольку его определяют творцы языка – поэты. В качестве территориальной основы нормы и участники данного движения, и другие писатели того времени рассматривали язык Парижа. Гораздо шире в представлении плеядистов была социальная основа нормы, поскольку «язык вообще есть творчество: его творят и обыкновенный человек, и учёный», однако если «первый делает это “без правил”, учёный и поэт руководствуются искусством».

Проследивая итальянское влияние на лингвистические воззрения Плеяды, З.В. Гуковская указывала на существенное расхождение между тосканистами и французскими поэтами в понимании феномена литературного языка: в то время как первые противопоставляли свой тосканский диалект прочим диалектам Италии, превознося его, плеядисты полагали, что во Франции существует единый язык, обладающий социальными и территориальными вариантами [здесь и ниже: Гуковская, 1940, с. 84, 87]. В плане структуры языка они считали, что основной его единицей является слово, поэтому его развитие и обогащение должно идти путём увеличения количества слов, поскольку «именно слово – а не строй языка, и не фраза – являлось для них наиболее существенным в языке».

Исследуя комплекс грамматических и риторических терминов и понятий в поэтических трактатах Прованса и Каталонии, Е.А. Гринина справедливо отмечала, что достижением литературной деятельности трубадуров является первый в Романии опыт описания романского языка на романском же языке, с использованием понятийного аппарата, созданного ими на основе латинского языка [здесь и ниже: Гринина, 1986, с. 76, 77]. Как пишет исследователь, «подобная возможность перенесения старой системы понятий на новый романский язык уже подтверждает его стройность и упорядоченность». В результате рассмотрения представлений о языковой системе на уровне звука отмечено характерное для этого времени неразличение звука и буквы, выделение разных по своим признакам звуков. При анализе явлений на других языковых уровнях усмотрены некоторые параллели в суждениях провансальских и каталанских авторов. Однако подчеркнуто, что терминологическое подобие не всегда отражает сходства по сути, как, например, в трактуемых трубадурами «простыми» и «сложными» словами.

Развитие общелингвистических идей представлено

Л.А. Малявиной на примере исследования грамматики латинского языка «Минерва», автором которой был испанский филолог Франсиско Санчес де лас Бросас. Фигура этого грамматиста свидетельствует о взаимосвязи испанской и португальской лингвистических традиций. В юные годы он служил пажом при португальском королевском дворе и, как предполагается, мог быть знаком с Ф. де Оливейрой и Ж. де Баррушем. Выбор латинского языка в качестве предмета грамматического описания обусловлен тем, что Санчес, наряду с древнееврейским и древнегреческим, глубоко осмыслял латынь – как явление, наиболее приближенное к универсальному языку. Интересна точка зрения Санчеса на проблему номинации, согласно которой «принципы именования “по природе” и “по соглашению” он рассматривает не как альтернативу, а как две стадии единого процесса» [здесь и ниже: Малявина, 1985, с. 44, 40]. Важнейшая черта грамматической концепции Санчеса – построение теории на логико-грамматических основаниях. По такому принципу им разработана теория частей речи, теория грамматической фигуры эллипсиса, которая важна, в свою очередь, для создания теории синтаксиса.

Испанская лингвистическая мысль и испанская грамматикография стали объектом изучения в работах Н.Г. Сулимовой. В частности, в кандидатской диссертации этого исследователя на материале описания испанскими грамматистами индейских языков на уровнях морфологии и синтаксиса рассмотрены общезыковые категории. Автор диссертации справедливо утверждает: «именно испанские миссионерские грамматики послужили основой, тем фактическим материалом, на который опирались европейские учёные – создатели общего языкознания в современном смысле этого термина, – от авторов знаменитой грамматики Пор-Рояль Арно и Лансло до Лоренсо Эрваса и А. фон Гумбольдта. Очень многие общелингвистические положения и термины были на деле не созданы этими учёными, а восприняты ими из работ испанских миссионеров» [Сулимова, 1983, с. 26–27]. Данное справедливое утверждение следует, однако, дополнить. Заслуга в этом принадлежит не только испанским, но и португальским авторам миссионерских грамматик [см.: Косарик, 1998]. Позже Н.Г. Сулимовой показано развитие испанской грамматикографии, начиная с грамматики А. де Небрихи до грамматических сочинений

середины XIX века [Сулимова, 2005].

В трудах Е.М. Вольф, впервые в российской науке, история португальского языка получила научное освещение. Исследователь обращается к процессам становления национального литературного языка: показано значение социальных, территориальных диалектов, охарактеризована роль писателей, а также грамматистов. Первые грамматики португальского языка, по мнению исследователя, принадлежат двум разным типам: грамматика Ф. де Оливейры основывается в большей мере на «живом» употреблении (*uso*), а грамматика Ж. де Барруша представляет собой описание языка как грамматического искусства (*arte*) [Вольф, 1996, с. 123]. В дальнейшем неоднократно переиздавалась «История португальского языка», созданная этим ученым.

Новый этап в изучении возникновения и становления нормы португальского национального литературного языка и португальской грамматикографии XVI–XVII веков представлен исследованиями М.А. Косарик. В кандидатской диссертации исследователя (1991) был проведён анализ лингвистических сочинений, посвящённых португальскому языку (грамматики Ф. де Оливейры и Ж. де Барруша, орфографический трактат Нунеша де Леана). В работе показаны принципы описания языка у этих авторов, понимание ими языковых категорий и обоснование исторического подхода к языку. В докторской диссертации [Косарик, 1998] было показано становление португальской грамматикографии в XVI–XVII веках: объектом исследования стали труды Ф. де Оливейры, Ж. де Барруша, М. де Гандаву, Д. Нунеша де Леана, М.С. де Фарии, А. Феррейры да Веры, Б. Перейры, М. де Соузы, М. Алвареша, А. де Резенде, А. де Робореду, Н. Кленарду (Клейнхардта), Ф. де Таворы, миссионерские грамматики Ж. де Аншьеты и Л. Фигейры. В частности, показано, что в португальской лингвистике этого времени лингвистические изыскания проводились также в плане типологии, характеристики языков различной лингвогенетической, структурной принадлежности.

Отдельный пункт в работах М.А. Косарик – сосредоточенность на проблеме языковой нормализации. Исследователь подчеркивает, что «вопросы нормы становятся актуальными для языковой теории лишь в эпоху становления национальных литературных языков» [здесь и ниже: Косарик, 2013, с. 96, 97–98]. Своеобразие португальской традиции, испытавшей влияние испанской

грамматической мысли (грамматика А. де Небрихи), проявилось в самостоятельности португальских нормализаторов языка, а также в разработке понятия нормы. Исследователь анализирует формирование представлений об узусе, вариативности в языке и др.

3. Вопросы португальского языка в работах европейских исследователей:

взгляды на фигуры Ф. де Оливейры и Ж. де Барруша

Обратимся к исследованиям европейских, прежде всего португальских, исследователей, размышляющих о проблемах национального языка.

М.-Л. Карвальян Буэшку, видный специалист по истории и историографии португальского языка, представила сравнительный анализ ранних португальских грамматик и лингвистических сочинений грамматистов из других романских стран. В частности, бесспорным исследователю представляется итальянское влияние на Ф. де Оливейру и Ж. де Барруша [здесь и ниже: Carvalhão Buescu, 1988, p. 66, 67, 71]. В подтверждение этому приводится факт введения Дж.Дж. Триссино греческих букв «ε» и «ω/ο» для обозначения открытых и закрытых гласных звуков «е», «о». Такая практика обнаруживается и в первой португальской грамматике: наряду с этими буквами, грамматист пишет о различии «а» открытого и закрытого. М.-Л. Карвальян Буэшку полагает, что Ф. де Оливейра более восприимчив к итальянской традиции, чем Ж. де Барруш, который испытал французское влияние (он применил для обозначения открытости / закрытости надстрочные диакритики). Однако в вопросах языковой нормы позиция Ж. де Барруша не вписывается в русло итальянского влияния, поскольку отражает специфичную социолингвистическую ситуацию в Португалии его времени. В ставшем классическим исследовании «Португальские грамматики XVI в.» (“Gramáticos Portugueses do Século XVI”, 1978) М.-Л. Карвальян Буэшку показала связи португальской ренессансной лингвистической традиции с античным каноном, а также рассмотрела позиции португальских грамматиков XVI столетия по вопросу защиты и прославления родного языка.

Э. Косериу в статье, посвященной функциональным особенностям языка в трудах Фернана де Оливейры, выделяет в первой португальской грамматике разделы по фонетике, орфографии, лексикологии, морфологии и синтаксису [здесь

и ниже: Soçériu, 2000, p. 30, 32, 31]. По мнению исследователя, Оливейра интересен своими идеями в области не только фонетики, но и лексикологии, морфологии и общего языкознания (при этом, однако, характеризует португальского грамматиста как плохого этимолога). Указывая на грамматику испанского языка А. де Небрихи как на толчок для создания грамматики португальского языка, Э. Косериу тем не менее полагает, что своеобразие грамматической концепции Ф. де Оливейры несомненно: он не являлся простым подражателем А. де Небрихи, каковым часто, с точки зрения Э. Косериу, был Ж. де Барруш. Характеристика доктрины Ф. де Оливейры проводится учёным в соотношениях «система – норма» в их осуществлении на практике.

Б. Шефер-Присс исследовала португальскую грамматикографическую традицию периода 1540–1822 годов. Грамматика Ф. де Оливейры в эту традицию ею не включена – она упоминается только в связи с грамматикой Ж. де Барруша. Исследование базируется в большей степени на формальных признаках. В частности, отсутствие обращения к лингвистическому труду Ф. де Оливейры объясняется признанием самим португальским автором XVI века своего труда не грамматикой, а заметками о португальском языке [Schäfer-Prieß, 2000, p. 11].

С. Челани, напротив, в своей работе «У истоков португальской грамматикографии» включает грамматику Ф. де Оливейры в португальскую грамматикографическую традицию, рассматривая, хотя и неподробно, ее данные на уровнях фонетики, орфографии, лексикологии, морфологии и синтаксиса [Celani, 2012]. Итальянский учёный фокусирует своё внимание на исследовании роли не одного грамматиста, а целого ряда португальских филологов XVI–XVII веков.

Отдельные аспекты доктрины португальского грамматиста XVI столетия привлекали внимание целого ряда исследователей (среди них А. Торреш, К. Ассунсан, П. Свиггерс, Э. Баррету Рейс, М.Э. Пайва, С. Кардозу, Р. Понсе де Леон, Ф. Мартинью, Г. Фернандеш, А.Д. Бонини Маригела, А. Минейру, Р. Кеммлер и др.). Работы этих специалистов вносят серьезный вклад в изучение наследия Ф. де Оливейры, поскольку вводят в научный обиход богатый материал из области истории национальных языков, хотя непосредственно не касаются вопроса о языковой норме.

Выводы

Представленный анализ исследовательской литературы показал многоаспектность, неоднородность, асимметричность в суждениях о систематике лингвистических идей, в т. ч. о проблемах национального литературного языка, процессах его нормализации и кодификации. Неоднозначность этого круга проблем обусловлена как экстралингвистическими факторами, так и структурными различиями разных языков. Кроме того, следует учитывать несовпадения в уровнях развития филологических культур. Несмотря на общетеоретическую разработку основ указанной проблемы, история национальных литературных языков свидетельствует о несходной методологической реализации теоретических положений в исследовательской практике. В частности, для достижения поставленных целей филологи-лингвисты использовали методы исторического анализа, функционального анализа, анализа языковой структуры, а также в случае привлечения обширного материала применялись методы источниковедческого и палеографического анализа.

Решение вопросов становления национального литературного языка следует искать на материале конкретного языка, учитывая специфику его истории, но принимая во внимание теоретические установки, выработанные в трудах многих специалистов по данному вопросу.

Источники

Гухман М.М. Литературный язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 270–271.

Семенюк Н.Н. Норма // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 337–338.

Степанов Г.В. Национальный язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 325–326.

Литература

Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1967. 375 с.

Виноградов В.В. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. 320 с.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М.: Наука, 1967. 134 с.

Винокур Г.О. История русского литературного языка / Под общ. ред. С.Г. Бархударова. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 184 с.

Винокур Г.О. О задачах истории языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 207–226.

Вольф Е.М. Нормализация и кодификация: первые трактаты и грамматики по иберо-романским языкам // Языковая норма. Типология нормализационных процессов / Отв. ред. В.Я. Порхомовский и Н.Н. Семенюк. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 105–127.

Григина Е.А. Грамматические и риторические понятия в средневековых трактатах Прованса и Каталонии: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986. 216 с.

Гуковская З.В. Из истории лингвистических воззрений эпохи Возрождения: (Теория языка у Плеяды). Л.: изд-во ЛГУ, 1940. 127 с.

Косарик М.А. Ранние португальские грамматики и трактаты о языке (к истории лингвистических учений): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991. 257 с.

Косарик М.А. Социолингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях о языке. М.: МАКС Пресс, 2013. 208 с.

Косарик М.А. Теория и практика описания языка: (На материале лингвистических сочинений Португалии 16–17 вв.): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 541 с.

Косериу Э. Синхрония, диахрония, история // Новое в лингвистике: научная литература. Вып. 3. Типологическое изучение языков. Ч. 3. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. С. 145–309.

Малявина Л.А. У истоков языкознания Нового времени: (Универсальная грамматика Ф. Санчеса «Минерва» 1587 г.). М.: Наука, 1985. 110 с.

Сулимова Н.Г. История развития испанской грамматической мысли (XV–XIX вв.). М.: МАКС Пресс, 2005. 332 с.

Сулимова Н.Г. Теоретические вопросы грамматики в испанской лингвистике XVI–XVII вв.: дисс. ... канд. филол. наук.

M., 1983. 260 c.

Carvalho Buescu M.-L. A primeira anotação da lingua portuguesa // Revista da Faculdade de Ciências Sociais e Humanas. 1988. № 2. Pp. 59–74.

Celani S. Alle origini della grammaticografia portoghese. Roma: Edizione Nuova Cultura, 2012. 118 p.

Coşeriu E. Língua e funcionalidade em Fernão de Oliveira. Tübingen, 2000.

Schäfer-Prieß B. Die portugiesische Grammatikschreibung von 1540 bis 1822 // Beihefte zur Zeitschrift für Romanische Philologie. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2000.

References

Sources

Gukhman M.M. *Literaturnyj jazyk* [Literary Language] // Linguistic Encyclopedic Dictionary / Editor-in-Chief V.N. Yartseva. M.: *Soviet Encyclopedia* Publishing House, 1990. Pp. 270–271.

Semenyuk N.N. *Norma* [Norm] // Linguistic Encyclopedic Dictionary / Editor-in-Chief V.N. Yartseva. M.: *Soviet Encyclopedia* Publishing House, 1990. Pp. 337–338.

Stepanov G.V. *Natsyonal'nyj jazyk* [National Language] // Linguistic Encyclopedic Dictionary / Editor-in-Chief V.N. Yartseva. M.: *Soviet Encyclopedia* Publishing House, 1990. Pp. 325–326.

Literature

Budagov R.A. *Literaturnije jazyki i stili* [Literary Languages and Styles]. M.: *Vyšshaja shkola* Press, 1967. 375 p.

Vinogradov V.V. *Istorija russkogo literaturnogo jazyka* [History of Russian Literary Language]. M.: *Nauka* Publishing House, 1978. 320 p.

Vinogradov V.V. *Očerki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII–XIX vekov* [Essays on History of Russian Literary Language in the XVIIth–XIXth Centuries]. 3rd ed. M.: *Vyšshaja shkola* Press, 1982. 528 p.

Vinogradov V.V. *Problemy literaturnyh jazykov i zakonomernostej ih obrazovanija i razvitia* [Problems of Literary Languages and Its Formation and Development]. M.: *Nauka* Publishing House, 1967. 134 p.

Vinokur G.O. *Istorija russkogo literaturnogo jazyka* [History

of Russian Literary Language] // General Editor S.G. Barkhudarov. M.: LIBROKOM Press, 2010. 184 p.

Vinokur G.O. *O zadachah istorii jazyka* [On Problems of Language History] // Vinokur G.O. Selected Works on the Russian Language. M.: Uchpedgiz Publishing House, 1959. Pp. 207–226.

Wolf E.M. *Normalizatsyja i kodifikatsyja: pervyje traktaty i grammatiki po ibero-romanskim jazykam* [Normalization and Codification: First Treatises and Grammars of Ibero-Romance Languages] // Language Norm. Typology of Normalization Processes / Eds. V.Ya. Porkhomovsky and N.N. Semenyuk. M.: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Press, 1996. Pp. 105–127.

Grinina E.A. *Grammaticeskije i ritoricheskiye ponjatija v srednekovykh traktatah Provansa i Katalonii* [Grammatical and Rhetorical Concepts in Medieval Treatises of Provence and Catalonia]: Diss. ... Cand. of Philological Sciences. M., 1986. 216 p.

Gukovskaya Z.V. *Iz istorii lingvisticheskikh vozzrenij epohi Vozrozhdenija (Teorija jazyka u Plejady)* [From the History of Linguistic Views of the Renaissance: (The Theory of Language in Pleiades). L.: Leningrad State University Press, 1940. 127 p.

Kosarik M.A. *Rannije portugal'skije grammatiki i traktaty o jazyke (k istorii lingvisticheskikh uchenij)* [Early Portuguese Grammars and Treatises on Language (on Question of History of Linguistic Doctrines)]: Diss. ... Cand. of Philological Sciences. M., 1991. 257 p.

Kosarik M.A. *Sotsyolingvisticheskaja problematika v rannih portugal'skikh sochinenijah o jazyke* [Sociolinguistic Problematics in Early Portuguese Works on Language]. M.: MAK'S Press, 2013. 208 p.

Kosarik M.A. *Teorija i praktika opisanija jazyka (Na materiale lingvisticheskikh sochinenij Portugalii 16–17 vekov)* [Theory and Practice of Language Description (on Base of Portuguese Linguistic Works in the 16th–17th Centuries)]: Diss. ... Doctor of Philological Sciences. M., 1998. 541 p.

Koseriu E. *Sinhronija, diahronija i istorija* [Synchrony, Diachrony and History] // New in Linguistics: Scientific Literature. Issue 3. Typological Study of Languages. Part 3. M.: Foreign Literature Publishing House, 1963. Pp. 145–309.

Malyavina L.A. *U istokov jazykoznanija Novogo vremeni (Universal'naja grammatika F. Sanchesha «Minerva» 1587 g.)* [At the Origins of Linguistics in Modern Era (Universal Grammar

“Minerva” by F. Sanchez written in 1587]. M.: Nauka Publishing House, 1985. 110 p.

Sulimova N.G. *Istorija razvitija ispanskoj grammaticheskoj mysli (XV–XIX veka)* [History of the Development of Spanish Grammatical Thought (15th–19th Centuries)]. M.: MAKSPress, 2005. 332 p.

Sulimova N.G. *Teoreticheskiye voprosy grammatiki v ispanskoj lingvistike XVI–XVII vekov* [Theoretical Issues of Grammar in Spanish Linguistics of the 16th–17th Centuries]: diss. ... Cand. of Philological Sciences. M., 1983. 260 p.

Carvalho Buescu M.-L. A primeira anotação da lingua portuguesa // Revista da Faculdade de Ciências Sociais e Humanas. 1988. № 2. Pp. 59–74.

Celani S. Alle origini della grammaticografia portoghese. Roma: Edizione Nuova Cultura, 2012. 118 p.

Coşeriu E. *Língua e funcionalidade em Fernão de Oliveira*. Tübingen, 2000.

Schäfer-Prieß B. Die portugiesische Grammatikschreibung von 1540 bis 1822 // Beihefte zur Zeitschrift für Romanische Philologie. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2000.

Сведения об авторе

Архипов Сергей Владимирович – старший преподаватель департамента филологии института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет. Научные интересы: романское языкознание, испанская лингвистика, португальская лингвистика, лингвистическая историография, история романских языков.

Information about the Author

Sergey V. Arkhipov – Senior Lecturer of the Department of Philology of the Institute of Humanities, Moscow City University. Research interests: Romance linguistics, Spanish linguistics, Portuguese linguistics, linguistics historiography, history of Romance languages.

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

Научно-практическая статья

УДК 376.016:811.161.1–054

DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-98-105

ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

Сироткина Татьяна Александровна

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут,
Российская Федерация;

sirotkina71@mail.ru; AuthorID: 185371; <https://orcid.org/0000-0003-3494-0968>

Аннотация. Целью статьи является демонстрация возможностей использования лингвокраеведческих и лингвострановедческих материалов в учебных пособиях по русскому языку как неродному. Материалом для анализа послужили подготовленные в Сургутском государственном педагогическом университете учебные пособия «Даша путешествует по Югре» и «Даша путешествует по России», в которых, помимо развития у обучающихся навыков говорения, слушания, письма, чтения, ставится задача погружения их в новую для них культурную среду.

Ключевые слова: лингвокраеведение, лингвострановедение, русский язык как неродной, социокультурная адаптация.

Для цитирования: Сироткина Т.А. Лингвокраеведение и лингвострановедение в преподавании русского языка как неродного // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. С. 98–105. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-98-105.

Original scientific and practical article

LINGUISTIC REGIONAL STUDIES AND LINGUOCULTURAL STUDIES IN TEACHING RUSSIAN AS A NON-NATIVE LANGUAGE

Tatiana A. Sirotkina

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation;
sirotkina71@mail.ru; AuthorID: 185371; <https://orcid.org/0000-0003-3494-0968>

Abstract. The purpose of the article is to demonstrate the possibilities of using linguo-regional and linguo-cultural materials in teaching aids for Russian as a non-native language. The material for the analysis was the teaching aids prepared in the Surgut State Pedagogical University “Dasha Travels Around Yugra” and “Dasha Travels Around Russia”, which, in addition to developing students’ speaking, listening, writing, and reading skills, set the task of immersing them in a new cultural environment.

Keywords: linguistic regional studies, linguocultural studies, Russian as a non-native language, sociocultural adaptation.

For citation: Sirotkina Tatiana A. Linguistic Regional Studies and Linguocultural Studies in Teaching Russian as a Non-native Language // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XIX. M.: Publishing Bookselling House “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2025. Pp. 98–105. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-98-105.

© Сироткина Т.А., 2025

Введение

Как известно, «обучение русскому языку как неродному – сложный, многоаспектный процесс передачи и усвоения знаний, навыков, умений, способов познавательной деятельности, формирования коммуникативной компетенции»: «Это двусторонний процесс, в котором в совместной деятельности участвуют преподаватель/обучаемый и ученик/обучающийся» [Балыхина, 2010, с. 14].

Одним из основных подходов, которые должны

реализовываться в преподавании языков на современном этапе, является лингвокультурный инструментарий работы. Он актуален и в методике преподавания русского языка как неродного (РКН), поскольку это «помогает решению проблем, связанных с межкультурной коммуникацией, а также решению задач, направленных на изучение национальной идентичности» [Потапова, 2007, с. 25]. Способ, который позволяет осуществить лингвокультурный подход в методике преподавания РКН, – использование лингвокраеведческих и лингвострановедческих текстов, служащих для ознакомления обучающихся «с современной российской действительностью» [Ашурова, 2020, с. 82].

Целью статьи является демонстрация возможностей в использовании лингвокраеведческих и лингвострановедческих материалов в учебных пособиях по русскому языку как неродному. *Материалом* для анализа послужили учебные пособия, подготовленные в Сургутском государственном педагогическом университете [Даша путешествует по Югре, 2025-а; Даша путешествует по России, 2025-б].

Основная часть

Учебные пособия «Даша путешествует по Югре» и «Даша путешествует по России» представляют собой книги для чтения с заданиями для обучающихся, владеющих русским языком на уровне В1. Пособия призваны помочь учителям-филологам, работающим с детьми-инофонами, в создании комплекса методических материалов для занятий по русскому языку как неродному, которые будут способствовать социокультурной адаптации обучающихся и формированию коммуникативной компетенции в сфере межкультурного общения.

При выполнении предложенных в книге заданий отрабатываются навыки говорения, слушания, письма и чтения, необходимые для формирования языковой компетенции школьников. Изучение русского языка как неродного – сложная, но значимая задача для обучающихся, приехавших в Россию с нулевым или почти нулевым уровнем владения языком. На первых этапах ими приобретаются основные речевые навыки, осваиваются темы, требуемые для повседневного бытового общения. Однако начиная с уровня В1 конструктивную роль играют краеведческие и страноведческие темы, благодаря которым происходит социокультурная адаптация школьников,

погружение их в определенную культурную среду.

Краеведение в указанных учебных пособиях ориентировано на развитие представлений об истории, культуре, традициях прежде всего таких городов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Тюменская область), как Сургут, Белоярский, Когалым, Лангепас.

Уже на вводном занятии обучающиеся отрабатывают важную грамматическую тему – образование названий жителей (катойконимов). Для этого, в частности, они читают ознакомительный текст «Кто такая Даша», в котором представлено несколько катойконимов: «Даше 12 лет. Она живет в Сургуте. И мама у Даши живет в Сургуте. Всех жителей Сургута называют “сургутяне”. Даша и ее мама – сургутянки».

Одним из способов развития навыков аудирования, предлагаемых в пособиях, является просмотр коротких видеороликов. Так, например, видеоматериал о памятниках города Белоярский помогает школьникам ответить на вопросы:

- ✓ В каком году Белоярский основан как поселок?
- ✓ В каком году Белоярскому присвоен статус города?
- ✓ Какие два памятника расположены на центральной площади города?
- ✓ Какие животные запечатлены в местных памятниках?
- ✓ В каком селе проходит олимпиада оленеводов?
- ✓ Скульптуры каких мультперсонажей и коноперсонажей можно встретить на улицах города?

Хорошей базой для развития стилистических навыков являются картины местных художников. Так, например, при изучении темы, посвященной городу Когалыму, обучающиеся рассматривают картину Айрата Гайнанова «Когалымские дожди» (1993) и подбирают эпитеты для описания изображенной на ней погоды.

Умение производить все виды лингвистического разбора школьники также отрабатывают на региональных текстах. Например, при изучении темы, посвященной городу Лангепасу, они читают репортаж о священной роще в этнодеревне «Ланге-пасоль» и выполняют следующие задания:

- ✓ Сделайте фонетический разбор слова «лабаз», установите его значение.
- ✓ Разберите по составу слово «воссоздать».

✓ Произведите морфологический анализ слова «три».

Навыки говорения помогают выполнять задания, связанные с представлением материала, найденного в классе: «Прочитайте текст об иркутской кухне и блюде “сагудай”. Найдите в интернете описание других блюд бурятской кухни: “позы, саламат, боовы”. Расскажите о них своим одноклассникам».

Таким образом, региональные тексты и иллюстрации к ним могут использоваться в качестве средства языковой адаптации обучающихся в новом для них социокультурном пространстве.

* * *

Неотъемлемой составляющей при изучении текстов, посвященных разным городам России, расположенным на европейском Севере, в Сибири, на юге страны и др., является работа с лексикой. Так, например, прочитав отрывок из рассказа Бориса Шергина «Детство в Архангельске», школьники с помощью учителя пытаются объяснить значение таких слов, как «подле», «наблюдники», «тетера», «ляпнуться», «флюгер».

Продуктивно использование визуальных материалов. Для современных детей, хорошо ориентирующихся в картах и навигаторах, будет интересным такое задание: «Найдите в интернете список достопримечательностей Читы и составьте маршрут прогулки по городу».

Расширяя материалы указанных пособий, можно дать задание по описанию впечатлений при рассмотрении известной картины, прежде всего пейзажа, характерного, например, для европейской части России, – картины И.И. Левитана «На вечном покое».

Углубление представлений о различных российских территориях возможно при обращении к географическим фактам. Так, на юге России – на Кавказе, в городе-курорте Железноводске, высится гора Железная, представляющая собой палеовулкан; у её подножия бьют источники с минеральной водой. Рассматривая изображение этого объекта наблюдения и пересказывая свои впечатления, обучающиеся также наращивают лексический запас русского языка.

Полезны для развития культуроведческой компетенции обучающихся и отсылки к текстам русской классической литературы. Так, рассматривая фотографию небольшой по размерам бронзовой скульптуры, установленной на юге России – на набережной в Геленджике, под могучим дубом, называемой «Кот ученый», изображающей это животное

с книгой в лапах и визуально обозначенной цепью, ребята могут вспомнить пушкинские строчки: «И днём и ночью кот учёный / Всё ходит по цепи кругом; / Идёт направо – песнь заводит, / Налево – сказку говорит. / Там чудеса <...>» («У лукоморья дуб зеленый...» – пролог к романтической поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»).

* * *

Знание частей речи, умение производить синтаксические разбор предложения также отрабатывается с помощью текстов региональной тематики. Приведем два примера.

- ✓ «Прочитайте рецепт приготовления “Котлет по-донбасски”. Выполните задания: 1) найдите в тексте глаголы, обозначающие действия по приготовлению пищи; 2) найдите в предложениях однородные сказуемые».
- ✓ «Прочитайте рецепт приготовления уральских пельменей. Выполните задания: 1) найдите в тексте причастные обороты; 2) в названиях каких других блюд вы встречали прилагательные, обозначающие их региональную принадлежность?».

Наконец, при изучении краеведческих и страноведческих тем актуальным является использование таких частных методов, как, например, музеификация учебного процесса, когда учитель или создает на уроке мини-экспозицию из имеющихся у него предметов, или обращается к коллекциям местных музеев. Это, безусловно, способствует погружению реципиентов в новую для них культурную среду [Сироткина, 2025].

Заключение

Таким образом, учебные пособия, построенные на лингвокраеведческих и лингвострановедческих материалах, призваны служить не только средством развития лингвистической компетенции обучающихся-инофонов, но и средством их социокультурной адаптации в новом для них российском и региональном пространстве.

Источники

Даша путешествует по России (2025-б): книга для внеклассного чтения: Русский язык как неродной. Уровень В1 / Автор-сост. Т.А. Сироткина. Сургут: СГПУ, 2025. 52 с.

Даша путешествует по Югре (2025-а): книга для внеклассного

чтения: Русский язык как неродной. Уровень B1 / Автор-сост. Т.А. Сироткина. Сургут: СГПУ, 2025. 46 с.

Литература

Ашурова Т.М. Метод лингвострановедения в современной лингводидактике // Вестник педагогического университета (Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни). 2020. № 4 (87). С. 80–88.

Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: РУДН, 2010. 188 с.

Потапова Т.Е. К вопросу о лингвокультурном компоненте в методике преподавания русского языка как неродного // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2007. № 3. С. 20–25.

Сироткина Т.А. Метод музеефикации как способ визуализации материала на занятиях по русскому языку в поликультурном классе // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2025. № 1 (94). С. 99–103.

References

Sources

Dasha puteshestvuet po Rossii (2025-6): kniga dlja vneklassnogo chtenija: Russkij jazyk kak nerodnoj. Uroven' V1 / Avtor-sost. T.A. Sirotkina [Dasha Travels Around Russia (2025-6): The Book for Extracurricular Reading: Russian as a Non-native Language. Level B1 / Author and Compiler T.A. Sirotkina]. Surgut: Surgut State Pedagogical University Press, 2025. 52 p.

Dasha puteshestvuet po Jugre (2025-a): kniga dlja vneklassnogo chtenija: Russkij jazyk kak nerodnoj. Uroven' V1 / Avtor-sostavitel' T.A. Sirotkina [Dasha Travels Around Yugra (2025-a): The Book for Extracurricular Reading: Russian as a Non-native Language. Level B1 / Author and Compiler T.A. Sirotkina]. Surgut: Surgut State Pedagogical University Press, 2025. 46 p.

Literature

Ashurova T.M. *Metod lingvostranovedenija v sovremennoj lingvodidaktike* [Method of Linguistic Country Studies in Modern Linguodidactics] // *Vestnik pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin

of the Pedagogical University (Tajik State Pedagogical University named after S. Aini)]. 2020. № 4 (87). Pp. 80–88.

Balykhina T.M. *Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak nerodnogo (novogo): Uchebnoe posobie. Izd. 2-e, ispr.* [Methods of Teaching Russian as a Non-native (New) Language: Tutorial. 2nd ed., corrected]. M.: The Peoples' Friendship University of Russia Press, 2010. 188 p.

Potapova T.E. *K voprosu o lingvokul'turnom komponente v metodike prepodavanija russkogo jazyka kak nerodnogo* [On the Issue of the Linguocultural Component in the Methods of Teaching Russian as a Non-native Language] // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages and Methods of Teaching Them. 2007. № 3. Pp. 20–25.

Sirotkina T.A. *Metod muzeifikacii kak sposob vizualizacii materiala na zanjatijah po russkomu jazyku v polikul'turnom klasse* [The Method of Museification as a Way of Visualizing Material in Russian Language Classes in a Multicultural Class] // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2025. № 1 (94). Pp. 99–103.

Сведения об авторе

Сироткина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет. Научные интересы: лингвистическое краеведение, ономастика, диалектология, методы преподавания русского языка как неродного и иностранного.

Information about the Author

Tatyana A. Sirotkina – Dr. Sc. (Philology), Associate Professor; Professor of the Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University. Research interests: linguistic regional studies, onomastics, dialectology, methods of teaching Russian as a foreign and non-native language.

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ДИНАМИКА В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ВОССОЗДАНИИ КАРТИНЫ МИРА

Научно-практическая статья

УДК 821.161.1Гочаров.08

DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-106-119

«КРАСОТА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДЕЛА»: КОНЦЕПТ «КОМФОРТ» В ТЕКСТАХ И.А. ГОНЧАРОВА

Гродецкая Анна Глебовна

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация,

grodetkskaiaag@mail.ru, AuthorID: 625321, <https://orcid.org/0000-0002-1198-2877>

Аннотация. В статье на многочисленных примерах – от «Обыкновенной истории» до «Обрыва» – исследуется феномен оригинальной и специфичной именно для Гончарова концептуализации понятия «комфорт», в котором актуализируются эстетическое и рационально-деятельные начала. Ценностный статус этого понятия наиболее отчетливо и последовательно определяются во «Фрегате “Паллада”», где комфорт и цивилизация выступают «почти синонимами» и где комфорт воплощает для автора-повествователя идею исторически неизбежного торжества современной (английской) цивилизационной модели. По мнению автора статьи, картина крымского комфорта в коттедже Штольцев в финале «Обломова» обретает особую содержательную полноту под влиянием идей, воплотившихся на страницах «Фрегата “Паллады”». Гончаровская концепция комфорта рассматривается в статье в контексте социокультурных и этико-философских представлений его современников в 1840-е и 1850-е годы.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, художественная аксиология, концепт «комфорт», «Фрегат “Паллада”», «Обломов», «Обрыв».

Для цитирования: Гродецкая А.Г. «Красота человеческого дела»: концепт «комфорт» в текстах И.А. Гончарова // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. С. 106–119. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-106-119.

Original scientific and practical article

«THE BEAUTY OF HUMAN DEED»: CONCEPT «COMFORT» IN I.A. GONCHAROV'S TEXTS

Anna G. Grodetskaya

Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation;
grodetskaiaag@mail.ru, AuthorID: 625321, <https://orcid.org/0000-0002-1198-2877>

Abstract. The phenomenon of Goncharov's original and specific conceptualization of the concept of “comfort”, in which aesthetic and rational-active principles are actualized, is explored in the article using numerous examples – from “An Ordinary Story” to “The Precipice”. The value status of this concept is most clearly and consistently defined in “The Frigate ‘Pallada’”, where comfort and civilization appear as “almost synonyms” and where comfort embodies for the author-narrator the idea of the historically inevitable triumph of the modern (English) civilizational model. According to the author of the article, the image of Crimean comfort in the Stoltzes' cottage at the end of “Obломov” acquires a special meaningful fullness under the influence of ideas embodied in the pages of “The Frigate ‘Pallada’”. Goncharov's concept of comfort is considered in the article in the context of socio-cultural and ethical-philosophical ideas of his contemporaries in the 1840s and 1850s.

Keywords: I.A. Goncharov, artistic axiology, concept “comfort”, “The Frigate ‘Pallada’”, “Obломov”, “The Precipice”.

For citation: Grodetskaya Anna G. “The Beauty of Human Deed”: Concept “Comfort” in I.A. Goncharov's Texts // Russian

Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XIX. M.: Publishing Bookselling House "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2025. Pp. 106–119. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-106-119.

© Гродецкая А.Г., 2025

Введение

В качестве устойчивой авторской ценностной категории, или концепта, понятие «комфорт» присутствует фактически во всех основных гончаровских текстах. Своего рода апология комфорта, стремление переосмыслить само это понятие, усилив в нем эстетическую составляющую и «разумное», рациональное, деятельное и творческое начало, возвысив его до синонимии с понятием цивилизации, характерно именно для Гончарова, и в этом оригинальность его художественной аксиологии. В частности, известно суждение автора «Фрегата "Паллада"»: «Комфорт и цивилизация почти синонимы...» [Гончаров, 1997, т. 2. с. 272].

Понятие «комфорт», новое для середины XIX века, в сознании современников Гончарова ассоциировалось с европейской цивилизацией (по преимуществу, английской), ценностный же статус понятия, откровенно позитивистский, воспринимался по-разному. Подробный комментарий к словам «комфорт» и «комфортабельный» предложил в «Записках и путешествиях», в книге «Россия в 1839 году», А. де Кюстин, отметив, что слова эти англичане «заимствовали у французов, полностью изменив их смысл» (в старофранцузском «conforter» означало «придать отвагу, моральную силу») и обозначив им «главное занятие большинства англичан» – «постоянное попечение об улучшении физического благополучия»: «Устроиться комфортабельно есть цель усилий каждого англичанина. Это волшебное слово, сообщающее направление всей жизни, узаконивает привязанность англичан к материальным удовольствиям и становится основой домашнего эгоизма, подобно тому как полезность слишком часто служит оправданием политическим несправедливостям» [Мильчина, Осповат, 1996, с. 417]. Философию комфорта определил в середине 1840-х годов Словарь петрашевцев: «Английское слово, не переводимое ни на какой другой язык. Комфортом называется совокупность внешних условий спокойной и удобной жизни. Жить с комфортом значит доставлять себе

все прихоти, ублажающие тело, и удалять от себя все беспокойства. Само собою разумеется, что ставить комфорт выше всех других благ – значит быть материалистом в высшей степени» [Карманный словарь..., 1845, вып. 1, с. 127]. Большая часть статей для 1-го выпуска «Карманного словаря...» была, как известно, написана Валерианом Майковым, и Гончаров, близкий семье Майковых с середины 1830-х годов [Гродецкая, 2021], следивший за формированием философско-публицистической позиции своего ученика, второго сына в «фамилии талантов», с содержанием статей был, безусловно, знаком.

Цель статьи состоит в установлении нюансов в развитии понятийно-творческих представлений Гончарова о комфорте. В процессе работы использованы сравнительно-исторический, типологический и интерпретационный *методы анализа*.

Основная часть

Показательно, с точки зрения актуальности для писателя идеи комфорта, ее присутствие уже в «Обыкновенной истории». В частности, комфорт важен для тонкого ценителя художников фламандской школы Петра Иваныча Адуева: «...занимаясь, он не забывает и себя: дело доставляет деньги, а деньги – комфорт, который он очень любит» [Гончаров, 1997, т. 1, с. 218]. В финале романа автор приводит читателя к пониманию ограниченности и обманчивости философии материального и душевного комфорта.

Представление о комфорте концептуализируется и обретает отчетливый, важный для Гончарова ценностный статус во «Фрегате “Паллада”», где комфорт выступает «почти синонимом» цивилизации и культуры, репрезентацией социокультурных предпочтений автора-повествователя. Начиная с английской главы, рядом с повествователем присутствует симпатичный ему «любящий комфорт» барон Крюднер («Он любит комфорт и без него несколько страдает <...>. Он светский человек, а такие люди всегда мне нравились» [Гончаров, 1997, т. 2, с. 57]). В четвертой главе («На мысе Доброй Надежды»), сопоставляя английские и голландские гостиницы и шире – английскую и голландскую цивилизации, Гончаров трижды отметит присутствие вкуса и комфорта у англичан в противоположность традиционно-историческому быту голландцев [Гончаров, 1997, т. 2. с. 132, 177, 195]:

«У англичан везде виден комфорт или претензия на него, у голландцев – патриархальность, проявляющаяся в старинной, почерневшей от времени, но чисто содержимой мебели, особенно в деревянных пузатеньких бюро и шкапах с дедовским фарфором, серебром и т. п. По состоянию одних этих гостиниц безошибочно можете заключить, что голландцы падают, а англичане возвышаются в здешней стороне. У первых всё смотрит скучно, запущенно; у последних весело, ново и свежо» [Гончаров, 1997, т. 2, с. 132]. Английская и голландская цивилизации в этой главе составляют устойчивую оппозицию, структурно моделирующую повествование. Наконец, в финале африканской главы, повествующей о дрящемся конфликте цивилизаций, звучит вывод о неизбежном торжестве английской цивилизационной модели: «Силой с ними <кафрамы¹> ничего не сделаешь. Они подчинятся со временем, когда выучатся наряжаться, пить вино, увлекутся роскошью. Их победят не порохом, а комфортом» [Гончаров, 1997, т. 2, с. 239].

Мысль о цивилизационном торжестве комфорта развивается и в следующих главах «книги путешествий». В сингапурскую главу включено пространное авторское отступление о роскоши и комфорте, где сформулирована идея не только «разумности» комфорта, но и предопределенности его культурно-исторической миссии: «...как роскошь есть безумие, уродливое и неестественное уклонение от указанных природой и разумом потребностей, так комфорт есть разумное, выработанное до строгости и тонкости удовлетворение этим потребностям. Для роскоши нужны богатства; комфорт доступен при обыкновенных средствах. <...> Роскошь садится на инкрустированном, золоченом кресле, ест на золоте и на серебре; комфорт требует не золоченого, но мягкого, покойного кресла <...>. Торговля распространилась всюду и продолжает распространяться, разнося по всем углам мира плоды цивилизации. Вопрос этот важнее, нежели как кажется с первого раза. Комфорт и цивилизация почти синонимы, или, точнее, первое есть неизбежное, разумное последствие второго» [Гончаров, 1997, т. 2, с. 272]. В письме к А.С. Норову от 20 сентября (2 октября) 1853 года Гончаров представляет Сингапур и Гонконг как «создания силы воли и энергии англичан»: «Везде памятники неимоверных усилий, гигантских

¹ Кафры – «название, придаваемое темнокожим языческим племенам Южной Африки» [В.Р., 1895, с. 801].

работ, везде цивилизация, торговля и комфорт...» [Гончаров, 2017, т. 15, с. 197]. Комфарту, как видим, писатель уделяет главное место в размышлениях о социальном прогрессе, и английский комфорт, с его точки зрения, олицетворяет торжество современной, практической и деятельной, цивилизации. Сама цивилизация середины века во «Фрегате “Паллада”», как справедливо отметила Е.А. Краснощекова, именуется «британской», и «по отношению разных наций к этой цивилизации прогнозируется их историческая судьба» [Краснощекова, 1997, с. 178].

Очевидно, не без влияния наблюдений и умозаключений писателя во время кругосветного плавания оформился обновленный ценностный статус понятия «комфорт» в финале романа «Обломов». Особую смысловую нагрузку и стилистическую окраску оно приобретает в 8-й главе четвертой части произведения при описании крымского коттеджа Штольцев, о котором повествователь замечает: «Любитель комфорта, может быть, пожал бы плечами, взглянув на всю наружную разнорядицу мебели, ветхих картин, статуй с отломанными руками и ногами, иногда плохих, но дорогих по воспоминанию гравюр, мелочей. <...> Но среди этой разновековой мебели, картин, <...> в океане книг и нот веяло теплой жизнью, чем-то раздражающим ум и эстетическое чувство; везде присутствовала или недремлющая мысль, или сияла красота человеческого дела, как кругом сияла вечная красота природы» [Гончаров, 1998, т. 4, с. 446]. В крымской пасторали счастливая супружеская жизнь Штольцев достигает той избыточной полноты, которая становится причиной непонятного Ольге «томления», «глухой грусти», «смутных, туманных вопросов» [Гончаров, 1998, т. 4, с. 456]. У Штольца, выступающего в финале романа в роли мудрого друга-наставника, Ольга находит объяснение и оправдание своему «временному недовольству жизнью»: «Это грусть души, вопрошающей жизнь о ее тайне... <...> Это расплата за прометеев огонь! Мало того что терпи, еще люби эту грусть и уважай сомнения и вопросы: они – переполненный избыток, роскошь жизни и являются больше на вершинах счастья, когда нет грубых желаний; они не рождаются среди жизни обыденной: там не до того, где горе и нужда...» [Гончаров, 1998, т. 4, с. 460–461]. «Грусть души» героини романа представлена автором как душевный и духовный «избыток»,

как «роскошь жизни», сопутствующая бытийному комфорту, им порожденная и в известном смысле его венчающая. В понимании комфорта актуализируется его эстетическая и рационально-разумная составляющая («Как мыслитель и как художник, он [Штольц] ткал ей разумное существование...» [Гончаров, 1998, т. 4, с. 454]).

Переживаниям гончаровской героини в финале романа В.А. Недзвецкий посвятил статью «Тоска Ольги Ильинской в “крымской” главе романа «Обломов»: интерпретации и реальность» [Недзвецкий, 2008]. Попыток интерпретации тоски-томления главной героини как в критике, так и в научной литературе было предпринято немало, важнейшие из них, начиная с Н.А. Добролюбова и Д.Н. Овсянико-Куликовского («призрак обломовщины») и до современных исследователей, приводятся автором статьи, предложившим собственное истолкование «мятежной» ситуации, основанное на анализе ее литературно-философских и мифологических прообразов. В гармонии сердца и разума, чувственно-страстного и возвышенно-духовного, которые реализует счастливый союз Штольцев, очевидно влияние просветительских идей, прежде всего идей Руссо [Гродецкая, 2012–2013].

Комфорт, согласно исходному авторскому замыслу (время работы писателя над первой частью романа – конец 1840-х годов), должен был присутствовать и в жилище Обломова. В первоначальной редакции первой части обстановка квартиры Ильи Ильича разительно отличалась от изображенной в окончательном тексте: «Комната, где лежал Илья Ильич, с первого взгляда казалась прекрасно убранною. Там стояло бюро красного дерева, <...> ковры, несколько картин, бронза, фарфор и те ненужные вещицы, которые нужным считает иметь у себя всякий так называемый порядочный человек. Словом, условия комфорта и порядочности были, по-видимому, соблюдены до мельчайших подробностей» [Гончаров, 2003, т. 5, с. 8]. В окончательном тексте о былой привычке Ильи Ильича к комфорту напоминает, пожалуй, лишь его изысканный гастрономический вкус, когда на Ильин день в доме Пшеницыной он стремится «блеснуть тонкостью и изяществом угощения, неизвестными в этом углу», и когда на столе являются «цыплята в папиюшках, с трюфелями, сладкие мяса, тончайшая зелень, английский

суп» [Гончаров, 1998, т. 4, с. 387]. Обломовский «комфорт» первоначальной редакции должен был восприниматься как внешний, видимый, мнимый. Процитированный фрагмент тематически и текстуально близок очерку «Письма столичного друга к провинциальному жениху» (1848), где наряду с суждениями о хорошем и дурном тоне, об «уменье жить», о «светскости» и «порядочности», повествователь выступает пропагандистом своего понимания подлинного комфорта в противоположность комфорту показному, претенциозному, ложно понятому. Комфорт истинный являет себя в крымском коттедже Штольцев, антитеза комфорта мнимого и подлинного в окончательной редакции Гончаровым была снята.

В русской демократической литературе 1850-х годов социальный и этический протест против «эгоистической» философии комфорта стал своего рода общим местом. Так, А.Ф. Писемский, излагая в письме к А.Н. Майкову от 1 октября 1854 года идею будущего романа «Тысяча душ», рассуждал о карьере и комфорте как «божках, которым поклоняются герои нашего времени» [Писемский, 1936, с. 77–78]. В романе Писемский выступил обличителем стремления к комфорту как жизненной цели, обнаружив в последнем губительный соблазн для своего героя-разночинца Калиновича: «Надобно сказать, что комфорт в уме моего героя всегда имел огромное значение. И для кого же, впрочем, из солидных, благоразумных молодых людей нашего времени не имеет он этого значения? Автор дошел до твердого убеждения, что для нас, детей нынешнего века, слава... любовь... мировые идеи... бессмертие — ничто пред комфортом. Всё это в душах наших случайное: один только он стоит впереди нашего пути с своей неизмеримо притягательной силой. К нему-то мы направляем все наши усилия. Он один наш идол, и в жертву ему приносится все дорогое, хотя бы для этого пришлось оторвать самую близкую часть нашего сердца <...>. Для комфорта десятки лет изгибаются, кланяются, кривят совестью!.. Для комфорта кидают семейство, родину, едут кругом света, тонут, умирают с голода в степях!.. Для комфорта чистым и нечистым путем ищут наследства; для комфорта берут взятки и совершают, наконец, преступления!..» [Писемский, 1959, с. 135–136]. И напротив, в аксиологии «новых людей» Чернышевского идея комфорта явилась реабилитированной и гармонически

согласованной с их этическими представлениями: «...и нравственность, и комфорт, и добро, и чувственность – всё это выходит у них как будто одно и то же» [Чернышевский, 1975, с. 150].

Понимание комфорта как «синонима» современной цивилизации находит отражение и в романе «Обрыв». Показательно описание дома сестер Пахотиных с их патриархальным укладом: «В доме тянулась бесконечная анфилада обитых штофом комнат; темные, тяжелые резные шкафы с старым фарфором и серебром, как саркофаги, стояли по стенам с тяжелыми же диванами и стульями рококо, богатыми, но жесткими, без комфорта» [Гончаров, 2004, т. 7, с. 17–18]. Иную картину представляют комнаты их брата Николая Васильевича: «Старые предания мешались там с следами современного комфорта. Подле тяжелого буля стояла откидная кушетка от Гамбса, высокий, готический камин прикрывался ширмами с картинами фоблазовских нравов, <...> в уборной его – целый магазин косметических снадобьев» [Гончаров, 2004, т. 7, с. 18].

Заключение

В письмах Гончарова 1860-х годов, отправленных из-за границы, достаточно часты упоминания о комфорте, неизменно выступающем показателем торжества цивилизации, и о собственной любви к комфорту. Оправданием собственной «скромной» любви к комфорту звучат признания писателя в очерке «Слуги старого века» (1888) в ответах на упреки в «равнодушии к народу»: «Это-де безгливость, барство, эпикуреизм, любовь к комфорту: этим некоторые пробовали объяснять мое мнимое равнодушие к народу. <...> Что на это сказать? Я знал некоторых народников, поэтов, повествователей. Они тоже любили больше сближаться с народом издали, сидя у себя в деревенском кабинете, заходили в крестьянские избы отдохнуть, спрятаться от непогоды, словом, барски, привозя с собой все принадлежности такого утонченного комфорта, перед которым бледнел мой скромный “эпикуреизм”» [Гончаров, 1954, с. 316, 317].

Картина крымского коттеджного комфорта в «Обломове», как уже отмечалось, не встретила должного признания в критике. Для Ю.Н. Говорухи-Отрока, например, «наводящий тоску кулак из немцев» Штольц приводит Ольгу не более чем «к устроению нравственного и материального комфорта» [Говоруха-Отрок,

1991, с. 209]. Солидарность с подобным мнением можно обнаружить и у современных исследователей, видящих «путь Штольца» как прямую дорогу к «филистерству»: «Ведь это тоже обломовщина, правда, всячески окультуренная, комфортабельная, без паутины и неодолимой тяги ко сну, окруженная картинами, нотами, фарфором...» [Сквозников, 1994, с. 281].

Источники

И.А. Гончаров: художественные произведения, письма

Гончаров И.А. Обломов // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 тт. Т. 4. СПб.: Наука, 1998. 496 с.

Гончаров И.А. Обломов. Рукописные редакции // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 тт. Т. 5. СПб.: Наука, 2003. 498 с.

Гончаров И.А. Обрыв // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 тт. Т. 7. СПб.: Наука, 2004. 773 с.

Гончаров И.А. (1). Обыкновенная история // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 тт. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. 832 с.

Гончаров И.А. Письма. 1842 – январь 1855 // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 тт. Т. 15. СПб.: Наука, 2017. 556 с.

Гончаров И.А. Слуги старого века // Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 тт. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 7. С. 316–383.

Гончаров И.А. (2). Фрегат «Паллада» // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 тт. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 747 с.

Русские авторы XIX века:

художественные произведения, статьи, письма

Писемский А.Ф. Письма / Подгот. текста и коммент. М.К. Клемана и А.П. Могилянского. М.; Л.: АН СССР, 1936. 976 с.

Писемский А.Ф. Тысяча душ // Писемский А.Ф. Собр. соч.: в 9 тт. Т. 3. М.: Правда, 1959. 490 с.

Говоруха-Отрок Ю.Н. И.А. Гончаров // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сб. ст. / Сост., автор вступ. ст. и коммент. М.В. Отрадин. Л.: ЛГУ, 1991. 304 с.

Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / Изд. подгот. Т.И. Орнатская и С.А. Рейсер. М.: Наука, 1975. 876 с. (Сер. «Литературные памятники»).

Словари

В.Р. Кафры // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефронъ. С.-Петербургъ: Лито-типография И.А. Ефрона, 1895. Т. XIVa (Кардинахи – Керо). С. 801–802.

Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав

русского языка, издаваемый Н. Кириловым. СПб.: Типография Губернского правления, 1845. Вып. 1. 324 с.

Литература

Гродецкая А.Г. Гончаров в литературном доме Майковых. 1830–1840-е годы. СПб.: Полиграф, 2021. 430 с.

Гродецкая А.Г. Реминисценции «Новой Элоизы» в финальных главах «Обломова» и «Что делать?» (еще о «тоске» Ольги Ильинской в «крымской» главе романа Гончарова) // Филологические записки. Воронеж, 2012–2013. Вып. 31. С. 39–50.

Краснощекова Е.А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 496 с.

Мильчина В., Осповат А. Комментарии // Кюстин А. де. Россия в 1839 году: в 2 тт. / Пер. с фр.; под ред. В. Мильчиной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 2. 484 с.

Недзвецкий В.А. Тоска Ольги Ильинской в «крымской» главе романа «Обломов»: интерпретации и реальность // И.А. Гончаров: Материалы международной научной конференции. Ульяновск: Ника-дизайн, 2008. С. 73–86.

Сквозников В. «Золотое» сердце Обломова // Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung: Beiträge der I Internationalen Gončarov-Konferenz. Bamberg, 8–10 Oktober 1991 / Hrs. von P. Thiergen. Köln; Weimar; Wien, 1994. Pp. 277–286.

References

Sources

I.A. Goncharov: Fiction, Letters

Goncharov I.A. *Oblomov* // Goncharov I.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 tt.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.]. V. 4. SPb.: Nauka Publishing House, 1998. 496 p.

Goncharov I.A. *Oblomov. Rukopisnye redakcii* [Handwritten Editions] // Goncharov I.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 tt.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.]. V. 5. SPb.: Nauka Publishing House, 2003. 498 p.

Goncharov I.A. *Obryv* [The Precipice] // Goncharov I.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 tt.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.]. V. 7. SPb.: Nauka Publishing House, 2004. 773 p.

Goncharov I.A. (1). *Obyknovennaja istorija* [An Ordinary

Story] // Goncharov I.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 tt.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.]. V. 1. SPb.: Nauka Publishing House, 1997. 832 p.

Goncharov I.A. *Pis'ma. 1842 – janvar' 1855* [Letters. 1842 – January 1855] // Goncharov I.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 tt.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.]. V. 15. SPb.: Nauka Publishing House, 2017. 556 p.

Goncharov I.A. *Servants of the Old Age* // Goncharov I.A. *Sobr. soch.: v 8 tt.* [Collected Works: in 8 vols.]. M.: State Publishing House of Art Literature, 1954. V. 7. Pp. 316–383.

Goncharov I.A. (2). *Fregat «Pallada»* [Frigate “Pallada”] // Goncharov I.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 tt.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.]. V. 2. SPb.: Nauka Publishing House, 1997. 747 p.

Russian Authors of the 19th Century:

Fiction, Articles, Letters

Pisemsky A.F. *Pis'ma* [Letters] / *Podgot. teksta i komment. M.K. Klemana i A.P. Mogiljanskogo* [Text Prepared and Commented by M.K. Kleman and A.P. Mogilyansky]. M.; L.: USSR Academy of Sciences Press, 1936. 976 p.

Pisemsky A.F. *Tysjacha dush* [Thousand Souls] // Pisemsky A.F. *Sobr. soch.: v 9 tt.* [Collected Works: in 9 vols.]. V. 3. M.: Pravda Press, 1959. 490 p.

Govorukha-Otrok Yu.N. *I.A. Goncharov* [I.A. Goncharov] // *Roman I.A. Goncharova «Oblomov» v russkoj kritike: sb. statej* [I.A. Goncharov's Novel “Oblomov” in Russian Criticism: Collection of Articles] / *Sost., avtor vstup. st. i komment. M.V. Otradin* [Compiled, Author of the Introduction and Comments by M.V. Otradin]. L.: Leningrad State University Press, 1991. 304 p.

Chernyshevsky N.G. *Chto delat'?* *Iz rasskazov o novyh ljudjah* [What Is to Be Done? From the Stories about the New Men] / *Izd. podgot. T.I. Ornatskaja i S.A. Rejser* [Ed. prepared by T.I. Ornatskaya and S.A. Raiser]. M.: Nauka Publishing House, 1975. 876 p. (Ser. «Literaturnye pamjatniki». [Ser. “Literary Monuments”]).

Dictionaries

V.R. Kafry [Kaffirs] // *Jenciklopedicheskij slovar'. Izdateli: F.A. Brokgauz#, I.A. Efron#. S.-Peterburg#: Lito-tipografija I.A. Efrona* [Encyclopedic Dictionary. Publishers: F.A. Brockhaus, I.A. Efron. St. Petersburg: Litho-typography of I.A. Ephron], 1895.

T. XIVa (*Kardinahi – Kero* [Kardinakh – Kero]). Pp. 801–802.

Karmannyj slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo jazyka, izdavaemyj N. Kirilovym [Pocket Dictionary of Foreign Words Included in Russian Language, Published by N. Kirilov]. SPb.: *Tipografija Gubernskogo pravlenija* [Printing House of Provincial Government], 1845. *Vyp.* 1 [Issue 1]. 324 p.

Literature

Grodetskaya A.G. *Goncharov v literaturnom dome Majkovyh. 1830–1840-e gody.* [Goncharov in the Maikovs' Literary House. 1830–1840s]. SPb.: *Poligraf Press*, 2021. 430 p.

Grodetskaya A.G. *Reminiscencii «Novoj Jeloizy» v final'nyh glavah «Oblomova» i «Chto delat'?» (eshhe o «toske» Ol'gi Il'inskoj v «krymskoj» glave romana Goncharova)* [Reminiscences of “New Eloise” in the Final Chapters of “Oblomov” and “What Is to Be Done?” (More about Olga Ilyinskaya's “Longing” in the “Crimean” Chapter of Goncharov's Novel) // *Filologicheskie zapiski* [Philological Notes]. Voronezh, 2012–2013. *Vyp.* 31 [Issue 31]. Pp. 39–50.

Krasnoshchekova E.A. *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva* [Ivan Aleksandrovich Goncharov: The World of Creativity]. SPb.: *Pushkinskij fond* [Pushkin Fund], 1997. 496 p.

Milchina V., Ospovat A. *Kommentarii* [Notes] // Custine A. de. *Rossija v 1839 godu: v 2 tt.* [Russia in 1839: in 2 vols.] / *Per. s fr.; pod red. V. Mil'chinoj* [Trans. from French; ed. by V. Milchina]. M.: *Izd-vo im. Sabashnikovyh* [Publishing House Named after Sabashnikovs], 1996. V. 2. 484 p.

Nedzvetsky V.A. *Toska Ol'gi Il'inskoj v «krymskoj» glave romana «Oblomov»: interpretacii i real'nost'* [Melancholy of Olga Ilyinskaya in the “Crimean” Chapter of the Novel “Oblomov”: Interpretations and Reality] // I.A. Goncharov: *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Proceedings of the International Scientific Conference]. Ulyanovsk: *Nika-dizajn Press*, 2008. Pp. 73–86.

Skvoznikov V. *«Zolotoe» serdce Oblomova* [Oblomov's “Golden” Heart] // Ivan A. Gončarov. *Leben, Werk und Wirkung: Beiträge der I Internationalen Gončarov-Konferenz.* Bamberg, 8–10 Oktober 1991 / Hrs. von P. Thiergen. Köln; Weimar; Wien, 1994. Pp. 277–286.

Сведения об авторе

Гродецкая Анна Глебовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Научные интересы: история русской литературы XIX века, текстология.

Information about the Author

Anna G. Grodetskaya – Dr. Sc. (Philology), Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Science. Research interests: history of Russian literature of the XIXth century, textology.

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Научно-исследовательская статья

УДК 821.161.1.05'05

DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-120-160

ОБРАЗ ЛЖЕЮРОДИВОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАСЛЕДИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО, И.С. ТУРГЕНЕВА И П.И. МЕЛЬНИКОВА (АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКОГО)

Карпачева Татьяна Сергеевна

Московский городской педагогический университет; Москва,
Российская Федерация;

karpachevats@mgpu.ru, AuthorID: 338826, <https://orcid.org/0009-0007-6227-4874>

Аннотация. В статье рассматриваются образы лжеюродивых в произведениях Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, П.И. Мельникова-Печерского и их отличие от юродивых Христа ради.

Изображение лжеюродивого, или мнимо-юродивого, в творчестве Достоевского имеет комическую окраску: это, в первую очередь, Фома Фомич Опискин в «Селе Степанчикове и его обитателях», а также Семен Яковлевич в романе «Бесы». В этих героях узнаваема историческая фигура – известный московский лжеюродивый Иван Яковлевич Корейша, пациент Московской Преображенской психиатрической

больницы, бессвязные речи которого истолковывали как «пророчества» и вокруг которого его почитатели создали своего рода ажиотаж. Образ лжеюродивого у Достоевского показан в разных обликах. Если лжеюродивый сознательно «разыгрывает» свою роль (Фома Опискин), то, пользуясь склонностью к разного рода суевериям и овладев несколькими манипулятивными приемами, он способен подчинить себе людей и создать своего рода квазирелигиозный культ. Иной тип лжеюродивых – душевнобольные, вокруг которых создается спонтанный культ, и иные лица могут использовать их «втемную» (Семен Яковлевич).

В повести Тургенева «Странная история» создан образ «гипнотизера» Василия, напоминающий хлыстовского «пророка». Такая «альтернативная» духовность в повести показана как агрессивное антисоциальное явление, разрушающее личность, что подтверждается трагической историей Софи, поверившей в «богоугодность» Василия и последовавшей за ним.

У Мельникова-Печерского образ лжеюродивого, душевнобольного, проживающего в монастыре и за счет народного почитания, приносящего монастырю хороший доход, представлен во второй книге романа «На горах». В отличие от других писателей, Мельников-Печерский рассказывает биографию «блаженного» и предысторию его появления в монастыре.

Изображение мнимо-юродивого, лжепророка, в творчестве Достоевского, Тургенева и Мельникова-Печерского имеет общие черты. Все три писателя делают акцент на том, что погоня за чудесами и альтернативной «духовностью» может повлечь за собой трагические последствия. Наделение душевнобольных сакральными свойствами служит для извлечения выгоды третьими лицами; это явление, в дальнейшем получившее название «культ психических больных», осмысливается писателями как социальная проблема, как абсурдное общественное явление.

Ключевые слова: юродивый, юродство, лжеюродивый, Иван Яковлевич Корейша, секты.

Для цитирования: Карпачева Т.С. Образ лжеюродивого в художественном наследии Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и П.И. Мельникова (Андрея Печерского) // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. С. 120–159. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-120-160.

Original research article

**THE IMAGE OF A FALSE HOLY FOOL
IN THE ARTISTIC HERITAGE
OF F.M. DOSTOEVSKY, I.S. TURGENEV
AND P.I. MELNIKOV (ANDREY PECHERSKY)**

Tatiana S. Karpacheva

Moscow City University; Moscow, Russian Federation;

karpachevats@mgpu.ru, AuthorID: 338826, <https://orcid.org/0009-0007-6227-4874>

Abstract. The images of false holy fools in the works of F.M. Dostoevsky, I.S. Turgenev, P.I. Melnikov-Pechersky and their differences from holy fools for Christ's sake are examined in the article.

The image of the false holy fool, or pseudo-holy fool, in Dostoevsky's work has a comic tinge; this is, first of all, Foma Fomich Opiskin in "The Village of Stepanchikov and its Inhabitants", as well as Semyon Yakovlevich in the novel "Demons". These heroes are recognizable as a historical figure – the famous Moscow false holy fool Ivan Yakovlevich Koreisha, a patient at the Moscow Preobrazhensky Psychiatric Hospital, whose incoherent speeches were interpreted as "prophecies" and around whom his admirers created a kind of hype. Dostoevsky portrays the false holy fool in various guises. If the false holy fool consciously "acts out" his role (Foma Opiskin), then, taking advantage of a tendency toward various superstitions and mastering several manipulative techniques, he is able to subjugate people and create a kind of quasi-religious cult. Another type of false holy fools is the mentally ill, around whom a spontaneous cult is created and other people can use them "in the dark" (Semyon Yakovlevich).

The image of the "hypnotist" Vasily, reminiscent of the Khlyst "prophet", is created in Turgenev's novella "A Strange Story". This "alternative" spirituality is depicted in the novella as an aggressive, antisocial phenomenon that destroys the individual, a fact confirmed by the tragic story of Sophie, who believed in Vasily's "pleasing to God" and followed him.

Melnikov-Pechersky introduces the image of a false holy

fool, a mentally ill person living in a monastery and bringing the monastery a good income through popular veneration, in the second book of his novel, “On the Mountains”. Unlike other writers, Melnikov-Pechersky tells the biography of the “blessed one” and the background to his arrival at the monastery.

The depiction of the pseudo-holy fool, the false prophet, in the works of Dostoevsky, Turgenev, and Melnikov-Pechersky shares common traits. All three writers emphasize that the pursuit of miracles and alternative “spirituality” can lead to tragic consequences. The attribution of sacred properties to the mentally ill serves to extract profit for third parties; this phenomenon, later dubbed the “cult of the mentally ill”, is conceptualized as a social problem, an absurd social phenomenon.

Key words: holy fool, foolishness, false holy fool, Ivan Yakovlevich Koreisha, sects.

For citation: Karpacheva Tatiana S. The Image of a False Holy Fool in the Artistic Heritage of F.M. Dostoevsky, I.S. Turgenev and P.I. Melnikov (Andrey Pechersky) // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XIX. M.: Publishing Bookselling House “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2025. Pp. 120–160. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-120-160.

© Карпачева Т.С., 2025

Введение

Традиция агиографического жанра древнерусской литературы, воспринятая художниками слова Нового времени, неоднократно становилась предметом изучения исследователей: ученые обращались как к отдельным образам героев, созданным с опорой на жанровые признаки жития [Ветловская, 1999; Дорофеева, 2012; Карпачева, 2017, 2024; Кубасов, 2016, и др.]; к особенностям функционирования житийного жанра в художественном мире того или иного писателя [Гродецкая, 2000; Громова, 2009; Косых, 1999; Натарзан, 2000, и др.], так и к обобщению, систематизации, выявлению общих тенденций влияния агиографической литературы на русскую словесную культуру [Гаричева, 2009; Климова, 2009; Растягаев, 2008; Суровцева, 2015; Терешкина, 2015, и др.].

Из всех видов христианских подвигов, возводящих к святости,

наиболее сложным и труднодостижимым для человека секулярной культуры является подвиг юродства Христа ради, характерный большей частью для древнерусской религиозной картины мира. Богословским обоснованием подвига юродства послужили слова апостола Павла: «Мы юроды Христа ради...» (1 Кор. 4:10) [Энциклопедический..., т. 81, с. 421; Ковалевский, 2013, с. 6–33].

Представляется целесообразным рассмотреть слова «юродство», «юродивый», представленные в справочных изданиях, чтобы выявить характерные признаки этого явления и отличать от пародий на него и подражаний ему.

- ✓ «Юродивые – люди, принимавшие на себя из любви к Богу и ближним один из подвигов христианского благочестия – *юродство о Христе*. Они не только добровольно отказывались от удобств и благ жизни земной, от выгод жизни общественной, от родства самого близкого и кровного, но и принимали на себя вид безумного человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда, позволяющего себе иногда соблазнительные действия. Эти подвижники не стеснялись говорить правду в глаза сильным мира сего, обличали людей несправедливых и забывающих правду Божию <...> Ю<родивые> нередко вращались среди самых порочных членов общества, среди людей погибших в общественном мнении, и многих из таких отверженных возвращали на путь истины и добра. Почти все Ю<родивые> Востока и некоторые из них на Руси были иноки» [Энциклопедический..., т. 81, с. 421].
- ✓ «Юродивый – безумный, божевольный, дурачок, от роду сумасшедший; народ считает юродивых Божьими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предвидение; церковь же признает и юродивых Христа ради, принявших на себя смиренную личину юродства; но в церковном же значении юродивый иногда глупый, неразумный, безрассудный» [Даль, 2000, т. 4, стб. 1550].
- ✓ «Юродство Христа ради – духовно-аскетический подвиг, который заключается в отказе от общепринятых норм жизни, принятии особого образа поведения, отчасти (внешне) напоминающего поведение человека, лишённого рассудка, в смиренном терпеливом перенесении унижений,

презрения, поругания, телесных лишений. <...> Юродивый (слав<янское> глупый, безумный) – человек, взявший на себя подвиг изображения внешнего, т. е. видимого безумия с целью достижения внутреннего смирения. Христа ради юродивые ставили себе задачей побороть в себе корень всех грехов – гордость. Для этого они вели необычный образ жизни, иногда представлялись как бы лишенными рассудка, вызывая тем над собою насмешки людей. Вместе с тем, они в иносказательной символической форме обличали зло в мире, как словами, так и действиями» [Юродство...].

Поскольку именно подвиг юродства вызывал множество сомнений в его подлинности, а также злоупотреблений, целый ряд исследователей: теологов, церковных историков – акцентировал внимание на необходимости различения юродства как христианского подвига и лжеюродства, или мнимо-юродства. Последнее могло быть сопряжено с болезнью, проявления которой родственники больного или иные лица намеренно мистифицировали и, чаще с корыстной целью, выдавали за «пророчества». Здесь важно отметить, что подвиг юродства человек берет на себя сознательно, то есть юродивый – это не душевнобольной, напротив, это здоровый человек, который ради «высокой цели», ради обличения зла, надевает на себя «маску» душевнобольного и принимает оскорбления, чтобы смирить свою гордость. «Юродивый всегда знает, что юродствует, – отмечает свящ. Владимир Новицкий. – Его контролирующее самосознание, или трезвение по-святоотечески, помогает ему максимально адекватно оценивать себя и все окружающее. <...> Поэтому юродство – не болезнь, а духовный подвиг, принятый в результате собственного выбора. У душевнобольного человека как раз нарушено самосознание, целостность личности, он не способен – полностью или частично – руководить своими желаниями, мыслями, волей. <...> Такой человек не критичен по отношению к себе и другим людям, неадекватно устанавливает связи между событиями и людьми» [Юродство...].

Священник Иоанн Ковалевский, служивший в Покровском Соборе Василия Блаженного на рубеже XIX–XX веков, в своем известном труде «Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви» (1902), неоднократно

переиздававшемся, призывает отличать «истинных подвижников христианского благочестия» от мнимо-юродивых – «тунеядцев, которые, не желая трудиться, под видом юродства любят жить на чужой счет и своими странными выходками невольно обращают внимание других» [Ковалевский, 2013, с. 17]. Исследователь отмечает, что таким лжеюродивым, «тунеядцам», жилось очень вольготно и привольно на Руси «в том умственном и нередко нравственном мраке, какими богато было прошлое нашего отечества»; «да и теперь еще, как известно, многие грады и веси нашего отечества, не исключая Москвы, часто дают гостеприимный приют такого рода мнимо-юродивым» [Ковалевский, 2013, с. 17–18]. Интересно, что автор приводит в пример опубликованную в книге «Вразумление заблудшим и исповедь обратившегося от заблуждения» исповедь одного из таких мнимо-юродивых, который сознательно обманывал народ, что, в противовес мнению некоторых современных исследователей¹, подтверждает распространенность такого явления [Ковалевский, 2013, с. 142–143].

Московский беллетрист, публицист и книгопродавец А.С. Ушаков, с которым вел переписку Ф.М. Достоевский, в «Очерках Москвы» указывает на феномен почитания, в особенности в московской купеческой среде, всех без разбору «странных», душевнобольных и просто откровенных мошенников, маскирующихся под юродивых. Впоследствии этот феномен получит название «культ психических больных» [Копшицер, 1973, с. 50]. «Псевдорелигиозность, выдаваемая за набожность и богопочитание, чем старое поколение тычет в глаза молодому, – отмечает А.С. Ушаков, – так сильно развита в Замоскворечье, что там во многих богатых домах есть даже особые комнаты для приема монахов, которые и называются:

¹ Например, современный автор В.И. Мельник склонен считать одного из самых известных мнимо-юродивых XIX века Ивана Яковлевича Корейшу, чья фигура нашла комическое отражение у Достоевского, за настоящего святого, подвиг которого будто бы невозможно понять, находясь «в плену» секулярной культуры. При этом, по мнению автора, в том же «плени» секулярной культуры находятся и Достоевский, и Островский, критически относившиеся к таким явлениям и отобразившие Корейшу в своих произведениях. В.И. Мельник убежден, что и у великих русских классиков «не достало» «духовности», чтобы понять Корейшу [Мельник, 2004].

комната отца такого-то, матери – имя рек» [Скавронский (Ушаков), 1862, с. 11].

Исследователи-филологи неоднократно осмыслили образы юродивых в литературе и выделяли особенности отражения этого подвига русскими писателями [Есаулов, 2004, с. 155–185; Янчевская, 2004; Клочан, 2017, и др.]. Так, И.А. Есаулов в подвиге юродства, в том числе воплощенного в русской литературе, видит проявление пасхального архетипа русской культуры [Есаулов, 2004]. Ученый отмечает: «юродивый отвергает и профанирует отнюдь не всё, но именно земную иерархию и вообще земной миропорядок. Тем самым он может сподобиться небесному»; «он часто вовсе не веселится» – в отличие от шута, «а терпит побои, лишения – и молится за своих обидчиков» [Есаулов, 2004, с. 160]. Прославление юродивых Христа ради в православной традиции исследователь обосновывает именно «пасхальной доминантой этой традиции»: «юродивые “ругаются миру” вовсе не для того, чтобы лучше “организовать” этот мир, и не для того, чтобы исправить его – в лучшую сторону»; «в юродстве проявляется тенденция отвергать все устоявшиеся формы земной жизни как неистинные; юродство – это радикальное по своей сути отвержение “здешнего” мира и его ценностей (этим радикализмом юродство, в частности, отличается от монашества, где уход из мира организуется согласно особым правилам)» [Есаулов, 2004, с. 163].

Цель статьи состоит в выявлении позиций Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и П.И. Мельникова (Андрея Печерского) в изображении юродивых / лжеюродивых. Работа осуществлена *методами сравнительно-исторического, культурно-исторического и типологического анализа.*

Основная часть

Проблема лжеюродства, или мнимо-юродства, в художественной литературе становилась предметом изучения ученых очень редко, хотя, как и иные социально-психологические проблемы, неоднократно привлекала внимание русских писателей.

Так, в творчестве Ф.М. Достоевского изображение лжеюродивого, или мнимо-юродивого, имеет комическую окраску. Это, в первую очередь, Фома Фомич Опискин в «Селе Степанчикове и его обитателях», а также Семен Яковлевич в романе «Бесы». В этих двух героях можно распознать

одно и то же историческое лицо – известного московского лежуродивого Ивана Яковлевича Корейшу, душевнобольного, многолетнего пациента Московской Преображенской психиатрической больницы. Его «почитатели» создали своего рода ажиотаж – якобы Корейша способен предсказывать будущее, а его бессвязные речи истолковывали на свое усмотрение. В «Селе Степанчикове...» об Иване Яковлевиче, если сравнивать его с Фомой, лишь вскользь упоминается, а в «Бесах» в эпизоде посещения группой молодежи Семена Яковлевича и в изображении его эксцентричного поведения прямо прослеживаются заимствования из жизнеописания Корейши.

При изучении «Села Степанчикова...» исследователей неоднократно интересовал вопрос власти Фомы и его природы: каким образом «шут», приживальщик смог взять весь помещичий дом в свои руки и подчинить себе все семейство Ростанева? В исследовательских работах при обращении к этой повести анализ образа Фомы чаще всего начинается с его «воцарения» в доме полковника, тогда как его положение в доме генерала рассматривается как «униженное», «зависимое» и т. д., и власть Фомы в доме полковника традиционно связывают с тем, что «униженный» бедняк наконец «отыгрывается» за то, что всю жизнь был «шутком» [Переверзев, 1982, с. 234; Чирков, 1967, с. 32; Кирпотин, 1960, с. 530–531].

Однако нельзя забывать, что почитание Фомы «женской половиной» дома началось еще у генерала Крахоткина. Один из немногих исследователей, обращавших внимание на начало «владычества» Фомы над умами и сердцами «женской половины» генеральского дома, В.Я. Кирпотин объясняет его «сплетнями, игрой на суевериях и невежестве» [Кирпотин, 1960, с. 529]. По мысли исследователя, сама атмосфера усадьбы Ростанева будто бы располагала к тому, чтобы Фома установил свою власть над его семейством: «Обитатели села Степанчикова как бы предназначены были для того, чтобы поклониться первому же умелому проходимцу, чтобы трепетно выслушать первое же властное слово как слово хозяина и владыки. Они, как дети, нуждались в няньке, они находились как бы в ожидании, кому вручить свои сердца и души. Атмосфера усадьбы Ростанева благоприятствовала вере в странников, кликуш, юродивых как провозвестников воли Божией. Достаточно было кому-нибудь взять в руки пруттик, чтобы

они доверились ему как пастырю. Им нужно было слушаться, им нужен был поводырь, “пророк” – и “пророк” явился им в лице Фомы Фомича Опискина» [Кирпотин, 1960, с. 527].

Отклик на фигуру Ивана Яковлевича Корейши вводится в повествование именно при описании положения Фомы в доме генерала Крахоткина: «Генеральша питала к нему какое-то мистическое уважение, – за что? неизвестно. Мало-помалу он достиг над всей женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияния различных Иван-Яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями, из любительниц. Он читал вслух душеспасительные книги, толковал с красноречивыми слезами о разных христианских добродетелях; рассказывал свою жизнь и подвиги; ходил к обедне и даже к заутрене, отчасти предсказывал будущее; особенно хорошо умел толковать сны и мастерски осуждал ближнего» [Достоевский, т. III, с. 8].

Упоминание Достоевским Ивана Яковлевича и употребление его имени как нарицательного могут помочь в разъяснении феномена власти тирана-приживальщика. Иван Яковлевич Корейша (по некоторым источникам – Корейш (1780–1861) [Киреев, 1898]), широко почитаемый в народе как «пророк» и «блаженный», в течение 44 лет находился на лечении в Московской Преображенской психиатрической больнице, и многие, в особенности представители купеческой среды, ходили к нему «за советом» в житейских делах. О том, что Корейша – тип лжеюродивого, а не настоящего юродивого, сознательно взявшего на себя этот подвиг, говорит уже тот факт из его биографии, который даже его почитатели не обходят стороной и интерпретируют в положительном смысле: это требование Корейши, еще в бытность его в Смоленске, чтобы «посетители являлись к нему не иначе как вползая на коленях» [Баженов, 1909, с. 72]. Если юродивые Христа ради брали на себя подвиг юродства ради смирения гордости, то требование вползать на коленях явно говорит об обратном. Корейша почувствовал свою власть и постепенно стал ею беспрепятственно пользоваться. В больнице же, как следует из воспоминаний современников, он уже окончательно «вошел во вкус». Посещение Корейши почитателями,

постоянная толпа в больнице посторонних лиц, которые не только слушали его «пророчества», но и постоянно приносили ему еду, которую он смешивал, ел руками и «кормил» ею гостей, конечно, вызывало тревогу врачей, однако это был чуть ли не единственный источник дохода для больницы¹.

Черты Ивана Яковлевича Корейши, действительно, можно проследить и в образе Фомы, который, пользуясь страстью ко всему «таинственному» и «мистическому», уже в доме генерала начинает демонстрировать свою «особенную» религиозность, толкует сны, предсказывает будущее. Фома знает эту, в особенности дамскую, страсть к мистическому, ко всякого рода толкованиям и прорицаниям и ловко пользуется суеверием и невежеством «женской половины» генеральского дома, чем завоевывает себе авторитет.

Феномен почитания душевнобольных и окружения их «мистическим ореолом» был отражен в публицистике и в социологических исследованиях. Первым, кто решился развенчать культ Ивана Яковлевича Корейши, был И.Г. Прыжов, впоследствии ставший прототипом Толкаченко в «Бесах». Безусловно, его участие в деле Нечаева сильно подпортило его репутацию, в связи с чем многие исследователи до сих пор ставят под сомнение его работу².

¹ Н.Н. Баженов, доктор медицины и главный врач Преображенской больницы, в своей работе, посвященной ее истории, рассказывает о Корейше, опираясь на воспоминания своих коллег. В том числе, он отмечает, что разрешение пускать к Корейше посетителей было в некоторой степени вынужденной мерой: «В оправдание администрации больницы того времени нужно сказать, что, во-первых, и ее смущал наплыв посторонних любопытствующих лиц в больницу, и что доктор Саблер еще в 30-х гг. старался ограничить это и даже завел для посещения учреждения входные билеты; во-вторых, пребывание здесь Ивана Яковлевича было источником некоторого благосостояния больницы: из кружки, в которую каждый посетитель обязан был опустить 20 копеек, судя по отчетам, ежемесячно вынималось около 200 рублей. <...> Доктор Дюбулен, рассказывавший мне свои впечатления от посещения Преображенской больницы в 1856 г., передает слова доктора Саблера: “мы очень бедны, если бы не Иван Яковлевич”, не знаю, как бы мы сводили концы с концами» [Баженов, 1909, с. 76–77].

² Напр.: Мельник В.И. [Мельник, 2004]. Впрочем, следует отметить, что М.С. Альтман, изучавший биографию Прыжова и посвятивший ему отдельную книгу, высказывает вполне обоснованное предположение о том, что Прыжов хотел выйти из организации Нечаева и, более того, Нечаевым было совершено покушение на убийство Прыжова [Альтман, 1932, с. 79].

Однако образ лжепророка, его деструктивное влияние на общество, создание ажиотажа вокруг больного человека в книге Прыжова показаны как нельзя более убедительно. Предсказания Ивана Яковлевича, расплывчатые и «таинственные», которые нужно было еще «разгадать», «сбывались» с завидным постоянством, и всё, с ним связанное, наделялось сакральным смыслом и мистифицировалось: «Записочки Ивана Яковлевича носят на кресте; они исцеляют от зубной боли...» [Прыжов, 1864, с. 8]. «Странности» юродивого выходили далеко за грани приличия: видимо, понимая, что ему, как «дурачку», все прощительно, а значит, и все позволено, он «не терялся»: «девушек сажает к себе на колени и вертит их; пожилых женщин он обливает и обмазывает разными мерзостями, заворачивает им платье, дерется и ругается» [Прыжов, 1864, с. 9]. Как бы вскользь Прыжов высказывает банальную, казалось бы, мысль о том, что на сознание больного человека, окруженного целой толпой поклонников, разрушительное влияние оказывало обычное пьянство: «За обедом и ужином не запрещена Ивану Яковлевичу водочка» [Прыжов, 1864, с. 12]. Так же и в романе Достоевского рассказчик Сергей как бы «между делом» заявляет о пьянстве Фомы, когда после его чудачеств за столом вдруг находит объяснение происходящему: «Да он пьян» [Достоевский, т. III, с. 76]. Однако пьянство Фомы видно только трезвомыслящему Сергею (невдомек, в силу юного возраста, даже Саше, пытавшейся поднять бунт), а все остальные настолько очарованы Фомой, что будто сами находятся в измененном состоянии сознания, в силу чего не замечают опьянения своего кумира. Слова Сергея прозвучали фактически как «А король-то голый». Этого разоблачения «Фома не мог вынести <...> взвизгнул, как будто его начали резать, и бросился вон» [Достоевский, т. III, с. 76].

Примечательно, что свт. Игнатий Брянчанинов, духовную и мировоззренческую близость которого с Достоевским отмечали многие исследователи [Украинский, 1989; Беловолов (Украинский), 1991; Живолупова, 1993], высказывал предположение об одержимости Корейши злыми духами [Брянчанинов Игнатий, свт.]. Не подвергал сомнению книгу Прыжова и призывал к трезвому отношению к подвигу юродства

и священник Иоанн Ковалевский, автор известной работы о подвиге юродства, впоследствии – при советской власти – пострадавший за исповедание Христа [Ковалевский, 2013].

Нередко в исследовательской литературе о «Селе Степанчикове...» указывалось на квазирелигиозное почитание Фомы Опискина, природа его власти рассматривалась как культовая. Так, Н.И. Якушин в середине XX века уже сравнивал его образ с фигурой культового лидера: «В подобных людях фанатизм, искренняя вера в свою исключительность часто сочетались с трезвым расчетом и хитростью. Они каким-то внутренним чутьем угадывали обстановку и настроение окружающих и в соответствии с этим вели себя, подчиняя нередко своему влиянию суеверных, темных людей. Из породы ничтожных, чванливых людей вышел и Фома. Из этой же среды в свое время выходили всякого рода прорицатели, “святые” старцы, личности вроде Распутина и т. д.» [Якушин, 1960, с. 184]. Исследователь справедливо отмечает, что природа такой власти «здравомыслящему человеку» непонятна, но Достоевского, как большого художника, не мог не заинтересовать этот феномен, когда «подчас самые ничтожные люди <...> вдруг оказывались в центре внимания, становились вершителями многих судеб, облакались неограниченной властью» [Якушин, 1960, с. 184]. В конце XX века тему «культа» Фомы продолжила Л.М. Лотман, назвав его «самозванным пророком» [Лотман, 1987, с. 161]. Новый взгляд в осмыслении темы религиозной (точнее, квазирелигиозной) власти Фомы предложил Е.А. Трофимов. Эпизод с «претензией» Фомы на празднование именин в Ильин день ученый рассматривает как попытку «узурпировать слово пророческое и праведное...» и приходит к выводу о том, что Фома наделен характерными чертами «лжепророка», «идола», «кумира», «обольстителя», и возводит его к образу антихриста: «...в его образе выражены черты прелестника, которому поклонятся люди в последние времена» [Трофимов, 2000, с. 26, 28].

Наиболее полно проблему «культа» Фомы осмысляет современный ученый Е.Г. Постникова, справедливо отмечая, что в этой повести Достоевский рассматривает «феномен “харизмы власти”, психологии харизматического лидера, тайны психологического превосходства и подчинения» [здесь

и ниже: Постникова, 2016, с. 123, 126, 128, 125, 134]. Харизму Фомы Постникова называет «искусственной», «неистинной», выделяя целый ряд «символов власти», с помощью которых закрепляется «особая роль Властителя, которую играет Фома в своем кругу». Под этими «символами» ученый предлагает понимать «не только некие материальные предметы (знаки), но и модели поведения, маркирующие место, занимаемое индивидом в общественной иерархии», – например почтительное молчание, когда говорит Фома, напряженное ожидание окружающими его прихода и т. д. Исследовательница изучает также символические роли «царя», «отца» и «духовного лица», в которых для утверждения своей власти выступает Фома. Важным признаком этой власти Фомы является его претензия на «управление временем» (когда он повелел не быть на неделе четвергу, а быть вместо четверга второй среде), притом он «не только меняет местами дни недели, но посягает и на церковный календарь, по своей прихоти празднуя свои именины в день святого Илии (Ильин день)». «Инtronизация» Фомы, по мысли ученого, носит «магический» характер и происходит в главе «Ваше превосходительство», когда Фома добивается-таки от дяди этого обращения в свой адрес: «В момент, когда “дядя” называет Фому “превосходительством”, именем “высшей” власти, тот ею и становится». Притом эта «шутовская» власть оказалась настолько прочной, что сохраняется и после смерти Фомы, когда дядя и Настенька с почтением ходят на его могилу. «Архетипический сюжет воцарения и разоблачения карнавального царя-шута», по мысли исследовательницы, выводит «на более важную для русской истории и русской литературы тему самозванства». Фактически Е.Г. Постникова, не называя само явление, указывает на характерные признаки культовой организации, секты: абсолютная власть «гуру»; его абсурдные распоряжения, которые никто не смеет оспаривать, считая, что в них заключен непостижимый для других «высший смысл»; зачастую «свой», отличающийся от общепринятого, календарь.

Обоснование такого феномена власти выходит за рамки литературоведческой науки и позволяет говорить о «предвидении» писателем признаков культовой зависимости, точнее о предвестии тех открытий, которые будут сделаны спустя более чем столетие психологами, социологами

и религиоведами, изучавшими феномен культовых групп и явление культовой зависимости (аддикции). Феномен секты, ограниченной «семейным кругом» (по аналогии с «Тартюфом» Мольера, с которым нередко сравнивали «Село Степанчиково...»), в наши дни идентифицируется исследователями как «малый персональный культ» [Хассен]: для классификации группы, изображенной в «Селе Степанчикове...», это определение идеально бы подошло.

Современные исследователи культовых групп и феномена формирования культовой зависимости сходятся в том, что «необходимым» этапом вовлечения в секту является «отказ от прошлого»: «человек должен признать сплошной ошибкой всё, что было до того, как он попал в секту. Всё, что он считал белым, на самом деле было черным, всё, что он считал хорошим, на самом деле плохое. Он неотвратно шел к гибели, и никакой надежды на спасение не было» [Дворкин, 2012, с. 79]. Цель лидера секты состоит в том, чтобы внушить человеку, что всё его прошлое – «беспросветный мрак» [Дворкин, 2012, с. 79]. Очевидно, что, когда эта цель достигнута, участник секты становится более уязвимым и внушаемым. «Для того, чтобы подготовить личность к радикальным переменам, ее нужно сперва основательно перетрясти, – замечает американский исследователь культов С. Хассен. – <...> Опрокидывание привычного взгляда на реальность разрушает естественные защитные механизмы человека против концепций, которые бросают вызов этой реальности» [Хассен, 2006, с. 106]. Фома как раз и занимается такой «перетряской» и «опрокидыванием привычного взгляда на реальность» Ростанева: «Прежде кто вы были? – говорит, например, вечером Фома, развалясь после сытного обеда в покойном кресле, причем слуга, стоя за креслом, должен был отмахивать от него свежей липовой веткой мух. – На кого похожи вы были до меня? А теперь я заронил в вас искру небесного огня или нет? Отвечайте: заронил я в вас искру или нет?» [Достоевский, т. III, с. 16]. Именно поэтому Фома так обеспокоен приездом племянника Сергея и ожиданием дядиногo друга Коровкина: возобновление Ростаневым старых связей и привязанностей может ослабить его, Фому, влияние.

Фома заставляет полковника поверить в свое ничтожество, отыскав в себе множество пороков. Настойчиво повторяемое по отношению к Ростаневу словосочетание «мрачный эгоист»

вносит в произведение яркий комический эффект, потому что ни то ни другое абсолютно не соответствует действительности. Ростанев как любящий сын заботится о своей «маменьке», несмотря на ее тиранство; мужественно выносит нападки девицы Перепелицыной и содержит целый «штаб» маменькиных «приживалок, мосек, шпицев, китайских кошек и проч.» [Достоевский, т. III, с. 6]. Даже находясь под властью Фомы и живя в психологической от него зависимости, он сохраняет позитивное отношение к жизни, поэтому ни эгоистом, ни мрачным его назвать никак нельзя.

Впрочем, на протяжении всего произведения полковник убеждает себя в том, что он «мрачный эгоист», и постоянно испытывает чувство вины, насаждаемое и культивируемое Фомой: «Оно, конечно, я виноват. Я, братец, еще не знаю, чем я именно провинился, но уж, конечно, я виноват»; «Я, братец, сам виноват, – говорит он, бывало, кому-нибудь из своих собеседников, – во всем виноват <...> он меня, напротив, одолжает тем, что живет у меня, а не я его!»; «Я, может быть, и виноват перед тобою и даже, может быть, очень виноват»; «на меня теперь сердится, да я сам виноват... знаю, что виноват» (о матери-генеральше); «О, как я виноват пред всеми! Я и перед тобой виноват...» [Достоевский, т. III, с. 11, 14–15, 36, 38, 160]. Показательно, что и женившись на Настеньке, Ростанев не перестал считать себя «мрачным эгоистом» [Достоевский, т. III, с. 160], и здесь можно сделать печальный вывод о том, что даже счастливая семейная жизнь не является «гарантом» свободы от культовой зависимости.

Чувство вины перед группой, перед «учителем» является обязательным для члена секты, и культовый лидер намеренно его формирует. Чем больше человек чувствует себя «ничтожным» и «виноватым», тем больше поручений ему может дать «гуру», чтобы он, как бы «в наказание» и чтобы загладить свою «вину», их выполнил. «Членам секты приходится жить в узком коридоре страха, вины и стыда, – отмечает С. Хассен. – Все проблемы объявляются результатом ошибок члена группы, слабости его веры, недостатка его понимания, его плохой наследственности, одержимости злыми духами и т. д. Член секты постоянно ощущает вину за несоответствие неким стандартам. Он верит, что грех “охотится” за ним» [Хассен, 2006, с. 127–128].

Выделяют общие причины, ведущие к почитанию лидеров сект и подчинению им, а также к созданию своего рода культа душевнобольных, выдаваемых в народе за «пророков» и «прорицателей». Это активно распространяемые, большей частью в простонародной среде, хотя и проникающие в высшее общество суеверия, «мистические» настроения, поиск во всех явлениях бытия «знаков судьбы» и т. д. В современных религиоведческих исследованиях среду распространения таких мистических настроений называют «оккультной» (или «культовой») «средой общества», в которой находятся люди с высоким риском попадания в секты (обращающиеся к гадалкам и экстрасенсам, составляющие гороскопы, увлекающиеся эзотерикой и т. д.) [Дворкин, 2012, с. 52; Мартинович, 2018, с. 92–93].

Такая же «оккультная среда общества» на полтора столетия ранее изображена в «Селе Степанчикове...», несмотря на внешние православные формы: празднование именин, поездки на богомолье в монастырь и т. д. «Толкование снов» и прорицания Фомы никоим образом не вписываются в христианскую картину мира, и потому исследователи совершенно справедливо неоднократно называли его «самозванным пророком». Личность Фомы окружена и посмертным почитанием: в имении уже сформировался его культ, который сохраняется и после его смерти, культовым почитанием окружены и материальные предметы, к которым он прикасался: «вещи его сберегаются как драгоценность» [Достоевский, т. III, с. 165]. Культ лжепророка, как показывает Достоевский, не заканчивается с его смертью: некоторое (хотя и непродолжительное, в отличие от настоящих святых) время сохраняется и посмертное почитание. Так и после смерти Ивана Яковлевича Корейши особенно ревностные почитательницы, пришедшие с ним проститься, не дали обмыть его тело, обмыли сами и воду выпили (! – Т. К.) [Прыжов, 1864, с. 32]. Его похороны, сопровождаемые языческими суеверными ритуалами наряду с христианскими молитвами, нашли отражение в «Очерках Москвы» А.С. Ушакова: «от усердия некоторые дамы покойника беспрестанно обкладывали ватой и брали ее назад с чувством благоговения; вату эту даже продавали; <...> некоторые изуверы <...> отгрызали даже щепки от гроба» [Скавронский (Ушаков), 1862, с. 211–212].

Гениальной интуицией художника Достоевский открывает абсолютно новую проблему человеческих взаимоотношений,

не объясняемую ни социальными, ни экономическими причинами. Суеверие, напряженный поиск «чудес», толкование снов и т. д. делает людей более внушаемыми и ведет к возведению в культ лжепророков, религиозных аферистов или просто душевнобольных людей.

Итак, отсылка к лжеуродливому Ивану Яковлевичу Корейше в «Селе Степанчикове и его обитателях» помогает разъяснить феномен почитания «шута» и приживальщика, который впоследствии получил название «культ психических больных». Здесь фактически изображен весь абсурд культовой зависимости, ничтожность личности лидера культа; это образ «гуру» как «голового короля». Не может защитить от культовой зависимости даже счастливая семейная жизнь (семейное счастье Ростанева и Настеньки). «Жертвой» культовой зависимости может стать кто угодно: ни богатство, ни бедность, ни счастье, ни несчастье, ни наличие или отсутствие семьи от этого «не застраховывают». На отношения «культовой зависимости» влияет, в первую очередь, магическое мышление и суеверие, дающие почву для появления самозванных «пророков» типа Корейши.

Второй образ лжеуродливого, отраженный Достоевским, в котором черты Ивана Яковлевича Корейши прослеживаются еще более явственно, – это «блаженный», «пророчествующий» Семен Яковлевич в романе «Бесы». Имя Ивана Яковлевича присутствует в подготовительных материалах к роману: «Ив<ан> Яковлевич: “Кололацы”. “У него откровенные кололацы, а у вас те же кололацы, но вы думаете, что величайшая мудрость”. Нечаев [Верховенский – Т.К.] думает, что Ив<ан> Яковлевич подкуплен. Милоков [Липутин – Т.К.] уверяет его, что это просто дурак. Нечаев задумывает: “Жаль! На его месте при таком влиянии можно много сделать”. (И думает его обратить)» [Достоевский, т. XI, с. 235].

От замысла сделать Ивана Яковлевича «агентом» Верховенского Достоевский отказывается, однако показательно уже само наличие такой идеи. Петруша Верховенский, видимо, мог воспользоваться в своих целях жадностью народа до различных «чудес».

«Кололацы» – известное словечко Корейши, воспринятое народом и ставшее синонимом «бессмыслицы». (Однажды на вопрос своей посетительницы «женится ли X» тот ответил:

«Без працы не бенды кололацы» [Прыжов, 1864, с. 17]. Ответ понравился, и над значением слова «кололацы» почитатели лжеюродивого долго ломали головы.) После выхода книги Прыжова «Двадцать шесть московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков» словечко было подхвачено журналистами и вошло в речевой оборот.

В подготовительных материалах к «Бесам» «кололацами» (то есть «ерундой», «бессмыслицей») называлась и революционная деятельность «пятерки» Верховенского: «...Так Вы думаете, что общее дело все равно что кололацы? – Я думаю, что в том виде, в котором оно представляется, – кололацы» [Достоевский, т. XI, с. 236]. «Шутовские манипуляции юродствующего Семена Яковлевича, – отмечает по поводу этой записи Л.И. Сараскина, – поставлены на одну доску с мошенничеством Петра Верховенского и являют собой лжедеятельность, лжепророчества» [здесь и ниже: Сараскина, 1984, с. 160]. Исследовательница называет «юродство» Семена Яковлевича «профессиональным» (то есть связанным с извлечением дохода): оно, по ее наблюдению, «дискредитировано в романе, с него снят покров мистической тайны, чудесного ясновидения, а сам юродивый изображен в высшей степени нелицеприятно».

По аналогии с «кололацы» Достоевский подбирает иные «словечки», достойные лексикона «пророчествующего»: «“Голохвосты”. / “Гоговахи, гоговахи”. / “Миловзоры! Миловзоры!” / “Новодумы, новодумы”. “Пологруды, пологруды”» [Достоевский, т. XI, с. 235–236]. Словечко «миловзоры», на котором писатель останавливается, на самом деле не просто замена «кололацам». Вначале это словечко Семен Яковлевич употребляет, казалось бы, беспричинно: «“Миловзоры! Миловзоры!” – изволил он выговорить сиплым баском и с легким восклицанием» [Достоевский, т. X, с. 257]. Во второй раз Семен Яковлевич свои «миловзоры» в сочетании с «елей» обращает к Лизе, когда та бежит поднимать Маврикия Николаевича, ставшего на колени перед Семеном Яковлевичем по ее же приказу: «Вставайте, вставайте! – вскрикивала она как без памяти, – встаньте сейчас, сейчас! Как вы смели стать!» [Достоевский, т. X, с. 260]. Конечно, такая картина должна была произвести впечатление даже на душевнобольного, поэтому «миловзоры» звучит явно как «комплимент» Лизе. Судя

по описанию И.Г. Прыжова, и Корейша, будучи фактически невменяемым, тем не менее отличал среди посетителей хорошеньких женщин и, пользуясь своим положением «дурачка», позволял всякие вольности, невозможные в обществе для человека здравомыслящего [Прыжов, 1864, с. 9, 14].

Петруша Верховенский неспроста тоже участвовал в поездке к Семену Яковлевичу: он за всем наблюдает и везде ищет выгоды, а не развлечения. Возможно, именно популярность таких лжепророков в обществе (либо просто больных людей, которых другие использовали в своих целях) приводит его к мысли о том, что «общее дело», революционную идею можно мистифицировать: «Мы пустим легенду получше, чем у скопцов» [Достоевский, т. X, с. 325]. Согласно его замыслу, в этой легенде Ставрогину уготована главная роль самозванца Ивана-царевича, который «скрывается» до поры, но «он явится, явится» [Достоевский, т. X, с. 325]. Так, образ лжеюродивого Семена Яковлевича соотносится с идеей Петра Верховенского «орелигиозить» революционное движение.

Итак, образ лжеюродивого у Достоевского, имеющий комическую окраску и соотносимый с Иваном Яковлевичем Корейшей, представлен в разных облициях. Если лжеюродивый сознательно «разыгрывает» свою роль (Фома Опискин), то, пользуясь склонностью к разного рода суевериям и овладев несколькими манипулятивными приемами, он способен подчинить себе людей и создать своего рода квазирелигиозный культ. Однако есть и иной тип лжеюродивых – душевнобольных, которых иные лица использовали «втемную». Таков образ Семена Яковлевича, бессвязные речи которого можно истолковать как угодно. Первоначальный замысел автора сделать лжеюродивого «агентом» Верховенского говорит о том, что суеверия и почитание лжепророков могут оказаться разрушительными и губительными не только для личности, но и для всего общества.

Проблема народного почитания лжеюродивых и создания вокруг них своего рода культов привлекала внимание и И.С. Тургенева. Так, в повести «Странная история» автор создал образ «гипнотизера» Василия, почитаемого в губернском городе Т. за юродивого, которого исследователи нередко причисляли к хлыстовщине.

«Искусство» Василия – «показывать» посетителям силуэты

их умерших родственников – не пользовалось бы спросом и популярностью, если бы не было подпитываемо своего рода «рекламной кампанией», организованной трактирным слугой Ардалионом и старухой Мастридией Карповной, называющей себя матерью Василия. Как и Иван Яковлевич Корейша, Василий пользуется популярностью больше всего у лиц купеческого сословия: Ардалион дважды сообщает, что «большое от купечества к ним [Василию – Т.К.] уважение»; «от купечества к ним – ба-альшее уважение!» [Тургенев, т. X, с. 165, 173].

Интересно, что, соглашаясь на сеанс гипноза, рассказчик заранее понимает, что будет обманут: «Я не сомневался в том, что меня собирались одурачить, но каким образом? вот что возбуждало мое любопытство» [Тургенев, т. X, с. 169]. Продав Василия довольно значительное время, рассказчик уже начинает сомневаться, придет ли он вообще (может быть, он заплатил деньги впустую): «этаким образом быть одураченным не входило в мои расчеты» [Тургенев, т. X, с. 170]. При этом деньги, которые он платит за вовлечение в эту игру и которые не являются для него значительной суммой, он готов потерять, с тем только, чтобы развлечь свою скуку и скоротать время в поездке. Но если для рассказчика обман, основанный на религиозном чувстве, – игра, то для героини повести, Софи, вера в «чудеса» Василия стоила ей жизни.

Василия, гипнотизера, а впоследствии странника, с которым сбежала из дома Софи, искавшая «учителя», можно сравнить и с реальным лжеюродивым Корейшей, и с литературным образом Семена Яковлевича в «Бесах», чьи бессвязные речи воспринимались посетителями как «пророчества». Исследователи М.В. Антонова и Е.М. Конышев подчеркивают радикальное отличие Василия от настоящих юродивых Христа ради: «Важной чертой юродства ради Христа является сознательный отказ от материальных ценностей и странничество. Это правило применимо к Касьяну [герою рассказа Тургенева «Касьян с Красивой мечи» – Т.К.], но Василий очевидно больной человек, его разум неполноценен, поэтому осознанность его выбора стоит под вопросом» [здесь и ниже см.: Антонова, Конышев, 2019, с. 57, 61]. Более того, ученые считают, что именно Софи «создает идеал учителя в своем сознании и переносит его на Василия,

который оказался отчасти заложником ситуации». В принципе, такое понимание опущенных в сюжете повести событий вполне возможно: вначале душевнобольного «использует» Матридия Карповна, называющая его своим «духовным» сыном, — для извлечения дохода из его «представлений», а затем, поверив в его «богоугодность», Софи уводит его от Матридии Карповны и пускается с ним в странствие. Нельзя также отрицать, что инициатива ухода в странствие могла исходить все же от самого Василия, а Софи, жаждущая «найти учителя», последовала за ним.

Н.Л. Бродский высказывал мысль о том, что Василий мог принадлежать к хлыстовству: «мещанка называет его божием человеком — хлысты всегда называли себя этим именем»; «Матридия называет Василия своим сыном “по духу”»: на языке хлыстов выражение “родился духовно” обозначает обращение в секту “людей божиих”»¹. Так называемые «пророчества» Василия Бродский тоже считает одним из идентифицирующих признаков принадлежности к хлыстовщине: «...экстатическое возбуждение функций речи у наших сектантов выражается в форме пророчества <...> Прислушаемся к словам Василия и мы найдем, что и он обладал тем же даром: *“Помни день Покрова Богородицы”* (говорит он хозяйке постоянного двора). *“Будет тебе, будет много”*» [Бродский, 1922, с. 30].

Ученый указывает на утрату коммуникативного смысла речи как на характерный признак хлыстовских «пророчеств»: «Что касается содержания экстатических речей сектантов, то характерную особенность составляет их *непонятность*, впрочем, не смущавшая слушателей тех или иных прорицателей»; «мещанка-хозяйка и ахала от удивления, и украдкой крестилась под косынкой и, слушая слова юродивого, <...> лишь причитала: “Эх-ма, Степаныча нет, вот горе наше-то! Словцо какое спасительное скажет, а мне бабе и невдомек!”» [Бродский, 1922, с. 36].

Действительно, бессмысленность речей хлыстовских либо скопческих «пророков» отмечают практически все исследователи,

¹ У хлыстов выражение «родил духовно» означает «вовлек в секту». Во второй части повести Василий Софию-Акулину называет «дочкой», что также может служить намеком на некое «духовное» родство, которое возникло между ними, то есть обращение Софи в хлыстовщину. См. также: [Дехтевич, 2009, с. 88].

обращавшиеся к этой проблеме. Так, по наблюдению современника Тургенева и Достоевского, профессора Казанского университета И.М. Добротворского, изучавшего явление хлыстовщины, «пророк не заботится о верности своих мыслей, но старается только подбирать в словах однозвучия и рифмы», и, «если пророк говорит глупости, никто не смеет подумать, что это глупости, но стараются находить в его словах смысл, которого они не имеют» [Добротворский, 1869, с. 55, 56]. Так и хозяйка постоялого двора полагает, что это она, «баба», не может постичь «спасительных» речей бродяги, и не догадывается, что на самом деле в них и не было смысла. Впрочем, лишённые коммуникативного смысла речи, которые выдавались за «пророчества», имели и некоторые общие особенности, помимо выделенного стремления к рифмованной и ритмической речи. «Пророчества» хлыстов часто произносились будто бы от лица Бога: считалось, что в этот момент через «пророка» действует Святой Дух, а согласно хлыстовскому учению, Христос может воплощаться неограниченное количество раз, так что многие приверженцы этой секты называли себя «христами» и поэтому считали, что вправе «возвещать волю Божию». И.М. Добротворский приводит следующее «пророчество» одного из хлыстовских «христов»: «Скоро, скоро ожидайте, всю вселенну потрясу, а вас, мои избранные, до седьмого неба донесу. Молитесь только больше св. Духу, чтоб пожить в чистоте от пророческого слуху. Плотям своим не угождайте, собор чаще посещайте. А я сам спаситель вами дорожу, и весною много хлебушка порожу. Знайте вы прямую в тайный собор дорогу, вы не бойтесь явного острогу: я Бог вас защищу, до острога вас явного не допущу. Занимайтесь вы только тайным законом, а я свят Дух от мирских-то людей закрою покровом...» [Добротворский, 1869, с. 104]. Другой исследователь проблемы хлыстовщины, Н.И. Барсов, зафиксировал следующий пример «пророчества»: «...и я, дух святой, с вами невидимо пребывал, / Ваши душеньки в убор небесный убирал, / Все ступеньки ваши я сам, дух святой, считал, / За каждую ступень я сторицей заплачу, / А злого врага во гроб вколочу...» [Барсов, 1879, с. 99]. Пример имеет явное сходство с тем, что говорит Василий: «Древний змий! Но да воскреснет Бог! Да воскреснет Бог и расточатся врази его! Я всех мертвых

призову! На врага его пойду!...» [Тургенев, т. X, с. 180].

Особым почетом в хлыстовских общинах пользовались лица, страдающие «падучей болезнью», – она наделялась сакральным смыслом. Так, Матридия Карповна предупреждает рассказчика, что ее сын «в падучке». На падучую болезнь как на достаточное основание для почета в хлыстовских общинах указывает и П.И. Мельников-Печерский: «Пророки или кормщики весьма часто прикидываются юродивыми и нередко в самом деле оказываются страдающими черной немочью или падучей болезнью» [Мельников, т. VI, с. 287–288].

Впрочем, на первый взгляд, принадлежность Василия к какой-либо общине может вызвать сомнение, особенно во второй части произведения, когда Василий становится странником и его сопровождает Софи. Однако как раз этот сюжет и иллюстрирует «стихию русского сектантства»: в повести показан сам процесс зарождения и формирования секты. Вначале проходимцу безоговорочно верит одна экзальтированная барышня, затем он начинает «пророчествовать», и его популярность в народе растет. Так, этнограф А.С. Пругавин (из всех исследователей сект наиболее лояльный к «религиозным меньшинствам» и вообще отличавшийся крайней либеральностью) начинает одну из своих книг о хлыстовщине следующим наблюдением: «...в роли <...> пророков и проповедников мы встречаем разных юродивых, “блаженных” и старцев – простецов. И эти простецы и юродивые – темные, неграмотные, нередко косноязычные – помыкали знатными, гордыми боярынями, графинями и княжнами» [Пругавин, 1917, с. 8]. Это наблюдение как нельзя лучше отражает сюжетную линию «Странной истории».

Ряд исследователей указывает на то, что основатели сект поначалу были именно странниками, ходили и смущали народ своими экзотическими непонятными речами. В частности, именно такой путь появления хлыстовщины видит современный исследователь А.А. Панченко: «По своей социальной организации ранняя христовщина была полицентричной. Важно подчеркнуть, что движение мистического сектантства тесно связано с принципом харизматического “учительства”: исключительную роль в общине или группе играл лидер, считавшийся “христом” или “пророком” и окружавший себя учениками. Таких лидеров в ранней истории христовщины могло быть много<...> Судя по всему, первоначально они вели страннический образ жизни»

[Панченко, 2004, с. 125]. Тот же факт отмечают и исследователи – современники Тургенева: «Чтобы таинственные действия св. Духа сделать еще более непостижимыми, пророки людей божиих считают нужным казаться юродивыми, блаженными, к которым так благоговеет простой народ» [Добровотворский, 1869, с. 80]; «Сам Селиванов был каликой перехожим» [Щапов, 1906, с. 607].

Авторское отношение писателей, в т. ч. Тургенева, к исследуемой проблеме иллюстрируют в немалой степени и портреты героев. Так, например, невозможно говорить о святости героя, наделенного следующей портретной характеристикой: «Черты его мало изменились; только выражение их стало еще необычнее, еще страшнее. <...> Он сидел на лавочке под воротами и, упершись в нее обеими ладонями, раскачивал направо и налево понуренную голову, – ни дать и взять дикий зверь в клетке. Густые космы курчавых волос закрывали ему глаза и мотались из стороны в сторону так же, как и отвисшие губы. Странное, почти нечеловеческое бормотание вырывалось из них» [Тургенев, т. X, с. 181–183]. Духовное состояние этого «пророка» при помощи портретных черт показано совершенно явственно: он теряет даже человеческий облик, поэтому ни о каком «прозрении» им воли Божией не может идти и речи. Показательно также и сравнение Софи с «каменной статуей»: во время разговора с ней на балу, который рассказчик называет «квазибогословскими прениями», когда Софи выражает свое желание найти «учителя», чтобы «сломить свою волю», рассказчик замечает, что его слова «отскакивали от нее, как от каменной статуи» [Тургенев, т. X, с. 175].

Интересно, что у Тургенева, как и у Достоевского, можно заметить «предвестие» знаний о признаках культа, культовой зависимости, к которой приводит стремление «сотворить себе кумира». Феномен «каменной статуи» в поведении сектанта был выявлен лишь в наши дни современными исследователями. Такую особенность выделяет, в частности, С. Хассен: «Когда говорит Джон-сектант [имеется в виду собирательный образ – Т.К.], манерой речи он напоминает робота или магнитофонную запись предводителя секты. <...> Глаза его кажутся слушателям необычно холодными и как бы со стеклянным блеском, порой возникает впечатление, что он смотрит сквозь людей» [Хассен, 2006, с. 115]. У Тургенева рассказчик отмечает такую характерную портретную

особенность Софи, как «несколько странный, несколько даже дикий <...> взор» [Тургенев, т. X, с. 174], притом это описание непосредственно предшествует разговору Софи и рассказчика о Василии и о ее желании «сломить свою волю». Таким образом, нельзя согласиться с учеными, видящими в образе Софи «героическое», «жертвенное» начало, «подвиг самоотречения», «опору на библейские сюжеты» и т. д. [Головкин, 2015]. Неспроста после вопроса рассказчика о духовнике она презрительно отвечает: «вы, кажется, хотите смеяться надо мною?» [Тургенев, т. X, с. 176]. Безусловно, у Софи есть желание подвига, стремление к нему, но поиск «учителя», которому она «отдаст свою волю», альтернативной духовности вне церкви фактически приводит ее к гибели. «Альтернативная» духовность в повести, таким образом, показана как агрессивное антисоциальное явление, а не как «народное» / «внецерковное» христианство¹.

П.И. Мельников, в отличие от Достоевского и Тургенева, занимался изучением сект и раскола профессионально – будучи чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел. Вряд ли кто-либо из писателей, ученых, общественных деятелей середины – второй половины XIX века обладал более глубокими познаниями о религиозной жизни России, чем Мельников. Выйдя в отставку, взяв псевдоним Андрей Печерский, Мельников сделал предмет своего исследования объектом наблюдения художника. Образ лжеюродивого, душевнобольного, окруженного почитанием, подобно Ивану Яковлевичу Корейше, проживающего, правда, в монастыре, а не в больнице и за счет народного почитания приносящего монастырю хороший доход, показан во второй книге романа «На горах». Изображение «блаженного» Софрония (на самом деле тяжело больного, страдающего с детства эпилептическими припадками) позволяет увидеть масштаб исследуемой проблемы. Во-первых, как показывает Мельников-Печерский, и в православном монастыре с дозволения игумена не гнушались «пожертвованиями» почитателей Софрония. Бессвязные речи этого «дурачка» приравнивались к «пророчествам», которые приезжающие растолковывали по своему усмотрению и за возможность его послушать

¹ В таких терминах исследователи XX века, как, впрочем, и современные, нередко определяют хлыстовщину и иные секты [Власкин, 1994; Михнюкевич, 1994].

жертвовали обители крупные суммы денежных средств. Во-вторых, несчастного больного использовали и сектанты, также с дозволения игумена: Софрония для таких «пророчеств» специально привозили на хлыстовские собрания.

В отличие от других писателей, Мельников-Печерский рассказывает нехитрую биографию «блаженного» и предысторию его появления в монастыре: «С детства нападала на него черная немочь¹: по часу и по два бьется, бывало, бедный, лежа на земле без памяти, корчит его и коробит, руки-ноги сводит судорогами. Такой ребенок был миру тягота, ни в работники взять, ни в солдаты отдать, одна маята с ним. Целой волостью кучились мужики игумну принять убогенького в монастырь, он-де ни на что не годен, разве только что Богу молиться. Сложились мужики, поклонились и был взят в монастырь полоумный. Когда мальчуган подрос, увидали монастырские поповичи, что польза из него может быть. Обительский приемыш не был чуток к холоду – в трескучие морозы босиком бегал, в одной рубашонке, и вел нескладные речи. Вышел из него юродивый первого, самолучшего сорта. Хоть полоумных в монахи не постригают, но ради монастырской пользы его постригли и нарекли Софронием» [Мельников, т. V, с. 68].

Ироническое сочетание, найденное Мельниковым-Печерским для характеристики Софрония – «юродивый первого, самолучшего сорта», иллюстрирует авторское отношение к происходящему. Очевидно, что в глазах самого автора Софроний представляет собой тип лжеюродивого, или мнимо-юродивого. Изображение шумихи вокруг больного человека в деталях сходно с таким же почитанием Корейши: «расшифровка» почитателями его «знаков» по своему усмотрению и наделение всех его действий сакральным смыслом, а главное – извлечение третьими лицами из такого ажиотажа выгоды. После появления юродивого «самолучшего сорта» монастырь стал процветать: «С той поры приезжих богомольцев стало бывать помногу. Усердствующие с любовью и благоговением посещали блаженного Софронушку, а купчихи с дочерьми верст даже из-за двухсот и больше приезжали к нему за полезными словами и пророчествами. В купеческих семьях ни одной свадьбы не венчали без того, чтобы мать нареченную невесту не свозила прежде к блаженному узнать, какова будет судьба ее, не будет ли муж пьяница, жену не станет ли колотить, сударочек не заведет ли, а пуще всего

¹ Так в народе называли эпилепсию. – Т.К.

не разорится ли коим грехом. Разболеется ли кто из богатых, тоже к Софронушке узнать, к животу али к смерти болезнь приключилась. Ребенок родится – едут к юроду проведать, будет ли жить, будет ли умен да счастлив. Затекает купец новое дело, без того не начнет его, пока не спросит Софронушку насчет удачи. От окрестных деревенских баб блаженному не было отбоя, то и дело лезут, бывало, к нему с вопросами: бычком или телочкой отелится коровушка, огурцы да капуста хорошо ли уродятся, выгодно ль на базаре масло да сметану баба продаст. Софронушка когда коровой мычал, когда пел петухом, а иногда и человеческим языком бессмысленный вздор говорил. Но все это признавалось за пророчество, и жаждущие познания своей судьбы, подумавши меж собой, оставались уверенными, что они понимают и мычание, и “кукуреку”, и бессмысленные речи юрода. О будущем заключали даже по движениям Софронушки. Язык высунет – к худу, выберит кого, а лучше того если ударит – к счастью, свечку подаст либо деревянного масла – к покойнику, просвирку – к изобилию <...> войдет Софронушка в лавку – счастье, с пользой, значит, будут в ней торговать. А ежели возьмет что в лавке Софронушка, не то чтобы деньги с него спросить, накланяются еще досыта за такую милость <...> потому что если он хоть самую малость возьмет, значит, хозяин весь залежалый товар поскорости с барышом распродаст <...> Отец Израиль много доволен был, ежели просили у него на время Софронушку – не даром ведь. Хорошей доходной статьей был юрод для обители» [Мельников, т. V, с. 68–69].

Интересно, что «пророчества» бытового характера: об урожае, торговле и т. д. – иллюстрируют сходство Софронушки с хлыстовскими «пророками», к которым также шел народ с подобными бытовыми просьбами. Так, по наблюдению А.П. Щапова, ведущего происхождение хлыстов напрямую из язычества, хлыстовские «пророки» и «пророчицы» предсказывали урожай или неурожай, «удачи и неудачи разных промыслов» и т. д., ничем не отличаясь от деревенских колдунов. «Когда стал возникать раскол, – отмечал ученый, – волхвы и чародеи, шаманы и кудесники стали обращаться в пророков и расколуучителей» [Щапов, 1906, с. 600]. «Возникши в такой этнографической среде, среди крещеных и некрещеных, обруселых и полубруселых финских племен, – отмечает Щапов,

– секта людей божиих очень многое от них заимствовала. Та огромная масса русского православного народа, которая была не что иное, как давно обруселая чудь, меря, мордва <...>, в XVII и в XVIII веках далеко не вся отстала от старого финского шаманства. И вот вышедшие из этой массы или появившиеся среди ее книжные и учительные люди, вроде Данилы Филиппова, Суслова и Селиванова, внесли в основанную ими секту финский шаманизм, придав ему наружно-христианский вид пророчеств» [Щапов, 1906, с. 607–608]. Таким образом, ажиотаж вокруг проживающего в монастыре лжеюродивого, точнее просто больного человека, не имеет ничего общего с христианством и показан в романе как деструктивное явление, иллюстрирующее невежество простонародной, мещанской и купеческой среды.

Заключение

Изображение мнимо-юродивого, лжепророка, в творчестве Достоевского, Тургенева и Мельникова-Печерского имеет общие черты. Все три писателя делают акцент на том, что погоня за чудесами и альтернативной «духовностью» может повлечь за собой трагические последствия. Наделение душевнобольных сакральными свойствами служит для извлечения выгоды третьими лицами; это явление, впоследствии получившее название «культ психических больных», осмысливается как социальная проблема, как абсурдное общественное явление. Показательно, что философско-интуитивные художественные прозрения русских классиков совпадают с выводами ученых – историков, этнографов, богословов – во взглядах на сектантство как псевдодуховность и как силу, поработящую личность, а создание культа душевнобольных основано на суеверии и магическом мышлении, которое может быть свойственно не только «темным», необразованным людям, но и представителям дворянского общества.

Источники

Брянчанинов Игнатий, свт. О отшельнической жизни // Приношение современному монашеству. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/ignatiy_br/tom_5/txt12.html

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. Л.: Наука, 1972–1990.

Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: в 6 тт. М.: Правда, 1963.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 тт. М.; Л.: Наука, 1960–1968.

Словари, энциклопедии

Юродство и кто такие юродивые – православная энциклопедия «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/yurodstvo>

Энциклопедический словарь: в 86 тт. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефронъ. С.-Петербургъ: Лито-типография И.А. Ефрона, 1890–1907. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/121/index.htm>

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Репр. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: ТЕРРА, 2000.

Литература

Антонова М.В., Конышев Е.М. «Странная история» И.С. Тургенева: святое и грешное // Ученые записки Орловского гос. ун-та. 2019. № 3. С. 57–62.

Альтман М.С. Иван Гаврилович Прыжов. М.: изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. 176 с.

Баженов Н.Н. История Московского Доллгауза, ныне Московской городской Преображенской больницы для душевнобольных. Глава из истории медицины и культурно-бытовой истории Москвы. М.: Московское городское общественное управление, 1909. 191 с.

Барсов Н.И. Русский народный мистицизм (хлыстовщина) // Исторические, критические и полемические опыты Николая Барсова. СПб.: тип. Департамента Уделов, 1879. С. 71–113.

Беловолов (Украинский) Г.В. Старец Зосима и епископ Игнатий Брянчанинов // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 9. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1991. С. 167–178.

Бродский Н.Л. Тургенев и русские сектанты. М.: Никитинские субботники, 1922. 48 с.

Ветловская В.Е. Житийные источники гоголевской «Шинели» // Русская литература. 1999. № 1. С. 18–35.

Власкин А.П. Творчество Ф.М. Достоевского и народная религиозная культура. Челябинск: ЧГУ; Магнитогорск: МГПИ, 1994. 204 с.

Гаричева Е.А. Феномен преображения в русской художественной словесности XVI–XX веков: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 456 с.

Головкин В.М. Библейский контекст мотива самоотвержения в сюжете «Странной истории» И.С. Тургенева // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 368–386.

Гродецкий А.Г. Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб.: Наука, 2000. 262 с.

Громова А.В. Жанровая система творчества Б.К. Зайцева: литературно-критические и художественно-документальные произведения: дисс. ... д-ра филол. наук: Орел, 2009. 522 с.

Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования. 3-е изд. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2012. 813 с.

Дехтевич О.И. Хлыстовское движение в России во второй половине XIX – начале XX века: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 200 с.

Добротворский И.М. Люди божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Исследование профессора Казанского университета И. Добротворского. Казань: Университетская тип., 1869. 200 с.

Дорофеева Л.Г. Иконичность образа Горкина в романе И. Шмелева «Лето Господне» // Икона в русской словесности и культуре: сб. ст. М.: Паломник, 2012. С. 565–578.

Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004. 560 с.

Живолупова Н.В. Антиномия духовного и телесного в художественном сознании русских писателей. Достоевский и И. Брянчанинов. Проблема смерти // Второй Петербургский симпозиум историков русской философии «Русская философия: новые решения старых проблем»: Тезисы докладов. Ч. 1. СПб.: СПбГУ, 1993. С. 93–95.

Карпачева Т.С. Житие Татьяны Петербургской (агиографический канон и биография Татьяны Лариной) // История русской литературы: современность классики: сб. к юбилею С.А. Джанумова. М.: Книгодел, МГПУ, 2017. С. 39–55.

Карпачева Т.С. Поэтика образа Василия Ордынова (Ф.М. Достоевский «Хозяйка»). Агиографическая традиция // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое

образование». 2024. № 3 (55). С. 48–61.

Киреев А.Ф. Юродивый Иван Яковлевич Корейш. 2-е изд., доп. М.: тип. И.Я. Полякова. 1898. 96 с.

Кирпотин В.Я. Ф.М. Достоевский. Творческий путь (1821–1859). М.: ГИХЛ, 1960. 607 с.

Косых Г.А. Праведность и праведники в творчестве Н.С. Лескова 1870-х годов: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 224 с.

Климова М.Н. К изучению житийной традиции в русской литературе XIX–XX веков // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 4 (82). 2009. С. 156–161.

Клочан А.Н. Феномен юродства в литературе XIX века // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 7. С. 69–72.

Ковалевский И.А., свящ. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви: Исторический очерк и жития сих подвижников благочестия. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 256 с.

Копшицер И.З. О психическом заболевании И.Я. Корейши // Наука и религия. 1973. № 8. С. 50–51.

Кубасов А.В. Житийная повесть Б.К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» в зеркале житийной иконы // Икона и словесность – русское зарубежье: сб. ст. по материалам Международной научной конференции «Икона в русской словесности и культуре. Русское Зарубежье» в Доме Русского Зарубежья им. А. Солженицына. 24–26 января 2013 г. М., 2016. С. 170–182. URL: <https://www.domrz.ru/upload/iblock/f69/f69c51f77d33bc7a1e867c2bdd4bb28b.pdf>

Лотман Л.М. «Село Степанчиково» Достоевского в контексте литературы второй половины XIX века // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 7. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1987. С. 152–165.

Мартинovich В.А. Сектанство: возникновение и миграция. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1. М.: Познание, 2018. 552 с.

Мельник В.И. Блаженный Иоанн Корейша в русской литературе: художественный образ и духоносная личность // Духовный собеседник. 2004. № 4 (40). Самара: Самарский Дом печати. С. 136–152.

Михнюкевич В.А. Русский фольклор в художественной системе

Ф.М. Достоевского. Челябинск: ЧГУ, 1994. 320 с.

Натарзан Е.В. Житийные мотивы в творчестве Достоевского: дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2000. 190 с.

Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. 2-е изд. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2004. 541 с.

Переверзев В.Ф. Гоголь. Достоевский: Исследования. М.: Советский писатель, 1982. 512 с.

Постникова Е.Г. Феномен «харизмы власти» в повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. Т. 1 (1). С. 123–138.

Пругавин А.С. Бунт против природы (о хлыстах и хлыстовщине). Вып. 1. М.: Задруга, 1917. 128 с.

Прыжов И.Г. Двадцать шесть московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков. Издание Н. Баркова. М.: тип. Семена, 1864. 158 с.

Растягаев А.В. Агиографическая традиция в русской литературе XVII в.: проблема генезиса и жанровой трансформации: дисс. ... д-ра филол. наук. Самара, 2008. 421 с.

Сараскина Л.И. «Противоречия вместе живут...» (Хромоножка в «Бесах» Достоевского) // Вопросы литературы. 1984. № 11. С. 151–176.

Скавронский Н. (Ушаков А.С.). Очерки Москвы Н. Скавронского. Вып. 1. М.: тип. Бахметева, издатель А. Черенин и К°, 1862. 287 с.

Суровцева Е.В. Функционирование жанра жития в русской литературе в XVIII – начале XXI века // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения». М.: ГИРЯ, 2015. С. 32–36.

Терешкина Д.Б. «Четьи-Минеи» и русская словесность Нового времени: дисс. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород. 2015. 430 с.

Трофимов Е.А. «Село Степанчиково и его обитатели»: повесть о «лжепророке» // Достоевский и мировая культура. № 15. СПб.: Серебряный век, 2000. С. 22–41.

Украинский Г.В. Святитель Игнатий Брянчанинов и образ старца Зосимы у Ф.М. Достоевского // Журнал Московской Патриархии. 1989. № 6. С. 69–73.

Хассен С. Освобождение от психологического насилия. URL: https://lib.ru/DPEOPLE/stiwen_hanter.txt

Хассен С. Противостояние сектам и контролю над сознанием. М.: АСТ, 2006. 315 с.

Чирков Н.М. О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы. М.: Наука, 1967. 303 с.

Щапов А.П. Умственные направления русского раскола // Сочинения А. Щапова. СПб.: издательство М.В. Пирожкова, 1906. Т. 1. С. 580–647.

Якушин Н.И. Достоевский в Сибири: Очерк жизни и творчества. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1960. 210 с.

Янчевская К.А. Юродство в русской литературе второй половины XIX в.: дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 195 с.

References

Sources

Brianchaninov Ignatius, svt. *O otshel'nicheskoy zhizni* [On the Hermit Life] // *Prinosheniye sovremennomu monashestvu* [Offering to Modern Monasticism]. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/ignatij_br/tom_5/txt12.html

Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 tt.* [Complete Works and Letters: in 30 vols.]. L.: Nauka Publishing House, 1972–1990.

Melnikov P.I. (Andrei Pechersky). *Sobr. soch.: v 6 tt.* [Collected Works: in 6 vols.]. M.: Pravda Press, 1963.

Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 28 tt.* [Complete Works and Letters: in 28 vols.]. M.; L.: Nauka Publishing House, 1960–1968.

Dictionaries, encyclopedias

Jurodstvo i kto takie jurodivye – pravoslavnaia jenciklopedija «Azbyka very» [Foolishness for Christ and Who are Holy Fools – Orthodox Encyclopedia “ABCs of Faith”]. URL: <https://azbyka.ru/jurodstvo>

Enciklopedicheskiy slovar': v 86 tt. Izdateli: F.A. Brokgauz#, I.A. Efron#. S.-Peterburg#: Lito-tipografija I.A. Efrona [Encyclopedic Dictionary. Publishers: F.A. Brokgauz, I.A. Efron. St. Petersburg: Lito-Typography of I.A. Efron], 1890–1907. URL: <https://www.booksite.ru/>

fulltext/1/001/007/121/index.htm

Dahl V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 tt. Repr. vosproizvedenie izd. 1903–1909 gg. / Pod red. I.A. Bodujena de Kurtenje* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. Reproduction of the 1903–1909 edition / Ed. by I.A. Baudouin de Courtenay]. M.: TERRA Publishing House, 2000.

Literature

Antonova M.V., Konyshchikov E.M. «*Strannaya istoriya*» I.S. Turgeneva: *svyatoe i greshnoe* [«The Strange Story» by I.S. Turgenev: Holy and Sinful] // *Uchenye zapiski Orlovskogo gos. un-ta* [Scientific Notes of the Orel State University]. 2019. № 3. Pp. 57–62.

Altman M.S. *Ivan Gavrilovich Pryzhov* [Ivan Gavrilovich Prygov]. M.: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, 1932. 176 p.

Bazhenov N.N. *Istoriya Moskovskogo Dollgauza, nyne Moskovskoy gorodskoy Preobrazhenskoy bol'nitsy dlya dushevnobol'nykh. Glava iz istorii meditsiny i kul'turno-bytovoy istorii Moskvy* [History of the Moscow Dollhaus, Now the Moscow City Preobrazhenskaya Hospital for the Mentally Ill. Chapter from the History of Medicine and the Cultural and Everyday History of Moscow]. M.: Printing House of the Moscow City Public Administration, 1909. 191 p.

Barsov N.I. *Russkiy narodnyy mistitsizm (khlystovshchina)* [Russian Folk Mysticism (Hhlystism)] // *Istoricheskie, kriticheskie i polemicheskie opyty Nikolaya Barsova* [Historical, Critical and Polemical Experiments of Nikolai Barsov]. SPb.: Printing House of the Department of Appanages, 1879. Pp. 71–113.

Belovolov (Ukrainsky) G.V. *Starets Zosima i yepiskop Ignatiy Bryanchaninov* [Elder Zosima and Bishop Ignatius Brianchaninov] // *Dostoevskij. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. T. 9. L.: Nauka Publishing House, 1991. Pp. 167–178.

Brodsky N.L. *Turgenev i russkie sektanty* [Turgenev and Russian Sectarians]. M.: Nikitin Subbotniks Press, 1922. 48 p.

Vetlovskaya V.E. *Zhitijnye istochniki gogolevskoj «Shineli»* [Hagiographic Sources of Gogol's "The Overcoat"] // *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 1999. № 1. Pp. 18–35.

Vlaskin A.P. *Tvorchestvo F.M. Dostoyevskogo i narodnaya religioznaya kul'tura* [The Works of F.M. Dostoevsky and Folk

Religious Culture]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press; Magnitogorsk: Magnitogorsk State Pedagogical Institute Press, 1994. 204 p.

Garicheva E.A. *Fenomen preobrazheniya v russkoy khudozhestvennoy slovesnosti XVI–XX vekov* [The Phenomenon of Transformation in Russian Literature of the XVIth–XXth Centuries]: Diss. ... Doctor of Philological Sciences. M., 2009. 456 p.

Golovko V.M. *Bibleyskiy kontekst motiva samootverzheniya v syuzhete «Strannoy istorii» I.S. Turgeneva* [The Biblical Context of the Motif of Self-Sacrifice in the Plot of I.S. Turgenev's "A Strange Story"] // *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics]. 2015. № 13. Pp. 368–386.

Grodetskaya A.G. *Otveti predaniya: zhitiya svyatykh v dukhovnom poiske L'va Tolstogo* [Answers of Tradition: Lives of Saints in the Spiritual Search of Leo Tolstoy]. SPb.: Nauka Publishing House, 2000. 262 p.

Gromova A.V. *Zhanrovaya sistema tvorchestva B.K. Zaitseva: literaturno-kriticheskiye i khudozhestvenno-dokumental'nyye proizvedeniya* [Genre System of Creativity of B.K. Zaitsev: Literary-Critical and Artistic-Documentary Works]: Diss. ... Doctor of Philological Sciences. Orel, 2009. 522 p.

Dvorkin A.L. *Sektovedeniye. Totalitarnyye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniya. 3-e izd.* [Sectology. Totalitarian Sects: Experience of Systematic Research. 3rd edition]. Nizhny Novgorod: *Khristianskaya biblioteka* Press, 2012. 813 p.

Dekhtevich O.I. *Khlystovskoye dvizheniye v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [The Khlyst Movement in Russia in the Second Half of the XIXth – Early XXth Centuries]: Diss. ... Cand. of History. M., 2009. 200 p.

Dobrotvorsky I.M. *Lyudi bozhii. Russkaya sekta tak nazyvayemykh dukhovnykh khristian. Issledovaniye professora Kazanskogo universiteta I. Dobrotvorskogo* [People of God. Russian Sect of the So-Called Spiritual Christians. Research of the Professor of the Kazan University I. Dobrotvorsky]. Kazan: *Universitetskaya tip.* [University Press], 1869. 200 p.

Dorofeyeva L.G. *Ikonichnost' obraza Gorkina v romane I. Shmeleva «Leto Gospodne»* [The Iconicity of the Image of Gorkin in I. Shmelev's Novel "The Lord's Summer"] // *Ikona v russkoj slovesnosti i kulture* [Icon in Russian Literature and Culture]: Collection of Articles. M.: *Palomnik* Press, 2012. Pp. 565–578.

Esaulov I.A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [Easternness of Russian Literature]. M.: Krug Press, 2004. 560 p.

Zhivolupova N.V. *Antinomiya dukhovnogo i telesnogo v khudozhestvennom soznanii russkikh pisateley. Dostoyevskiy i I. Bryanchaninov. Problema smerti* [Antinomy of the Spiritual and the Corporeal in the Artistic Consciousness of Russian Writers. Dostoevsky and I. Brianchaninov. The Problem of Death] // *Vtoroj Peterburgskij simpozium istorikov russkoj filosofii «Russkaya filosofiya: novye resheniya starykh problem»* [Second St. Petersburg Symposium of Historians of Russian Philosophy “Russian Philosophy: New Solutions to Old Problems”]: Abstracts of Reports and Speeches. Part 1. SPb.: St. Petersburg State University Press, 1993. Pp. 93–95.

Karpacheva T.S. *Zhitiye Tat'yany Peterburzhskoy (agiograficheskiy kanon i biografiya Tat'yany Larinoy)* [The Life of Tatyana of Petersburg (Hagiographic Canon and Biography of Tatyana Larina)] // *Istoriya russkoj literatury: sovremennost klassiki: sb. k yubileyu S.A. Dzhanumova* [History of Russian Literature: Modernity of the Classics: Collection for the Anniversary of S.A. Dzhanumov]. M.: Knigodel Press, MCU Press, 2017. Pp. 39–55.

Karpacheva T.S. *Poetika obraza Vasiliya Ordynova (F.M. Dostoyevskiy «Khozyayka»)*. *Agiograficheskaya traditsiya* [Poetics of the Image of Vasily Ordynov (F.M. Dostoevsky “The Landlady”). Hagiographic Tradition] // Bulletin of MCU. Series “Philology. Theory of Language. Language Education”. 2024. № 3 (55). Pp. 48–61.

Kireyev A.F. *Yurodivyy Ivan Yakovlevich Koreysh. 2-e izd., dop.* [The Holy Fool Ivan Yakovlevich Koreysh. 2nd ed., add.]. M.: typ. I.Ya. Polyakova, 1898. 96 p.

Kirpotin V.Ya. *F.M. Dostoyevskiy. Tvorcheskij put' (1821–1859)* [F.M. Dostoevsky. Creative Path (1821–1859)]. M.: Art Literature Publishing House, 1960. 607 p.

Kosykh G.A. *Pravednost' i pravedniki v tvorchestve N.S. Leskova 1870-kh godov* [Righteousness and the Righteous in the Works of N.S. Leskov in the 1870s]: Diss. ... Cand. of Philological Sciences. Volgograd, 1999. 224 p.

Klimova M.N. *K izucheniyu zhitiynoy traditsii v russkoy literature XIX–XX vekov* [On the Study of the Hagiographic Tradition in Russian Literature of the XIXth–XXth Centuries] // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2009. Issue 4 (82). Pp. 156–161.

Klochan A.N. *Fenomen yurodstva v literature XIX veka* [The Phenomenon of Foolishness in the Literature of the XIXth Century] // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Magazine of Humanities and Natural Sciences]. 2017. № 7. Pp. 69–72.

Kovalevsky I.A., priest. *Jurodstvo o Hriste i Hrista radi jurodivye vostochnoj i russkoj cerkvi: Istoricheskij ocherk i zhitija sih podvizhnikov blagochestija* [Foolishness for Christ and Fools for Christ's Sake of the Eastern and Russian Church: Historical Essay and Lives of These Ascetics of Piety]. M.: Knizhnyj Klub Knigovek Press, 2013. 256 p.

Kopshitser I.Z. *O psikhicheskom zabolevanii I.Ya. Koreyski* [On the Mental Illness of I.Ya. Koreisha] // *Nauka i religiya* [Science and Religion]. 1973. № 8. Pp. 50–51.

Kubasov A.V. *Zhitiynaya povest' B.K. Zaitseva «Prepodobnyy Sergiy Radonezhskiy» v zerkale zhitiynoy ikony* [The Hagiographic Tale of B.K. Zaitsev “St. Sergius of Radonezh” in the Mirror of the Hagiographic Icon] // *Ikona i slovesnost' – russkoe zarubezhe: sb. st. po mater. Mezhdunar. nauch. konf. «Ikona v russkoj slovesnosti i kulture. Russkoe Zarubezhiye» v Dome Russkogo Zarubezhiya im. A. Solzhenitsyna. 24–26 yanvarya 2013 g.* [Icon and Literature – Russian Abroad: Collection of Articles on the Materials of the International Scientific Conference “Icon in Russian Literature and Culture. Russian Diaspora” at the A. Solzhenitsyn House of Russian Diaspora. January 24–26, 2013]. M., 2016. Pp. 170–182. URL: <https://www.domrz.ru/upload/iblock/f69/f69c51f77d33bc7a1e867c2bdd4bb28b.pdf>

Lotman L.M. *«Selo Stepanchikovo» Dostoyevskogo v kontekste literatury vtoroy poloviny XIX veka* [“The Village of Stepanchikovo” by Dostoevsky in the Context of the Literature of the Second Half of the XIXth Century] // *Dostoevskij. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. L.: Nauka Publishing House. Leningrad Branch, 1987. Vol. 7. Pp. 152–165.

Martinovich V.A. *Sektantstvo: vzniknoveniye i migratsiya. Materialy k izucheniyu netraditsionnoy religioznost.* [Sectarianism: Emergence and Migration. Materials for the Study of Non-traditional Religiosity]. M.: Poznanie Press, 2018. T. 1. 552 p.

Melnik V.I. *Blazhennyy Ioann Koreyski v russkoj literature: khudozhestvennyy obraz i dukhonosnaya lichnost'* [Blessed John Koreisha in Russian Literature: Artistic Image and Spiritual Personality]

// *Dukhovnyj sobesednik* [Spiritual Interlocutor]. 2004. № 4 (40). Samara: Samara House of Printing. Pp. 136–152.

Mikhnyukevich V.A. *Russkiy fol'klor v khudozhestvennoy sisteme F.M. Dostoyevskogo* [Russian Folklore in the Artistic System of F.M. Dostoevsky]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press, 1994. 320 p.

Natarzan E.V. *Zhitiynnye motivy v tvorchestve Dostoyevskogo* [Hagiographic Motifs in the Works of Dostoevsky]. Diss. ... Cand. of Philological Sciences. Novosibirsk, 2000. 190 p.

Panchenko A.A. *Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt, 2-e izd.* [Christism and Skopchestvo: Folklore and Traditional Culture of Russian Mystical Sects, 2nd ed.]. M.: Ob#edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo Press, 2004. 541 p.

Pereverzev V.F. *Gogol'. Dostoyevskiy: Issledovaniya* [Gogol. Dostoevsky: Research]. M.: Soviet Writer Publishing House, 1982. 512 p.

Postnikova E.G. *Fenomen «kharizmy vlasti» v povesti F.M. Dostoyevskogo «Selo Stepanchikovo i yego obitateli»* [The Phenomenon of the “Charisma of Power” in F.M. Dostoevsky’s Story “The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants”] // *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatelnykh i kulturnykh issledovaniy* [Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Research]. 2016. Vol. 1 (1). Pp. 123–138.

Prugavin A.S. *Bunt protiv prirody (o khlystakh i khlystovshchine)* *Vyp. I.* [Rebellion Against Nature (About the Khlysts and Khlystism). Issue 1]. M.: Zadruga Press, 1917. 128 p.

Pryzhov I.G. *Dvadtsat' shest' moskovskikh lzhe-prorokov, lzhe-yurodivykh, dur i durakov* [Twenty-six Moscow False Prophets, False Holy Fools, Fools and Fools]. Published by N. Barkov. M.: Semena Press, 1864. 158 p.

Rastyagayev A.V. *Agiograficheskaya traditsiya v russkoy literature XVIII v.: problema genezisa i zhanrovoy transformatsii* [Hagiographic Tradition in Russian Literature of the XVIIIth Century: the Problem of Genesis and Genre Transformation]: Diss. ... Doctor of Philological Sciences. Samara, 2008. 421 p.

Saraskina L.I. *«Protivorechiya vmeste zhivut...» (Khromonozhka v «Besakh» Dostoyevskogo)* [“Contradictions Live Together...” (The Lame Girl in Dostoevsky’s “Demons”)] // *Voprosy Literatury*

[Literature Questions]. 1984. № 11. Pp. 151–176.

Skavronsky N. (Ushakov A.S.). *Ocherki Moskovy N. Skavronskogo. Vyp. I.* [Sketches of Moscow by N. Skavronsky. Vol. 1]. M.: tip. Bakhmeteva, izd. A. Cherenin i K^oPress, 1862. 287 p.

Surovtseva E.V. *Funktsionirovaniye zhanra zhitiya v russkoy literature v XVIII – nachale XXI veka* [Functioning of the Genre of Hagiography in Russian Literature in the XVIII – early XXI Centuries] // *Aktualnye voprosy izucheniya dukhovnoy kultury v kontekste dialoga tsivilizatsij: Rossiya – Zapad – Vostok. Mater. Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. «Slavyanskaya kultura: istoki, traditsii, vzaimodejstvie. XVI Kirillo-Mefodievskie chteniya»* [Current Issues in the Study of Spiritual Culture in the Context of the Dialogue of Civilizations: Russia – West – East. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Slavic Culture: Origins, Traditions, and Interaction. The XVI Cyril and Methodius Readings”]. M.: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language Press, 2015. Pp. 32–36.

Tereshkina D.B. *«Cheti-Minei» i russkaya slovesnost Novogo vremeni* [“Cheti-Minei” and Russian Literature of the New Time]: Diss. ... Doctor of Philological Sciences. Nizhny Novgorod, 2015. 430 p.

Trofimov E.A. *«Selo Stepanchikovo i yego obitateli»: povest' o «Izheproroke»* [“The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants”: the Tale of the “False Prophet”] // *Dostoevskij i mirovaya kultura* [Dostoevsky and World Culture]. № 15. SPb.: Silver Age Press, 2000. Pp. 22–41.

Ukrainsky G.V. *Svyatitel' Ignatij Bryanchaninov i obraz startsa Zosimy u F.M. Dostoyevskogo* [Saint Ignatius Brianchaninov and the Image of the Elder Zosima in F.M. Dostoevsky] // *Zhurnal Moskovskoj Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate]. 1989. № 6. Pp. 69–73.

Hassen S. *Osvobozhdeniye ot psikhologicheskogo nasiliya* [Freedom from Psychological Abuse]. URL: https://lib.ru/DPEOPLE/stiwen_hanter.txt

Hassen S. *Protivostoianie sektam i kontrolju nad soznaniem* [Confronting Cults and Mind Control]. M.: AST Press, 2006. 315 p.

Chirkov N.M. *O stile Dostoyevskogo. Problematika. Idei. Obrazy.* [On Dostoevsky's Style. Problems. Ideas. Images]. M.: Nauka Publishing House, 1967. 303 p.

Shchapov A.P. *Umstvennye napravleniya russkogo raskola* [Mental

Directions of the Russian Schism] // *Sochineniya A. Shchapova* [Works of A. Shchapov]. SPb.: *M.V. Pirozhkov Press*, 1906. Т. 1. Pp. 580–647.

Yakushin N.I. *Dostoyevskiy v Sibiri: Ocherk zhizni i tvorchestva* [Dostoevsky in Siberia: Essay on His Life and Work]. Kemerovo: *Kemerovo Book Press*, 1960. 210 p.

Yanchevskaya K.A. *Yurodstvo v russkoy literature vtoroy poloviny XIX v.* // [Foolishness in Russian Literature of the Second Half of the XIXth Century]: Diss. ... Cand. of Philological Sciences. Barnaul, 2004. 195 p.

Сведения об авторе

Карпачева Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет. Научные интересы: русская литература XIX века, творчество Ф.М. Достоевского.

Information about the Author

Tatiana S. Karpacheva – PhD (Philology), Associate Professor; Associate Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities, Moscow City University. Research interests: Russian Literature of the XIX-th century, F.M. Dostoevsky's works.

Научно-исследовательская статья

УДК 821.161.1

DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-161-180

ТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ В. ГЮГО В ИЗОБРАЖЕНИИ ПАДШЕЙ ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Осьмухина Ольга Юрьевна

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Российская Федерация;
osmukhina@inbox.ru, AuthorID: 402212, <https://orcid.org/0000-0002-1456-4793>

Аннотация. В статье исследуется специфика изображения падшей женщины в творчестве В. Гюго и ее преломление в русской прозе второй половины XIX века. Актуальность исследования объясняется обострением интереса к женской тематике и проблематике в современном литературоведении, необходимостью выявления наиболее значимых составляющих феминного дискурса, который включает образ падшей женщины. Цель статьи – определить своеобразие рецепции опыта В. Гюго в изображении падшей женщины русскими писателями второй половины XIX столетия. Важнейшими методами нашего исследования стали сравнительно-исторический, а также метод целостного анализа художественного произведения. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в компаративном аспекте героини В. Гюго (Пакетта, Фантина) сопоставляются с падшими женщинами Ф.М. Достоевского (Соня Мармеладова) и Л.Н. Толстого (Катюша Маслова). В результате установлено, во-первых, что во французской литературе именно В. Гюго (до О. де Бальзака и Жорж Санд) начинает системно обращаться к судьбам падших женщин, исследуя причины падения героинь. Во-вторых, в прозе классика французской литературы Пакетта-Шантфлери и Фантина, с одной стороны, изображаются как собирательные образы женщин, оказавшихся на социальном дне, куда их толкнули обстоятельства и сам жизненный порядок; с другой, в русле романтической поэтики, писатель демонстрирует жертвенность и приверженность материнству

Фантины, а также наделяет ее великодушием и добротой. В-третьих, равно как и у Гюго, падшие женщины у Достоевского и Толстого были вынуждены встать на путь греха, нередко при посредстве сообщника, быт и безысходность становятся причинами их грехопадения, героини же мучительно переживают своё положение. Наконец, русские писатели расширяют опыт французского классика, наделяя падших женщин христианской нравственностью и религиозностью, которые помогают им прийти к искуплению греха.

Ключевые слова: Гюго, Достоевский, Толстой, русская классическая литература, образ падшей женщины, традиция.

Для цитирования: Осьмухина О.Ю. Творческий опыт В. Гюго в изображении падшей женщины в русской литературе второй половины XIX века // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. С. 161–180. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-161-180.

Original research article

VICTOR HUGO'S CREATIVE EXPERIENCE IN THE PORTRAYAL OF THE FALLEN WOMAN IN RUSSIAN LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE SIXTH CENTURY

Olga Yu. Osmukhina

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation;

osmukhina@inbox.ru , AuthorID: 402212, <https://orcid.org/0000-0002-1456-4793>

Abstract. The specifics of the depiction of a fallen woman in the works of V. Hugo and its refraction in Russian prose of the second half of the 19th century are examined in the article. The relevance of the study is explained by the increased interest in women's themes and issues in modern literary criticism, the need to identify the most significant components of feminine discourse, one of which is the image of the fallen woman. The aim of the article is to identify the originality of the reception of V. Hugo's experience in depicting the fallen woman by Russian

writers of the second half of the 19th century. The most important methods of the research were comparative-historical, as well as the method of holistic analysis of a work of art. The scientific novelty of the research lies in the first comparative analysis of V. Hugo's heroines (Paulette, Fantine) with the fallen women of F.M. Dostoevsky (Sonya Marmeladova) and L.N. Tolstoy (Katyusha Maslova). As a result, it was established, firstly, that in French literature it was V. Hugo (before O. de Balzac and George Sand) who began to systematically address the fates of fallen women, exploring the causes of her downfall. Secondly, in the prose of the French literary classic, Paulette-Chantefleurie and Fantine are depicted, on the one hand, as collective images of women pushed to the social margins by circumstances and the established order of life; on the other hand, in line with romantic poetics, the writer demonstrates Fantine's sacrifice and devotion to motherhood, endowing her with generosity and kindness. Thirdly, as with Hugo, Dostoevsky and Tolstoy's fallen women were forced onto the path of sin, often with the help of an accomplice, their circumstances and hopelessness becoming causes for their downfall, while the heroines agonizingly endure their plight. Finally, the Russian writers expand upon the French classicist's experience by imbuing fallen women with Christian morality and religiosity, which aids them in achieving redemption.

Keywords: Hugo, Dostoevsky, Tolstoy, Russian classical literature, the image of a fallen woman, tradition.

For citation: Osmukhina Olga Yu. Victor Hugo's Creative Experience in the Portrayal of the Fallen Woman in Russian Literature of the Second Half of the XIXth Century // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XIX. M.: Publishing Bookselling House "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2025. Pp. 161–180. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-161-180.

© Осьмухина О.Ю., 2025

Введение

Начнем с очевидного: творчество В. Гюго, главы французского романтизма, оказало значимое влияние не только на современную ему словесность, но и на последующее поколение прозаиков, поэтов, драматургов, причем не только у него на родине, но и в России. При этом во Франции уже при жизни писателя

отношение к нему было неоднозначное. Достаточно вспомнить противоречивые отзывы Г. Флобера, признававшего величие Гюго, но одновременно досадовавшего на «пряничных» героев этого автора и на отсутствие у него «дара создавать подлинных людей» [Флобер, 1956, с. 218], или Г. де Мопассана, отмечавшего, что Гюго-лирик гораздо выразительнее Гюго-прозаика: «Поэты, прирожденные поэты, которые мыслят стихами, нередко плохо пишут прозой <...>. Король поэтов Виктор Гюго не избежал этой тенденции» [Мопассан, 1958, с. 133].

В России же, как это ни парадоксально, творчество Гюго оказалось изучено многосторонне, шире и глубже, нежели у него на родине. Более того, его произведения становились достоянием русских читателей фактически сразу после публикации во Франции [Алексеев, 1937, т. 31/32, кн. II, с. 777–932]. Так, в 1830 году на русский язык была переведена повесть «Последний день приговоренного к смерти» («Le dernier jour d'un condamné», 1829), в 1833 году – «Ган Исландец» («Han d'Island», 1823), в «Вестнике Европы» и других журналах печатались переводы его драм, «Предисловие» к «Кромвелю» активно обсуждалось на страницах «Телескопа» и «Московского телеграфа». В 1830 году о Гюго-поэте упоминает А.С. Пушкин, отмечая его талант в письме к Е.М. Хитрово: «D'abord permettez-moi, Madame, de vous remercier pour Hernani. C'est un des ouvrages du temps que j'ai lu avec le plus de plaisir. Hugo et Sainte-Beuve sont sans contredit les seuls poètes français de l'époque». («Прежде всего позвольте, сударыня, поблагодарить вас за “Эрнани”. Это одно из современных произведений, которое я прочел с наибольшим удовольствием. Гюго и Сент-Бёв бесспорно единственные поэты нашего времени».) [Пушкин, с. 314]. Под очевидным влиянием «Ориенталий» Гюго М.Ю. Лермонтов пишет стихотворение «Прощание», переводами произведений этого французского автора занимался А.И. Полежаев («Лунный свет», «Людовик XVII»). Публикация романа «Собор Парижской Богоматери», частично начавшаяся в России во время его издания во Франции и временно приостановленная по цензурным соображениям, была возобновлена в 1862 году в журнале «Время», и в предисловии к роману Ф.М. Достоевский, созвучно собственным идейно-тематическим установкам, воплощенным в «Униженных и оскорбленных», «Бедных людях», подчеркивал, что ключевой мыслью романа, мыслью «христианской

и высоконравственной», является «восстановление погибшего человека, задавленного несправедливым гнетом обстоятельств... Эта мысль – оправдание униженных и всеми отверженных парий общества» [Достоевский, 1980, с. 28–29]. В письме к С.Е. Лурье от 17 апреля 1877 года Достоевский заявлял, что «Отверженные» несравнимо выше его «Преступления и наказания»: «я спорил со всеми искренно, от всего сердца, в чем уверен и теперь, вопреки общему мнению всех наших знатоков» [Достоевский, 1986. Т. 29. Кн. II, с. 151].

Восторженно отзывался о «Соборе...» И.И. Панаев: «После появления “Notre-Dame de Paris” я почти готов был идти на плаху за романтизм... Я едва достал для себя экземпляр и с нервическим раздражением приступил к чтению. Я прочел его не отрываясь. Никогда еще я не испытывал такого наслаждения от чтения. Клод Фролло, Эсмеральда, Квазимодо не выходили из моего воображения...» [Панаев, 1988, с. 386]. АА. Бестужев-Марлинский в письме к Н.А. Полевому замечал: «Перед Гюго я ниц... Это уже не дар, а гений во весь рост. Да, Гюго на плечах своих выносит в гору всю французскую словесность и топчет в грязь все остальное и всех нас, писак» [Письма Александра Александровича Бестужева]. Роман «Отверженные», созвучный гуманистическому пафосу и социально-обличительной тональности русской литературы второй половины XIX столетия, не мог не вызвать положительных откликов у Л.Н. Толстого, записавшего 23 февраля 1863 года в дневнике: «Misérables – сильно» [Толстой, 1952, т. 48–49, с. 52], и Ф.М. Достоевского, который воспринял у Гюго отдельные проблемно-тематические «узлы» (детская тема, сострадание к обездоленным, призыв к милосердию и общечеловеческому братству, женщина и общество; в конечном итоге, по верному замечанию С.А. Кибальника, характерное для Гюго «”восстановление погибшего человека” составляет внутренний сюжет многих произведений самого Достоевского» [Кибальник, 2024, с. 160]).

Учитывая интерес русских классиков к наследию Гюго, а также высказывание самого французского писателя («Я в своих книгах, драмах, прозе и стихах заступался за малых и несчастных <...>. Я восстановил в правах человека – шута, лакея, каторжника и проститутку» [цит. по ст.: Толмачев, 1988, с. 5]), цель нашей статьи – выявить своеобразие в преломлении творческого опыта Гюго при создании им образа падшей женщины в творчестве

русских прозаиков второй половины XIX века. Цель определила задачи исследования: осмыслить образы падших женщин в «знаковом» романе Гюго «Собор Парижской Богоматери» и осмыслить «точки схождения» в их репрезентации в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

Важнейшими для нашего исследования стали *сравнительно-исторический метод*, позволивший проанализировать образы падших женщин Гюго, Достоевского, Толстого в сопоставительном аспекте, а также *метод целостного анализа* художественного произведения, благодаря которому образы героинь французской и русской прозы второй половины XIX века рассматривались в единстве с их проблемно-тематическим своеобразием. *Практическая значимость* работы состоит в том, что её результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории русской литературы XIX века, истории мировой литературы, а также в спецкурсах по компаративистике.

Основная часть

Напомним, что в XIX столетии во французской словесности «женский» вопрос, проблема падших женщин в силу известных обстоятельств актуализируются и переосмысливаются: достаточно вспомнить роман Жорж Санд «Лукреция Флориани», в котором героиня – мать четырех детей, рожденных от разных мужчин, идеализируется, ибо, с точки зрения писательницы, любовь, не оскверненная корыстью или расчетом, не способна унижить или запятнать женщину, или «Даму с камелиями» А. Дюма, где парижская куртизанка приносит в жертву свою любовь и свою жизнь, или «Блеск и нищета куртизанок» О. де Бальзака. Однако ранее, и при этом системно, падших женщин живописал Гюго, уже в «Соборе Парижской богоматери» изображая судьбу Пакетты Шантфлери, матери Эсмеральды, хотя в этом романе история падшей женщины не обретает еще такого размаха, как позже в «Отверженных».

Историю Пакетты рассказывает один из персонажей романа – Майета, «здоровая, полная, свежая тридцатилетняя женщина, имеющая мужа и ребенка» [здесь и ниже: Гюго, 1988, т. 1]. Вспоминая о детстве Пакетты Шантфлери, она объясняет, что подтолкнуло девушку к падению: «Пакетта была

из хорошей семьи. Мать ее на беду была добрая женщина и ничему не обучала Пакетту, как только вышивать золотом и бисером разные безделушки. Девочка росла в бедности... Жилось им с матерью нелегко. Со дня смерти музыканта они очень опустили...». Она утверждает, что девушка сама виновата в своих несчастьях. После смерти отца ей с матерью живется несладко, что и явилось причиной ее падения: «Однажды зимой, – это было в том же шестьдесят первом году, – они остались совсем без дров и без хвороста, и стужа так разрумянила щеки Шантфлери, что мужчины то и дело стали окликать ее: – одни: “Пакетта!”, другие “Пакеретта!” Это ее и погубило!.. Однажды в воскресенье она явилась в церковь с золотым крестиком на шее. Тут мы поняли, что она погибла...». Майета с ужасом рассказывает, как ниже и ниже опускается Пакетта: «За пять лет, со времени своего падения, бедняжка Шантфлери превратилась в жалкое существо. Она осталась одна-одинешенька на свете. На нее указывали пальцами, над ней глумились, ее била городская стража и высмеивали оборвыши-мальчишки...». Всё, что делала в своей последующей жизни Пакетта, она делала для своей дочери. Несчастье, разлучившее мать и дочь, отняло у Шантфлери волю к жизни. Даже у, казалось бы, равнодушных и «благонравных» обывательниц её история вызвала сострадание по отношению к несчастной женщине. Со временем Пакетта окончательно потеряла человеческий облик: начала походить на загнанное животное, пила воду и ела только черный хлеб, не обращая никакого внимания на окружающих. Лишь дети и цыгане составляют её связь с внешним миром. Видеть или слышать первых она не может, ибо это причиняет ей страшную боль. Вторых же она ненавидит и, по иронии судьбы, проклинает собственную дочь: «Это опять ты, цыганское отродье! Это ты кличешь меня, воровка детей! Будь же ты проклята! Проклята! Проклята!». Мотив рока, ключевой в сюжетном развертывании, связан и с образом проститутки Пакетты: обрекая себя на мучения из-за чувства вины и перед богом, и перед якобы погибшей дочерью, она страданиями, лишениями и смертью искупает свои грехи.

В «Отверженных» образ падшей женщины углубляется, и прозаик подчеркивает, что в бесчеловечном мире денег и жестокости уродуются самые прекрасные чувства – любовь и материнство. Равно как и Пакетта Шантфлери, Фантина

не способна заработать честным, но приносящим слишком мало денег для существования трудом, и судьба её вполне типична для французских реалий второй половины XIX века, где, как метко подметил Э. Фукс, в 1860-х годах «сложилась <...> физиономия уличной жизни с неизбежной фланирующей проституткой» [Фукс, 1994, с. 106].

Впервые Фантина появляется в романе, когда еще не потеряла облик работницы – «не рассталась с иголкой». На ее лице еще сохранилась «безмятежность – спутница труда, а в душе налет невинности, которая у женщины переживает ее первое падение» [здесь и ниже: Гюго, 1987, т. 1, с. 131, 132, 137, 157]. Фантина, в отличие от своих подруг, была целомудренна: «Соломон ответил бы, что любовь является частицей целомудрия. Мы же скажем только, что любовь Фантины была первой любовью, любовью единственной и верной». Именно любви девушка обязана своим падением, хотя даже в этом она сумела остаться чистой и невинной, стыдливой и кроткой: «Любовь – грех, пусть так! Фантина была невинностью, всплывшей над пучиной греха». Оставшись с ребенком на руках, женщина мужественно отказывается от всего, что у нее было: «Все свои шелка, все свои уборы, все ленты и кружева отдала дочери – это был единственный оставшийся у нее повод для тщеславия, на сей раз – святого». (Точно так поступила и Пакетта в романе «Собор Парижской богородицы», перешив последнее одеяло на пеленки для дочери.) Как и мать Эсмеральды, Фантина испытывает бесконечные тягости жизни всеми презираемой матери-одиночки, родившей ребенка вне брака. Даже когда женщина возвращается к честному труду и в ней пробуждается желание жить ради дочери, находятся «доброжелатели», распускающие о ней гадкие слухи. Бесчеловечное общество, оно постоянно обрушивает на Фантину свои удары: сначала обманщик Толомбес; затем трактирщик Тенардьё, который эксплуатирует святы материнские чувства; госпожа Виктюрьен, поспособствовавшая ее увольнению; пьяный буржуа господин Баматабуа, издевавшийся над ее человеческим достоинством. Тщетны попытки Фантины устроить трудовую жизнь.

В поединке с обществом ее гибель неминуема. Как полагает С.Р. Брахман, «общество не может простить Фантине ее простодушного отношения к себе и к жизни, того, что она мужественно противостоит своей “злой участи” и в самом

тяжком унижении сохраняет гордость» [Брахман, 1968, с. 67]. Примечательно мнение самого Гюго по поводу проституции: «Говорят, что европейская цивилизация упразднила рабство. Это заблуждение. Оно все еще существует, но теперь его тяжесть падает только на женщину, имя его – проституция. Его тяжесть падает на женщину, то есть на грацию, на слабость, на красоту, на материнство. Это позор для мужчины, и при этом величайший позор» [Гюго, 1987, т. 1, с. 191]. Каждая новая ступень падения Фантины – жертва, которая не приносит никаких результатов. Питая иллюзии, что помогает своей Козетте, мать на самом деле лишь увеличивает благосостояние Тенардье. Фантина – труженица, вынужденная вступить на путь падения, причем подобная романтизированная трактовка образа падшей женщины сочетается с вполне реалистической детерминацией поведения Фантины: именно социум узаконил взгляд на женщину как на вещь, сделал ее неправомерной и униженной, нуждающейся и отверженной.

Опустившись на дно общества, Фантина все быстрее теряет человеческий облик: «Девушка испустила дикий вопль, обернулась и, как пантера, бросилась на мужчину, впиваясь ему в лицо ногтями и обливая его потоком отборной брани, которой могла бы позавидовать пьяная солдатня. Эти ругательства, выкрикиваемые осипшим от водки голосом, вылетали из обезображенного рта, в котором действительно не хватало двух передних зубов. То была Фантина» [Гюго, 1987, т. 1, с. 193]. Человеческой и поистине святой в ней остается любовь к Козетте, мечта вернуть своего ребенка, жить честно.

В записях Гюго примечателен небольшой рассказ о том, как зимой 1841 года, возвращаясь со званого обеда, он оказался свидетелем столкновения уличной женщины с молодым хлыщом, который бросил ей за пазуху горсть снега. Гюго пошел вслед за женщиной в полицейский участок и был свидетелем грубого и несправедливого обращения с ней полицейского чиновника. Так родилась история Фантины, о чем свидетельствует и заголовок записанного отрывка [Евнина, 1976, с. 114].

Несмотря на идеализацию образа Фантины, на преувеличение ее красоты в начале романа и ее страданий в финале, признавая Фантину грешницей и «прощая» ей грехи, оправдывая их, прозаик всё-таки решает, что искупить их может только смерть героини: «Я была грешницей, но когда ко мне вернется мое дитя, это

будет означать, что бог простил меня... Но ведь я грешила ради нее, вот почему бог прощает меня. Когда Козетта будет здесь, я почувствую на себе благословение божие» [Гюго, 1987, т. 1, с. 204]. Несмотря на то, что Фантина обезображивает себя, дабы спасти дочь, она сохраняет красоту великодушия и верности материнского сердца.

Творчество Гюго, на наш взгляд, оказало воздействие на формирование образа «падшей» женщины в западной литературе. Примечательны в этом контексте главная героиня романа Т. Гарди «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей» (жертва насилия, она считается обесчещенной на всю жизнь и вынуждена уступить посягательствам своего насильника, чтобы спасти от нищеты свою семью) или Минна Гувен из романа Ф. Норриса «Спрут» (оставшись одна в огромном городе, без денег, раздавленная презрением и жестокостью общества, героиня вынуждена продавать себя). Вместе с тем творчество Гюго оказало влияние и на формирование образа «падшей» женщины в русской литературе второй половины XIX века: это целый ряд произведений – от «Преступления и наказания» Достоевского и «Воскресения» Толстого до «Петербургских трущоб» В.В. Крестовского и т. д.

«Женский» вопрос был принципиально значим в творчестве Достоевского, запечатлевшего различные типы героинь, «очень разных по темпераменту и социальному статусу» [Макаричева, 2011, с. 89]. При этом в произведениях писателя «падшие» женщины <...> представлены героинями, утратившими репутацию порядочной вследствие порочного поведения» [Алексеев, 2022, с. 52]. Н.Н. Мельникова выделяет несколько типов грешниц, обозначив их характерные черты и особенности психологии [Мельникова, 2011], из которых для творчества Достоевского характерны два типа. Во-первых, это «соблазнённые» – девушки, которые вступили в серьезные интимные, сексуальные отношения с мужчиной до брака, причем виновником их грехопадения выступает невольный сообщник (он же сводня, мужчина-совратитель – образы, природа которых близка библейскому змею-искусителю). Таковы у Достоевского Варенька Доброселова («Бедные люди»), Катерина («Хозяйка»), Лиза Долгорукая («Подросток»), Лизавета Смердящая («Братья Карамазовы»). Во-вторых, это «проститутки» – женщины, которые получают денежное

или иное вознаграждение, предоставляя сексуальные услуги многим партнерам (различным клиентам), и живущие за счет торговли своим телом (Лиза из «Записок из подполья», Сонечка Мармеладова из «Преступления и наказания»).

Примечательно, что героиня «Преступления и наказания» выделяется на фоне представительниц древнейшей профессии, к которым она принадлежит. Вслед за Гюго, Достоевский подробно и обстоятельно вскрывает причины нравственного падения бедной девушки, которая, равно как и Фантина, замучена бытом и безысходностью. Она остро переживает тяжесть положения, в котором оказалась ее семья: пьянство отца, болезнь мачехи. Решение заняться проституцией было для неё мучительным и явилось результатом критической ситуации. Соне, как и героине французского классика, свойственны глубокое чувство вины за происходящее, ответственность и сострадание. Долгое время она пытается зарабатывать честным трудом, но ее мизерный доход не спас положения: работа швейи ничуть не улучшила материального положения её семьи. Соня не могла наблюдать, как угасает Катерина Ивановна – гордая, образованная, благородная женщина, как страдают от голода ее малые дети. Девушка жалеет спившегося отца, понимая, что прежде всего он разрушил семью и стал виновником крушения ее надежд, и в конечном итоге решает пойти «по жёлтому билету». Как Фантина в «Отверженных» не получает авторского осуждения, так и в «Преступлении и наказании» авторскую симпатию маркируют уменьшительно-ласкательная форма её имени – Сонечка и портретная деталь – «кроткие голубые глаза, могущие сверкать таким огнем, таким суровым энергическим чувством» [Достоевский, 1973, т. 6, с. 248]. Писатель последовательно вскрывает причины, подтолкнувшие девушку к грехопадению, и, расширяя опыт Гюго, отводит ей важнейшую роль духовной наставницы преступника, его подруги, идейной спасительницы.

Соня вынуждена одеваться вычурно и вульгарно, чтобы привлекать клиентов. Но даже эта одежда не может скрыть чистоты ее души, её внутренние страдания, веру в Христа. В «грошовом наряде» она смотрится нелепо, старается быть незаметной, платье не соответствует всему ее «ангельскому» лику, её совестливой натуре: «Она была тоже в лохмотьях; наряд ее был грошовый, но разукрашенный по-уличному, под вкус и правила, сложившиеся в своем особом мире,

с ярко и позорно выдающеюся целью»; умирающий отец различает в толпе свою дочь – «приниженную, убитую, расфранченную и стыдящуюся» [здесь и ниже: Достоевский, 1973, т. 6, с. 143, 145, 322]. В отличие от Фантины, Сонечка искупает свой грех благодаря глубокой и истинной вере, жертвенности и любви; именно она выступает для Раскольникова «проводником» к спасению, помогает ему обрести веру и себя самого (показательно в этом отношении чтение Соней одиннадцатой главы Евангелия от Иоанна – о воскрешении Лазаря). Именно Соня указывает заблудшему герою единственный путь к моральному спасению: «Что делать! <...> Встань!.. <...> Поди сейчас же, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем вслух: "Я убил!"».

Свойственно Соне и юродство. Такой взгляд на девушку вкладывается в уста Родиона Раскольникова, который объясняет это тем, что героиня отличается особыми религиозными переживаниями. Значимым ракурсом изображения Сони является эпизод чтения ею Евангелия, когда Раскольников с особым любопытством и возрастающим нервным напряжением наблюдает за ней и мысленно отмечает: «"Ну, так и есть! <...> Вот и исход! Вот и объяснение исхода! <...> Юродивая! юродивая!" – твердил он про себя» [здесь и ниже: Достоевский, 1973, т. 6, с. 248, 246]. Но Соня, несмотря на череду страданий и унижений, не утратила нравственного стержня, не замкнулась и не озлобилась. Ее тонкую и чистую натуру глубоко чувствует Родион Раскольников. Показательна сцена с преклонением Раскольникова перед Соней, когда герой признается, что кланяется в ее лице «всему страданию человеческому». Именно девушка с чистой душой и твердой волей способна стать спасением для другой грешной души. Отправляясь с Раскольниковым в ссылку, героиня остается верной своему главному долгу, своей вере в то, что полное очищение человека наступает лишь через испытания, страдание.

Примечательно, на наш взгляд, что через посредство Достоевского традиция изображения падшей женщины Гюго преломляется в рассказе Л.Н. Андреева «Тьма» (1907). Это история о двух падших душах, в основе которой лежит встреча в публичном доме террориста в бегах и проститутки. Диалог

героев высвечивает вечные, бытийные вопросы и вводит мотив духовного обновления. В статье В.В. Розанова «Л. Андреев и его “Тьма”» отмечается, что «“Тьма” подражательная вещь: темы ее, тоны ее – взяты у Достоевского и отчасти у Короленки» [Розанов]. Однако главным отличием рассказа Л.Н. Андреева от романа «Преступление и наказание» Достоевского является то, что в основе андреевского текста лежит случайная встреча двух преступников, которые в своём единственном разговоре делятся собственными переживаниями и духовно спасают друг друга, повторяя «вечную, незабываемую, но прекрасную только в одиночестве своем, без повторений – историю встречи Раскольников и Сони Мармеладовой» [Розанов].

Традицию изображения падшей женщины продолжает и Толстой в «Воскресении». Катюша Маслова – непорочна, наивна, и поэтому первые годы её осознанной жизни складываются трагически, поскольку во всём происходящем с ней виновата жестокая окружающая действительность.

В отличие от своих предшественников, Толстой в описании Катюши использует цветовую символику. Так, в ее описании уже с начала повествования превалирует белый цвет: «невысокая и очень полногрудая молодая женщина в сером халате, надетом на белую кофту и на белую юбку» [здесь и ниже: Толстой, 1936, т. 32, с. 4, 5, 6, 7]. Как известно, именно этот цвет является символом непорочности, и, невзирая на обвинение девушки в преступлении, она, по мнению автора, всё равно чиста и невинна: «Все лицо женщины было <...> особенной белизны», «белая полная шея». Повествователь постоянно акцентирует внимание на глазах Катюши, которые, несмотря на усталость и тяготы жизни, всё еще остаются блестящими и живыми: «В лице этом поражали, особенно на матовой бледности лица, очень черные, блестящие, несколько подпухшие, но очень оживленные глаза». Маслова – шестой ребенок биологической матери, «незамужней дворовой женщины»; отцом девочки был заезжий цыган. По сути, судьба Катюши могла сложиться иначе, и, как пять ее братьев и сестер, она могла бы умереть от голода, ибо все эти дети относились к разряду «нежеланно появившегося, ненужного и мешавшего работе ребенка». Но героине повезло: она была спасена одной старой барышней, за что ее и прозвали «спасенной». Так, рождение Катюши – это своеобразное чудо. После смерти матери девочку

взяли на воспитание барышни, благодаря которым она «вышла полугорничная, полувоспитанница»: «Ее и звали так средним именем – не Катька и не Катенька, а Катюша».

В переводе с греческого языка имя Екатерина означает чистоту и незапятнанность. Имя во многом определило характер девушки, главные качества которой – духовная чистота и непорочность. Изменилась жизнь героини, когда в ней появился «племянник – студент, богатый князь» [здесь и ниже: Толстой, 1936, т. 32, с. 7], далее – Дмитрий Иванович Нехлюдов, который сначала стал для Масловой объектом настоящей любви, а впоследствии – соблазнителем. Так, в восемнадцатилетнем возрасте Катюша терпит свой первый позор: поддавшись чарам возлюбленного, она проводит с героем ночь, а перед его отъездом получает от Дмитрия «стурбулевую бумажку». Очевидна отсылка к Фантине Гюго: Катюша обязана своим падением любви. Спустя «пять месяцев <...> она узнала наверное, что она беременна». Подобный исход событий для Катюши – это сильнейший позор. Умение испытывать чувство позора, стыда весьма показательно: Катюша мучительно переживает своё «падение», и в этой «стыдливости» воплощена её незапятнанность, душевная чистота. В трудный момент девушка осталась покинутой всеми, окружающие испытывают по отношению к ней лишь презрение. Соблазняет Нехлюдов Катюшу не один, но вместе с обществом, которое жестоко и безразлично к человеку.

Вскоре Маслова вновь сталкивается с обидой от мужчины: «становой, пятидесятилетний старик, стал приставать к ней» [здесь и ниже: Толстой, 1936, т. 32, с. 8, 10, 11]. Героиня смогла дать отпор наглому старику, но лишилась нового места жительства и работы. Обрести женское счастье и стать матерью Катюше тоже не удалось: её мальчик умер вскоре после родов. После рождения ребенка девушка остается ни с чем и снова ищет заработок. Так, в третий раз героиня попадает в руки мужчины с грязными намерениями: «Лесничий был женатый человек, но, точно так же как и становой, с первого же дня начал приставать к Катюше». В скором времени она осознала, что ничего, кроме денег, от мужчин получить нельзя, и оказалась в доме терпимости. При этом делая выбор в пользу проституции, Катюша ставит перед собой особую цель, которая отличает её и от Фантины Гюго, и от Сони Достоевского: «она этим думала отплатить

и своему соблазнителью, и приказчику, и всем людям, которые ей сделали зло». Когда Маслова становится проституткой, повествователь отмечает, что такое «падение» – это «хроническое преступление заповедей божеских и человеческих». При описании жизни героини в доме терпимости акцент сделан на будничности и повседневности происходящего, когда каждый день здесь похож на предыдущий: «И так каждый день, и летом и зимой, и в будни и в праздники». Семь лет распутной жизни оказывают влияние на Катюшу, меняют её, она мирится со своим трагическим положением.

Поворотным моментом в сюжетном развёртывании оказывается каторга. Маслова становится объектом для осуждения лишь потому, что она бесправна и всё, с чем пришлось ей столкнуться, ни для кого не имеет значения. Показательно в связи с этим, что среди тех, кто судит Катюшу, оказывается тот, кто когда-то сломал ей жизнь, – Дмитрий Нехлюдов. Судьбоносная встреча пробуждает в Нехлюдове совесть, оживляет воспоминания двенадцатилетней давности. Несмотря на то что Катюша стала жертвой глубокого нравственного падения, очевидна возможность её нравственного возрождения, а её среда гораздо лучше и чище, нежели «грязный» мир Нехлюдова.

Заключение

Итак, русские писатели во второй половине XIX века, учитывая опыт В. Гюго, который впервые системно обратился к изображению падшей женщины (Пакетта в «Соборе Парижской Богоматери», Фантина в «Отверженных») и, романтизируя вставших на путь проституции, наделил их глубоким чувством вины, ответственностью и состраданием, изображают героинь, вынужденно оказавшихся в приниженном положении, нередко при посредстве сообщника; при этом само общество, безысходность бытия становятся причинами их грехопадения, однако эти женщины сохраняют внутреннюю чистоту, человеколюбие, способность к любви и мучительно переживают своё положение. Кроме того, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой расширяют опыт французского классика, разглядев в падших женщинах христианскую нравственность и религиозность, которые помогают им прийти к искуплению греха. Сонечка Мармеладова («Преступление и наказание») воплощает вечное смирение женской души, любовь к людям

и безграничное самопожертвование. Решение Сони выйти на панель – неизбежный и неумолимый результат жизненных обстоятельств, но любовь и жертвенность очищают Соню от ее печального прошлого. Спасение для себя и для Родиона Соня находит в вере в Бога. Катюша Маслова («Воскресение»), несмотря на падение, сохраняет внутреннюю чистоту. Даже самые страшные унижения человеческого и женского достоинства, пережитые ею, не отняли у нее способности радоваться жизни, жалеть и любить людей – она незлобива, открыта миру и людям.

Источники

В. Гюго: художественные произведения

Гюго В. Отверженные: в 2 тт. М.: Художественная литература, 1987. Т. 1. 766 с.; Т. 2. 560 с.

Гюго В. Собор Парижской богоматери // Гюго В. Собр. соч.: в 6 тт. М.: Правда, 1988. Т. 1. URL: <https://www.lib.ru/INOOLD/GUGO/sobor.txt> (дата обращения 25.12.2025)

Ф.М. Достоевский:

роман «Преступление и наказание», письма, статьи

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 тт. Л.: Наука, 1973. Т. 6. 426 с.

Достоевский Ф.М. Письма. 1875–1877 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 тт. Л.: Наука, 1986. Т. 29, кн. II. 373 с.

Достоевский Ф.М. Статьи и заметки. 1862–1865 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 тт. Л.: Наука, 1980. Т. 20. 432 с.

Л.Н. Толстой:

роман «Воскресение», дневники, записные книжки

Толстой Л.Н. Воскресение // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 тт. М.: ГИХЛ, 1936. Т. 32. 541 с.

Толстой Л.Н. Дневники и записные книжки. 1858–1880 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 тт. Т. 48–49. М.: ГИХЛ, 1952. 539 с.

Письма разных авторов

Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах // Русский вестник. 1861. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Bestuzev_A_A/briefe2.htm (дата обращения 25.12.2025)

Пушкин А.С. Письма. 1815–1830 // Пушкин А.С. Собр. соч.:

в 10 тт. М.: Художественная литература, 1977. Т. 9. 462 с.

Флобер Г. Письма // Флобер Г. Собр. соч.: в 5 тт. М.: Правда, 1956. Т. 5. 506 с.

Публицистика. Воспоминания

Мопассан Ги де. Силуэты писателей // Мопассан Ги де. Собр. соч.: в 12 тт. М.: Правда, 1958. Т. 11. С. 133–138.

Панаев И.И. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. 465 с.

Розанов В.В. Л. Андреев и его «Тьма». URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1908_andreev.shtml (дата обращения 25.12.2025)

Литература

Алексеев М.П. Виктор Гюго и его русские знакомства. Встречи. Письма. Воспоминания // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. Т. 31/32, кн. II. С. 777–932.

Алексеев Я.Д. Специфика художественного воплощения образа «падшей женщины» в творчестве Ф.М. Достоевского // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития филологической науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Стерлитамак: Стерлитамак. филиал УУНиТ, 2022. С. 51–54.

Брахман С.Р. «Отверженные» Виктора Гюго. М.: Художественная литература, 1968. 104 с.

Евнина Е.М. Виктор Гюго. М.: Наука, 1976. 215 с.

Кибальник С.А. Идея «восстановления погибшего человека» в русской классике (Достоевский, Толстой, Чехов) // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 157–175.

Макаричева Н.А. Женские образы в творчестве Достоевского: типологические черты и «очертания» типов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 4 (15). С. 86–90.

Мельникова Н.Н. Архетип грешницы в русской литературе конца XIX – начала XX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. 33 с.

Толмачев М.В. Свидетель века Виктор Гюго (1802–1885) // Гюго В. Собр. соч.: в 6 тт. М.: Правда, 1988. Т. 1. С. 3–54.

Фукс Э. Проституция // История проституции. СПб.: БРАСК, 1994. С. 9–134.

References

Sources

V. Hugo: Fiction

Hugo V. *Otverzhenные* [Les Miserables]: in 2 vols. M.: Art Literature Publishing House, 1987. Vol. 1. 766 p.; Vol. 2. 560 p.

Hugo V. *Sobor Parizhskoj Bogomateri* [Notre Dame de Paris] // Hugo V. *Sobr. soch.* [Collected Works]: in 6 vols. M.: Pravda Press, 1988. Vol. 1. URL: <https://www.lib.ru/INOOLD/GUGO/sobor.txt> (accessed 25.12.2025).

F.M. Dostoevsky:

Novel “Crime and Punishment”, Letters, Articles

Dostoevsky F.M. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment] // Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]: in 30 vols. L.: Nauka Publishing House, 1973. Vol. 6. 426 p.

Dostoevsky F.M. *Pis'ma* [Letters]. 1875–1877 // Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]: in 30 vols. L.: Nauka Publishing House, 1986. Vol. 29, book II. 373 p.

Dostoevsky F.M. *Stat'i i zametki* [Articles and Notes]. 1862–1865 // Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]: in 30 vols. L.: Nauka Publishing House, 1980. Vol. 20. 432 p.

L.N. Tolstoy:

Novel “Resurrection”, Diaries and Notebooks

Tolstoy L.N. *Voskresenie* [Resurrection] // Tolstoy L.N. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]: in 90 vols. M.: Art Literature Publishing House, 1936. Vol. 32. 541 p.

Tolstoy L.N. *Dnevnik i zapisnye knizhki* [Diaries and Notebooks]. 1858–1880 // Tolstoy L.N. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]: in 90 vols. Vols. 48–49. M.: Art Literature Publishing House, 1952. 539 p.

Letters from Various Authors

Pis'ma Aleksandra Aleksandrovicha Bestuzheva k N.A. i K.A. Polevym, pisannye v 1831–1837 godah [Letters from Alexander Alexandrovich Bestuzhev to N.A. and K.A. Polevoy brothers, written in 1831–1837] // *Russkij vestnik* [Russian Bulletin]. 1861. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Bestuzhev_A_A/briefe2.htm (accessed 25.12.2025).

Pushkin A.S. *Pis'ma* [Letters]. 1815–1830 // Pushkin A.S. *Sobr.*

soch. [Collected Works]: in 10 vols. M.: Art Literature Publishing House, 1977. Vol. 9. 462 p.

Flaubert G. *Pis'ma* [Letters] // Flaubert G. *Sobr. soch.* [Collected Works]: in 5 vols. M.: *Pravda* Press, 1956. Vol. 5. 506 p.

Journalism. Memories

Maupassant Guy de. *Silujety pisatelej* [Silhouettes of Writers] // Maupassant Guy de. *Sobr. soch.* [Collected Works]: in 12 vols. M.: *Pravda* Press, 1958. Vol. 11. Pp. 133–138.

Panaev I. *Literaturnye vospominanija* [Literary Memories]. M.: *Pravda* Press, 1988. 465 p.

Rozanov V.V. L. *Andreev i ego «T'ma»* [L. Andreev and His “Darkness”]. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1908_andreev.shtml (accessed 25.12.2025).

Literature

Alekseev M.P. *Viktor Gjugo i ego russkie znacomstva. Vstrechi. Pis'ma. Vospominanija* [Victor Hugo and His Russian Acquaintances. Meetings. Letters. Memoirs] // *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. M.: *Zhurnal'no-gazetnoe ob#edinenie* [Magazine and Newspaper Association Press], 1937. T. 31. Pp. 777–932.

Alekseenko Ya.D. *Specifika hudozhestvennogo voploshhenija obraza «padshej zhenshhiny» v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [The Specificity of Artistic Embodiment of the “Fallen Woman” Image in F.M. Dostoevsky’s Works] // *Sovremennye problemy i perspektivnye napravlenija innovacionnogo razvitija filologicheskoi nauki* [Modern Problems and Promising Directions of Innovative Development in Philological Science]: *materialy Vseross. nauchno-praktich. konferencii s mezhdunar. uchastiem* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. Sterlitamak: *Sterlitamakskij filial UUNiT*, Press, 2022. Pp. 51–54.

Brahman S.R. «*Otverzhennye*» *Viktora Gjugo* [Victor Hugo’s “Les Misérables”]. M.: Art Literature Publishing House, 1968. 104 p.

Evkina E.M. *Viktor Gjugo* [Victor Hugo]. M.: *Nauka* Publishing House, 1976. 215 p.

Kibalnik S.A. *Ideja «vosstanovlenija pogibshogo cheloveka» v russkoj klassike (Dostoevskij, Tolstoj, Chehov)* [The Idea of “Restoration of a Ruined Person” in Classic Russian Literature (Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov)] // *Problemy*

istoricheskoi pojetiki [The Problems of Historical Poetics]. 2024. T. 22. № 1. Pp. 157–175.

Makaricheva N.A. *Zhenskie obrazy v tvorchestve Dostoevskogo: tipologicheskie cherty i «ochertanija» tipov* [Female Images in Dostoevsky's Works: Typological Features and "Outlines" of Types] // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2011. № 4 (15). Pp. 86–90.

Melnikova N.N. *Arhetip greshnicy v russkoj literature konca XIX – nachala XX veka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The Archetype of the Sinner in Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Century: Abstract of the Diss. ... Cand. of Philological Sciences]. M., 2011. 33 p.

Tolmachev M.V. *Svidetel' veka Viktor Gjugo (1802–1885)* [Victor Hugo's Witness of the Century (1802–1885)] // Hugo V. *Sobr. soch.* [Collected Works]: in 6 vols. M.: Pravda Press, 1988. T. 1. Pp. 3–54.

Fuchs E. *Prostitucija* [Prostitution] // *Istorija prostitucii* [History of Prostitution]. SPb.: BRASK Press, 1994. Pp. 9–134.

Сведения об авторе

Осьмухина Ольга Юрьевна – доктор филологических наук, профессор; заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. Научные интересы: русско-зарубежные литературные связи, набокведение, история русской литературы XX века, нарратология.

Information about the Author

Olga Yu. Osmukhina – Dr. Sc. (Philology), Professor; Head of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University. Research interests: Russian-foreign literary relations, Nabokov studies, the history of Russian literature of the XXth century, narratology.

Научная статья

УДК 82.05'05

DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-181-197

**ЖЕНЩИНА И ОБЩЕСТВО
В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ
АМЕЛИИ ОУПИ И ЖЕРМЕНЫ ДЕ СТАЛЬ)**

Юханова Алина Андреевна

Московский городской педагогический университет, Москва,
Российская Федерация;

alinayuhanova@mail.ru, AuthorID: 1272870, <https://orcid.org/0009-0002-9979-0200>

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу характерных черт поэтики Амелии Оупи и Жермены де Сталь, чьи идейно-эстетические концепции нашли отражение в литературном дискурсе Англии и Франции XIX века. Биографические сведения, приведенные в настоящей работе, подтверждают дружеский союз писательниц, ведущих активную политическую и литературную деятельность в своих странах. Выявление особенностей рецепции идей де Сталь в творчестве Оупи определяет цель исследования и осуществляется на основании компаративного анализа интертекстуальных связей в прозаических произведениях авторов.

На материале романов «Appearance Is Against Her» (1813) Амелии Оупи и «Коринна, или Италия» (1807) Жермены де Сталь выявлены ключевые художественные аспекты, которые позволяют рассмотреть сходства и различия нарратива двух произведений в тесной взаимосвязи, чем обусловлена актуальность рассматриваемой проблемы. Центральное место в эстетической системе романов Оупи и де Сталь занимает социальная гендерная проблематика, в рамках которой конфликт женщины и общества имеет первостепенное значение. В настоящем исследовании рассматривается роль женщин-писательниц XIX столетия в социокультурных и политических процессах Англии и Франции, описываются функции женских образов Коринны и Эллы Мордонт, излагаются

особенности психологического изображения характеров. Специфика взаимоотношений женских и мужских персонажей в романах Оупи и де Сталь прослеживается в контексте идеологического конфликта женщины и общества. При сопоставлении авторской интерпретации темы социального положения женщины и отношения к институту брака, а также к вопросам женской свободы и независимости представлены существенные различия в повествовательных парадигмах Амелии Оупи и Жермены де Сталь.

Ключевые слова: «Appearance Is Against Her» Амелии Оупи, «Коринна, или Италия» Жермены де Сталь, английская литература, французская литература, центральный женский образ, женская проза, феминизм, романтизм.

Для цитирования: Юханова А.А. Женщина и общество в зарубежной литературе XIX века (на материале романов Амелии Оупи и Жермены де Сталь) // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. С. 181–197. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-181-197.

Original scientific article

WOMAN AND SOCIETY IN THE 19TH CENTURY FOREIGN LITERATURE (IN THE WORKS OF AMELIA OPIE AND GERMAINE DE STAËL)

Alina A. Yukhanova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

alinayuhanova@mail.ru, AuthorID: 1272870, <https://orcid.org/0009-0002-9979-0200>

Abstract. The article provides a comparative analysis of the poetics distinctive features of Amelia Opie and Germaine de Staël, whose ideological and aesthetic concepts were represented in the literary discourse of 19th century in England and France.

The biographical information presented in the study confirms the friendly alliance between the writers, who were active figures in the fields of English and French politics and culture. Identifying

the peculiarities of literary reception of de Staël's ideas in Opie's novels defines the aim of the research and is based on a comparative analysis of intertextual connections in the authors' prose works.

The study is based specifically on the novels «Appearance Is Against Her» (1813) by Amelia Opie and «Corinne, or Italy» (1807) by Germaine de Staël. Identification of key artistic aspects allows to examine the narrative similarities and differences between the two works in close connection, which determines the relevance of the issue. Central to the aesthetic system of Oupy's and de Staël's novels is the social issue of gender, within which the conflict between women and society is of paramount importance. The research examines the role of the 19th century women writers in the sociocultural and political processes of England and France, describes the functions of the female characters Corinne and Ella Mordaunt, and explores the aspects of their psychological depiction. The relationships between female and male characters in the novels of Opie and de Staël are represented in the framework of the ideological conflict between woman and society. By comparing the authors' interpretation of woman's social role and by examining attitudes toward the institution of marriage, as well as issues of woman's independence, significant differences in the narrative paradigms of Amelia Opie and Germaine de Staël are revealed.

Keywords: «Appearance Is Against Her» by Amelia Opie, «Corinne, or Italy» by Germaine de Staël, English literature, French literature, female protagonist, women's fiction, feminism, romanticism.

For citation: Yukhanova Alina A. Woman and Society in the 19th Century Foreign Literature (in the Works of Amelia Opie and Germaine De Staël) // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XIX. M.: Publishing Bookselling House "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2025. Pp. 181–197. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-181-197.

© Юханова А.А., 2025

Введение

Данная статья посвящена особенностям репрезентации темы социального положения женщины в литературном дискурсе Англии и Франции XIX века. Целью компаративного исследования является изучение принципов художественной рецепции идейно-

эстетических концепций французской писательницы Жермены де Сталь в творчестве английской романистки Амелии Оупи. Компаративный анализ осуществляется *на материале* романов «Appearance Is Against Her» (1813)¹ Амелии Оупи и «Коринна, или Италия» (1807) Жермены де Сталь в контексте социальной гендерной проблематики и романтических категорий. Поставленная цель обуславливает *задачи*, решаемые в рамках исследования: проследить социальные, идейные и литературные связи Амелии Оупи и Жермены де Сталь; определить общественную позицию писательниц и степень их вовлеченности в процессы национальной политической и культурной жизни; определить интертекстуальные связи в произведениях Оупи и де Сталь; сопоставить романы «Appearance Is Against Her» и «Коринна, или Италия» и в ходе анализа выявить специфику изображения идеологического конфликта женщины и общества. *Методологической основой* исследования стали работы П. Бэкшайдер (Paula R. Backscheider), С. Берендт (Stephen Behrendt), С. Брайтвелл (Cecilia Lucy Brightwell), Н.А. Литвиненко, М. Макгрегор (Margaret Eliot MacGregor), П. Фельдман (Paula R. Feldman).

Основная часть

Для культуры Англии и Франции эпохи рубежа XVIII–XIX веков и первой половины XIX столетия характерно активное участие женщин-писательниц в социальных, политических и культурных процессах общественной жизни. Интерес к вопросам положения женщины в семье и обществе становится предметом рефлексии в европейской литературе, в то время как проблема индивидуальной свободы женщины составляет основу художественного конфликта, который с энтузиазмом разрабатывают в своих произведениях писательницы романтической школы.

Во Франции к гендерной социальной проблематике обращается Жермена де Сталь (1766–1817), чья литературная и общественная деятельность сыграла важнейшую роль в становлении этих идей на рубеже XVIII и XIX веков. Являясь «живым воплощением новых феминистских устремлений эпохи» [Литвиненко, 2023, с. 133], де Сталь живо реагирует на изменения, касающиеся

¹ Перевод романа А. Оупи «Appearance Is Against Her» на русский язык отсутствует, в связи с чем название произведения и его цитирование в настоящей работе приводятся на английском языке.

социальной роли и духовной жизни женщины XIX века, и с особой художественной силой отражает их в своем романном творчестве. Изучая специфику художественных текстов французской культуры, Н.А. Литвиненко заключает: «Социально-национальные особенности изображения положения женщины в семье и обществе выполняли в романистике и публицистике эпохи, особенно в сентименталистском романе, социально конкретизирующую функцию, углубляя и трансформируя экзистенциально-личностные аспекты изображения персонажей, межличностных общественных отношений» [Литвиненко, 2023, с. 131]. Так, взгляды Жермены де Сталь на социальные догмы и роль женщины в обществе воплощаются в романе «Коринна, или Италия» (1807).

Литература Англии в неменьшей степени ощутила на себе влияние новых философско-эстетических идей и социальных движений. Прогрессивные тенденции общественной мысли выражены в творчестве английской романистки и поэтессы Амелии Оупи (1769–1853), занимавшей «активную позицию в публичном дискурсе по вопросам подлинной социальной, политической и экономической важности» [Behrendt, 2009, p. 9]¹. Значимое участие Оупи в социально-культурных процессах «приветствовалась во многих кругах» [Behrendt, 2009, p. 9], что также справедливо и по отношению к ее современницам – английским поэтессам Ханне Мор и Анне-Летиции Барбо, Анне Сюард и Шарлотте Смит. Как отмечает Пола Бэкшайдер, поэтессы-активистки в Англии «стали совещательным органом, группой, которая в своих произведениях осознавала право вмешиваться в процессы национальной жизни и её дискуссии, а также воспринималась как имеющая это право» [Backscheider, 2005, p. 8].

Амелия Оупи вошла в историю английской литературы как романистка, автор прозаических сборников, отражающих широкий спектр социальных явлений XIX века, и поэтесса. Произведения Оупи еще при жизни активно публиковались и переиздавались на родине писательницы и за ее пределами, переводились на другие языки (романы «Adeline Mowbray» и «Lady Anne and Lady Jane» были переведены на русский язык в начале XIX века), получали высокую оценку современников и признание читателей.

¹ Здесь и далее перевод мой, если не указано иное. – А.Ю.

В предисловии к мемуарам Оупи ее душеприказчик Томас Брайтвелл (1787–1868) пишет: «Её работы подверглись испытанию публичной критикой, и некоторые дополнительные свидетельства, встречающиеся в мемуарах, указывают на благоприятные впечатления, которые эти работы произвели. Можно увидеть, что сэр Вальтер Скотт, доктор Чалмерс, Саути и другие известные личности в равной степени согласились отдать дань восхищения ее способности трогать сердца и пробуждать нежные чувства» [Brightwell, 1854, p. 5]. Следовательно, анализ романного творчества Амелии Оупи позволяет выявить ведущие особенности авторской поэтики и соотнести их с художественным дискурсом английской и мировой литературы XIX века, что обуславливает актуальность выбранной темы для российского литературоведения.

Оупи приобрела национальную известность в первую очередь благодаря романам. В этих произведениях, получивших признание читателей и литературных критиков, находят отражение темы любви, брака и семьи, актуализируются проблемы общественных предрассудков и женской эмансипации, производится художественное осмысление традиционных гендерных норм английского социума. Дочь политического радикала Джеймса Элдерсона, уроженка Нориджа – города, который являлся центром радикальной мысли, Оупи разделяла политические воззрения отца и состояла в тесных дружеских связях со многими прогрессивными мыслителями своей эпохи, включая писательницу и теоретика феминизма Мэри Уолстонкрафт (1759–1797) и политического философа и романиста Уильяма Годвина (1756–1836) [Behrendt, 2009, p. 307].

Жермена де Сталь и Амелия Оупи, чьи творческие поиски и художественные открытия осуществлялись в контексте одной исторической эпохи, входили в круги творческой и интеллектуальной элиты, что обеспечило писательницам личное знакомство и близкое общение друг с другом. Встреча Оупи и де Сталь состоялась в 1813 году в Лондоне, куда английская романистка ежегодно отправлялась с визитами [Feldman, 1997, p. 527]. Письма и воспоминания Оупи, относящиеся к данному периоду, «полны живых описаний людей и событий того времени» – «в них фигурируют многие имена выдающихся личностей: лорда Эрскина и г-жи де Сталь, Шеридана, лорда Байрона...» [Brightwell, 1854, p. 18–19]. Действительно,

во время поездок в столицу Оупи также завела знакомство с Байроном, Китсом, Вордсвортом, Саути, Скоттом, Ханной Мор и Каролиной Лэм [Feldman, 1997, p. 527]. Однако в художественном и идейном отношении наиболее значимым для Оупи стало знакомство с Жерменой де Сталь, в т. ч. с ее романом «Коринна, или Италия», изданном за шесть лет до личной встречи писательниц. Завоевав мировую славу, романтическое произведение де Сталь, в котором центральной фигурой становится исключительная женская героиня, оказало колоссальное влияние не только на французских писателей, но и на европейскую мысль вообще.

В 1813 году Оупи публикует сборник «Истории о настоящей жизни» («*Tales of Real Life*»), в который входят четыре романа: «*Lady Anne and Lady Jane*», «*Austin and His Wife*», «*The Mysterious Stranger*», «*Appearance Is Against Her*». Примечательно и вовсе не случайно, что год издания сборника совпадает с датой встречи Амелии Оупи с Жерменой де Сталь. О глубине впечатления, произведенного французской писательницей на английскую романистку, свидетельствует цитата из «Коринны, или Италии», которая появляется в тексте романа Оупи «*Appearance Is Against Her*» – заключительного (четвертого) произведения сборника «*Tales of Real Life*». Оупи отсылает к фрагменту из романа де Сталь, в котором героиня заявляет: «*Qu'il est digne d'envie le sort de la femme qui peut avoir ainsi conservé la plus parfaite unité dans sa destinée, et n'emporte au tombeau qu'un souvenir! c'est assez pour une vie*» [Opie, 1827, p. 315] («Как достоин зависти удел женщины, которая сберегла нерушимым свой семейный очаг и унесла в могилу лишь единственное воспоминание! Этого достаточно для целой жизни!» [Сталь де, 1969, с. 79].) Следовательно, Амелия Оупи в ходе повествования аллюзивно обращается к ключевым идеям Жермены де Сталь, к ее конкретному произведению, тем самым вступая в творческий диалог с французской писательницей. Элемент интертекстуальности в виде цитаты обнаруживает влияние художественных концепций де Сталь на поэтику Оупи, что подчеркивает идейно-эстетическая направленность произведения «*Appearance Is Against Her*».

Стоит отметить, что манера цитирования в приведенном фрагменте не совсем стандартна, так как Оупи встраивает строки де Сталь в нарратив романа посредством сноски, которая

сопровождает высказывание героини произведения. Миссис Риверс, предчувствуя скорую кончину из-за болезни, патетически рассуждает о преданности любимому супругу: «I do not remember to have ever looked with complacency on any man's face but his, or known pleasure from the attention of any other of his sex» («Я не помню, чтобы хоть однажды с удовлетворением смотрела на какого-либо другого мужчину, кроме него, или испытывала удовольствие от внимания других представителей его пола») [Ориэ, 1827, р. 315]. Образ миссис Риверс воплощает характер женщины, чья духовная жизнь подчиняется чувству безусловной любви и абсолютной верности мужу. В понимании англичанина Эдмунда Вейна – центрального мужского персонажа романа Оупи, имеющего психологические сходства с лордом Нельвилем, – в этом заключается высшая женская добродетель, которую он надеется обрести в характере будущей избранницы. Под влиянием речей миссис Риверс Эдмунд еще больше убеждается в своих чувствах и стремлениях. Рецепция мотивов романа де Сталь «Коринна, или Италия», сопровождающая данную сцену, позволяет Оупи опосредованно выразить личную авторскую оценку поведения и нравственного облика добродетельной – образцовой супруги миссис Риверс. Вступая в литературную полемику с пространством нарратива де Сталь, Оупи сознательно воспроизводит слова Коринны, которая, подобно миссис Риверс, воспевает способность женщины любить, хранить верность мужчине и обретать счастье в семейных радостях. Действительно, размышления романтической героини Коринны, прославляющей семейную идиллию и беззаветную женскую преданность, соответствуют патриархальной системе ценностей, где единственный общественный долг образцовой женщины – посвятить жизнь семье и состояться в качестве жены и матери. Данный социальный конструкт становится предметом авторской рефлексии и определяет смысловое содержание романа «Appearance Is Against Her», в котором Оупи, вслед за де Сталь, исследуя взаимоотношения женщины и общества, изображает характеры своей эпохи. Таким образом, аллюзивная отсылка к высказыванию Коринны выполняет функцию морально-нравственной оценки, проводимой с непосредственно авторской позиции, и дополняет смысловую парадигму романа.

Идеологическая сложность нового века в романистике Оупи, несомненно, сопрягается с особенностями развития английского общества и его восприятия института брака, в котором положение женщины остается подчиненным мужскому первенству и вписанным в патриархальную модель социального устройства. В этой связи следует отметить дуалистичность нарратива писательницы, поскольку феминизация романного пространства формирует противоречивую и неоднозначную связь с постулированием консервативных идей, существенно ограничивающих индивидуальную свободу женщины.

Полемический характер романа «*Appearance Is Against Her*», особенности изображения женских характеров и общественного уклада проявляются как в сходствах, так и в различиях с «Коринной, или Италией» де Сталь.

Во-первых, признаки сходства обнаруживаются в трагических судьбах ключевых персонажей – как женских, так и мужских: Элла Мордонт, подобно Коринне, является сиротой («*She had lost her parents at an early age*» – «Она потеряла родителей в раннем возрасте»), а полковник Эдмунд Вейн, как и лорд Нельвиль, болезненно переживает смерть любимого отца. Однако положение героя Оупи омрачается жестоким пренебрежением со стороны матери, обвиняющей сына в гибели мужа, на что указывает автор («*When his uncle, his father, and his sister died, and his mother refused to admit him to her presence, Edmond Vane found himself in the most painful of all situations to an affectionate heart*» – «Когда умерли его дядя, отец и сестра, а мать отказалась впускать его в свою жизнь, Эдмунд Вейн оказался в самой мучительной для его любящего сердца ситуации») [Opie, 1827, p. 269, 268].

Во-вторых, взаимоотношения персонажей-мужчин и их родителей формируют в обоих романах особенности проявления чувств (у полковника Вейна) и морально-нравственный порядок жизнепонимания (у лорда Нельвиля) – ключевые аспекты внутреннего мира героев, которые составляют основу их психологического облика. Ненависть матери оказывает деструктивное влияние на эмоциональное благополучие Эдмунда, подавляет его духовный энтузиазм и способность дарить счастье Другому. Оупи объясняет это так: «*This disappointment to his feelings, and another of a more painful nature, had given a pernicious shade to his character; and, by injuring his own capability of permanent happiness, had weakened if not destroyed his power*

to form the happiness of another» («Это разочарование, а также другое, более болезненное событие, омрачили его характер и, подорвав его собственную способность к постоянному ощущению счастья, ослабили, если не уничтожили, его стремление способствовать счастью другого человека») [Orie, 1827, p. 267–268]. В мировоззрении Освальда в произведении де Сталь нравственным абсолютом является умерший отец, чьими представлениями о добре и зле он руководствуется, теряя собственное понимание счастья и контроль над своими поступками («Отец мой!» – воскликнул Освальд, – если бы ты увидел Коринну, что бы ты подумал о ней?»; «Она самая обольстительная из женщин, но она итальянка; у нее не такое робкое, невинное, еще не познавшее себя сердце, как у юной англичанки, которую предназначил мне в жены отец» [Сталь де, 1969, с. 41, 53]). Следовательно, под влиянием внешних обстоятельств и социума мужские образы в произведениях Оупи и де Сталь утрачивают самостоятельность суждений, повинуются господствующим в обществе законам и ощущают на себе их разрушительную природу, силу которой не могут преодолеть. Прежде всего, такие черты мужской парадигмы мировосприятия актуализируются при взаимодействии героев с центральными женскими фигурами (Коринна и Освальд – в романе де Сталь, Элла и Эдмунд – в романе Оупи) и, более того, становятся антитезой женской ментальности. В этой связи характеристика мужских психологических портретов имеет значение в контексте художественного конфликта женщины и общества; социум персонифицированно представлен в образах Освальда и Эдмунда.

В-третьих, образы – Коринны и Эллы – тождественны в своей исключительности, что также сближает повествовательные модели Амелии Оупи и Жермены де Сталь. Обе героини отличаются независимостью мысли, свободой духа, нравственным превосходством над миром обывателей и богатой внутренней жизнью, полной глубоких чувств. Вслед за де Сталь и воплощением ею социальной гендерной проблематики Оупи сосредоточивает внимание на теме положения женщины в обществе. Показано, что манеры молодой состоятельной англичанки и богатой наследницы Эллы Мордонт, центрального женского образа романа «Appearance Is Against Her», становятся предметом общественного осуждения в светских кругах:

будучи открытой, приветливой и любезной собеседницей, Элла вызывает негодование мужского общества. С точки зрения консервативно настроенных англичан, Элла позволяет себе излишне непринужденное, фамильярное общение, в котором мужчины ошибочно распознают знаки симпатии: «Hitherto she had only felt a vague wish to charm generally, but never particularly; nor had she ever given Sir James, or any one, such encouragement as warranted their accusing her of dishonorable conduct» («До сих пор она испытывала лишь смутное желание очаровать кого-либо в целом, но никогда в частности; и она никогда не давала сэру Джеймсу или кому-либо еще такого поощрения, которое служило бы основанием для обвинений в бесчестном поведении») [Opie, 1827, p. 271]. Осознание собственных заблуждений на этот счет заставляет уязвленных представителей света распространять не имеющие достоверных оснований слухи и порождать предубеждения касательно характера Эллы. Не только личностные черты, но и творческие способности героини выставляются в негативном ключе. В частности, в романе звучит оценка из уст второстепенного персонажа: «Besides, she is a terrible dasher, and draws caricatures, and writes satirical verses...» («Кроме того, она ужасно легкомысленная особа, рисует карикатуры и пишет сатирические стихи...») [Opie, 1827, p. 264]. Элла Мордонт становится жертвой общественных предрассудков в ортодоксальном английском социуме, которое не способно принять индивидуальность женщины – исключительной личности, чьи привычки, манеры, занятия и образ жизни выходят за рамки общепринятых.

Изображая конфликт женщины и общества, Амелия Оупи обнаруживает связь своей героини с образом свободолюбивой и неординарно-творческой Коринны, чье мироощущение также встречает осуждение со стороны консервативного англичанина лорда Нельвиля, что отражено в оценке автора-повествователя: «Но как ни любил Освальд Коринну, как ни восхищался ею, он не забывал, насколько подобная женщина чужда всему жизненному укладу англичан, насколько не походит она на тот идеал, какой составил себе его отец...»; «...особенно он страшился, что ее могут осудить в Англии» [Сталь де, 1969, с. 88, 106]. Как характер Коринны, в мировоззрении Освальда, не соответствует традиционному представлению

об идеальной женщине – так устремления и поведение Эллы противоречат нравственным требованиям Эдмунда Вейна, который склонен верить суждениям светского общества и основывать на них свои выводы о женщине до личного знакомства с ней: «*She is an arrant coquette, and what I have seen confirms the character I have heard of her*» («Она – отъявленная кокетка, и то, что я видел, подтверждает слухи о её характере») [Ориэ, 1827, р. 273]. Живой характер Эллы настораживает Эдмунда, в чем обнаруживается сходство с реакцией лорда Нельвиля на манеры Коринны: «Ему казалось, что, при всем своем очаровательном обхождении с людьми, Коринна порой бывала чересчур оживленной, желая всем нравиться» [Сталь де, 1969, с. 96]. Следовательно, критерий социального одобрения, присущий мужской ментальности и отраженный в образах Освальда и Эдмунда, приверженцев английского общественного уклада, превалирует над самооценностью человеческой индивидуальности, личным выбором и духовной свободой. В обществе, которое бескомпромиссно подчиняется догмам и культивирует патриархальные традиции, исключительная натура женщины становится препятствием и угрозой для привычных форм общественных взаимоотношений, где каждому отведена своя роль.

Итак, сфера идейно-художественных функций женских образов в романах де Сталь и Оупи объемна: Коринна и Элла самостоятельны, деятельны и предприимчивы, их духовный облик составляет центр каждого из романов, а психологическое содержание образов углубляет изображаемый конфликт женщины и общества.

Гениальная, поэтичная, чувственная натура, Коринна, страдает от предрассудков, моральных законов и холодной рассудочности чуждого ей английского социума, представителем которого является ее возлюбленный Освальд. Исключительная героиня ощущает на себе давление извне и предпринимает попытки противостоять ему. Де Сталь констатирует: «Коринна отнюдь не была ветреной, но она сознавала, что любовь к Освальду с каждым днем все больше ее поработочает, и вздумала попытаться ослабить силу этого ига» [Сталь де, 1969, с. 89]. Кроме того, мятежный дух Коринны заставляет ее вспомнить, что «в подобных случаях надлежит поступать не по принятым правилам, а сообразно своему характеру» [Сталь де, 1969, с. 89].

В подобном ключе высказывается и Элла Мордонт, которая, испытывая тревогу за собственное положение в обществе, все же остается верна своим принципам: «I can only say, that if my manners and habits be ever so wrong, they are my habits and manners, they are part of me, and I cannot be hypocrite enough to change or disguise them» («Могу лишь сказать, что если мои манеры и привычки хоть немного неправильны, то это мои привычки и манеры, они – часть меня, и я не могу быть столь лицемерной, чтобы менять или скрывать их») [Opie, 1827, p. 286]. Элла выражает убежденность в том, что ей не следует ориентироваться на нравственные оценки отдельных личностей и соответствовать тем общественным ожиданиям, которые она не разделяет: «Colonel Vane should like me on my own terms, or dislike me as he chose» («Полковник Вейн может либо полюбить меня на моих условиях, либо невзлюбить по своему выбору»); «My own sense of right has hitherto always been my rule of action, and ever shall be» («Мое собственное чувство справедливости всегда было и останется моим правилом поведения») [Opie, 1827, p. 285, 356].

В результате несомненным представляется влияние образа Коринны на образ Эллы, при создании которого Оупи ориентировалась на творческие открытия своей французской современницы Жермены де Сталь. Высказывания Эллы о собственной исключительности и независимости созвучны идеям Коринны, которая заявляет: «Все, что вы говорите, справедливо и вполне разумно в применении к обычным обстоятельствам и обычным натурам. Но вы невольно причинили бы мне зло, если бы стали судить о моем характере, исходя из общепринятых представлений, которые основаны на прописных истинах» [Сталь де, 1969, с. 181].

Вместе с тем Амелия Оупи, продолжая художественное осмысление конфликта, представленного в «Коринне, или Италии», сужает, по сравнению с де Сталь, проблематику культурных границ своего произведения, воссоздавая противостояние женщины и общества в английской социальной среде и тем самым интерпретируя данную тему в контексте определенного национального культурного дискурса. Иными словами, если в романе де Сталь императивы английского мышления вступают в инокультурное противостояние в лице итальянки Коринны, то в романе Оупи они имманентно вписаны в английскую общественную парадигму, в которой проявляют

себя не менее деструктивно, чем в столкновении с аксиологическими принципами иных народов.

Конфликт женщины и общества в романах «Коринна, или Италия» Жермены де Сталь и «Appearance Is Against Her» Амелии Оупи разрешается в принципиально различных парадигмах. Коринна завершает свой жизненный путь и умирает, не имея возможности обрести желаемый идеал и навсегда соединить свою судьбу с лордом Нельвилем. Современный исследователь свидетельствует: «Иррациональный, сакрализуемый возвышенный женский и в то же время универсальный сентименталистский миф о любви-счастье – один из ранних абрисов мифа о голубом цветке – ляжет в основу эстетического мироощущения многих романтических героев. В литературе первой половины XIX века он станет знаком преодолеваемого или не преодолеваемого диссонанса между рациональным и иррациональным» [Литвиненко, 2023, с. 132]. Романтическая личность в лице Коринны побеждена системой, в которой главенствуют расчет, холодный разум и универсальные догмы в противовес индивидуальному счастью.

В подчеркнуто противоположной тональности завершается роман Амелии Оупи. Элла Мордонт принимает решение всецело посвятить себя семейной жизни с Эдмундом Вейном, добровольно отказавшись от светских развлечений, творческой самореализации и каких-либо внешних социальных связей. Элла осуждает себя за прежнюю фамильярность манер, которые делали ее недостойной в глазах общества и полковника Вейна: «I know my manner was too familiar, too inviting; I know that it provoked and tolerated from your sex too much familiarity; and that, but for my manners, neither the writer of the letters, nor you, could ever have admitted a suspicion of my guilt» («Я знаю, что моя манера поведения была слишком располагающей; я знаю, что она провоцировала и допускала со стороны вашего пола слишком большую фамильярность и что, если бы не мои манеры, ни автор писем, ни вы никогда бы не заподозрили моей вины») [Opie, 1827, p. 380]. Героиня романа видит главную цель своего существования в служении общественному долгу, соблюдении предписанных приличий и исполнении обязанностей жены: «For you, and you alone, I am contented to live; you alone I wish to please» («Ради вас, и только ради вас я готова жить; только вам я хочу угодить») [Opie, 1827, p. 380]. Элла желает любыми

способами избежать ревности Эдмунда, даже если для этого ей придется отказаться от светского образа жизни. Кроме того, Элла подчеркивает, что ее супруг свободен от подобных ограничений выхода в свет, так как героиня не сомневается в его чести и верности, однако сама не желает совершать ошибок и давать поводов для ревности, к которой в высшей степени склонен Эдмунд: «You may occasionally enter the gay world, for I am not jealous; and I can rely on your affection and honor» («Вы можете время от времени вступать в светский мир, ибо я не ревную; и я могу рассчитывать на вашу привязанность и честь») [Orie, 1827, p. 380]. Элла Мордонт соглашается строить свое счастье согласно условиям, которые общество выдвигает примерной жене и добродетельной женщине. Подчинившись социальным законам, героиня отказывается от своих прежних претензий на свободу самовыражения и противопоставления себя общественной системе, частью которой сознает себя в финале романа.

О последующей рецепции идей де Сталь в поэтике Оупи в 1820-е годы свидетельствуют найденные отрывки из рукописи предполагаемого эпистолярного романа, который не был завершен Оупи: «Рукопись рассказа, обнаруженная среди черновиков миссис Оупи, состоит из десяти писем и нескольких страниц простого повествования. Сюжет таков: две молодые женщины влюблены в одного и того же мужчину. Эудора Вилларс – типичный носитель добродетели и благоразумия; Марсия Делаваль, с ее экстравагантностью, пренебрежением к условностям, неконтролируемыми эмоциями, во многом похожа на Коринну» [Macgregor, 1933, p. 86]. Несомненно, Амелия Оупи на разных этапах своего длительного творческого пути обращалась к идейно-эстетическим концепциям Жермены де Сталь, полемизировала с ними и вступала в тот художественный диалог, который навсегда связал имена де Сталь и Оупи в литературном дискурсе.

Выводы

Анализ сходства и различий произведений «Коринна, или Италия» Жермены де Сталь и «Appearance Is Against Her» Амелии Оупи позволяет утверждать, что идеи, мотивы и образы романа де Сталь служили для Оупи ориентиром, который английская писательница интерпретировала как конфликт женщины и общества в своей индивидуальной манере. Оставаясь в рамках традиций английской культуры, Оупи постулировала

идею патриархальной модели семьи, в которой женщина реализуется исключительно в бытовом и семейном пространстве. Специфика финала двух произведений составляет ключевое отличие нарратива де Сталь и Оупи.

Кроме того, Жермена де Сталь во Франции и Амелия Оупи в Англии оказали существенное влияние не только на становление и развитие феминистической мысли в национальных литературах своих стран, но и на эволюцию европейской женской прозы в целом. Создавая произведения в один и тот же исторический период, однако в разных культурных парадигмах, писательницы воспроизводят социально-политические течения наблюдаемого ими общества – французского и английского соответственно, а также транслируют индивидуальные взгляды на происходящие социальные изменения, в ходе которых роль женщины в общественно значимых процессах становилась более активной, заметной и деятельной. С помощью уникальных женских образов Жермена де Сталь и Амелия Оупи актуализировали в мировой литературе социальную гендерную проблематику, в рамках которой конфликт женщины и общества занимает центральное место.

Источники

Сталь Ж. де. Коринна, или Италия. М.: Наука, 1969. 438 с.

Opie A. Appearance Is Against Her // Opie A. Tales of Real Life. Boston: S.G. Goodrich, 1827. Pp. 259–380.

Литература

Литвиненко Н.А. Байронизм и жоржсандизм в первой половине XIX века – социокультурные мифы романтизма: типология несходства // Вестник Московского университета. Серия Филология. 2023. № 5. С. 126–139.

Backscheider P. Eighteenth-century women poets and their poetry: inventing agency, inventing genre. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005. 514 p.

Behrendt S. British women poets and the romantic writing community. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009. 349 p.

Brightwell C. Memorials of the life of Amelia Opie, selected and arranged from her letters, diaries, and other manuscripts. Norwich: Fletcher and Alexander, 1854. 410 p.

Feldman P. British women poets of the Romantic era: an anthology.

Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. 879 p.

MacGregor M. *Amelia Alderson Opie: Worldling and Friend*. Menasha: Collegiate Press, 1933. 144 p.

References

Sources

Staël G. de. *Korinna, ili Italiya* [Corinne, or Italy]. M.: Nauka Publishing House, 1969. 438 p.

Opie A. *Appearance Is Against Her* // Opie A. *Tales of Real Life*. Boston: S.G. Goodrich, 1827. Pp. 259–380.

Literature

Litvinenko N.A. *Bajronizm i zhorzhsandizm v pervoj polovine XIX veka — sociokul'turny'e mify` romantizma: tipologiya neskhozdstva* [Byronism and Georgesandism in the First Half of the 19th Century as Sociocultural Myths of Romanticism: a Typology of Distinctivity] // *Bulletin of Moscow University. Series Philology*. 2023. № 5. Pp. 126–139.

Backscheider P. *Eighteenth-century women poets and their poetry: inventing agency, inventing genre*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005. 514 p.

Behrendt S. *British women poets and the romantic writing community*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009. 349 p.

Brightwell C. *Memorials of the life of Amelia Opie, selected and arranged from her letters, diaries, and other manuscripts*. Norwich: Fletcher and Alexander, 1854. 410 p.

Feldman P. *British women poets of the Romantic era: an anthology*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. 879 p.

MacGregor M. *Amelia Alderson Opie: Worldling and Friend*. Menasha: Collegiate Press, 1933. 144 p.

Сведения об авторе

Юханова Алина Андреевна — аспирант департамента филологии института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет. Научные интересы: английская литература XIX века, романтизм.

Information about the Author

Alina A. Yukhanova — postgraduate student of the Department of Philology of the Institute of Humanities, Moscow City University. Research interests: English Literature of the 19th century, romanticism.

Научно-практическая статья

УДК 82.091

DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-198-209

ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ В РОМАНАХ «Я ИСПОВЕДУЮСЬ» Ж. КАБРЕ И «ВИЗИТ К МИНОТАВРУ» А. И Г. ВАЙНЕРОВ

Беляева Вера Евгеньевна

Московский городской педагогический университет, Москва,
Российская Федерация;

belyaevave@mgpu.ru, AuthorID: 765682

Аннотация. Произведения советских писателей А. и Г. Вайнеров и каталонского романиста Ж. Кабре посвящены широкому кругу нравственных и эстетических вопросов. Основанием для сравнения романов «Я исповедуюсь» (2011) и «Визит к Минотавру» (1971) является, в первую очередь, схожий сюжет – утрата и обретение бесценного музыкального инструмента и связанный с ним ряд мотивов (гениальности как проклятия, справедливого суда, поиска своего предназначения), а также наличие нескольких перекликающихся темпоральных сюжетных пластов и исторических образов.

Ключевые слова: жанр, травма, исповедальность, детектив, скрипка, гений.

Для цитирования: Беляева В.Е. Опыт сравнения художественных систем в романах «Я исповедуюсь» Ж. Кабре и «Визит к Минотавру» А. и Г. Вайнеров // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. С. 198–209. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-198-209.

Original scientific and practical article

**THE ATTEMPT TO COMPARE ARTISTIC SYSTEMS
IN THE NOVELS “I CONFESS” BY J. CABRET
AND “A VISIT TO THE MINOTAUR”
BY A. AND G. VAYNERS**

Vera E. Belyaeva

Moscow City University; Moscow, Russian Federation;
belyaevave@mgpu.ru, AuthorID: 765682

Abstract. The works of Soviet writers A. and G. Vainer and the Catalan novelist J. Cabret explore a wide range of moral and aesthetic questions. The basis for comparing the novels “I Confess” (2011) and “Visit to the Minotaur” (1971) is, first and foremost, their similar plots – the loss and discovery of a priceless musical instrument and a number of related motifs (genius as a curse, a just judgment, the search for one’s destiny), as well as the presence of several overlapping temporal layers of plot and historical imagery.

Keywords: genre, trauma, confessing voice, detective fiction, violin, genius.

For citation: Belyaeva Vera E. The Attempt to Compare Artistic Systems in the Novels “I Confess” by J. Cabret and “A Visit to the Minotaur” by A. and G. Vayners // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XIX. M.: Publishing Bookselling House “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2025. Pp. 198–209. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-198-209.

© Беляева В.Е., 2025

Введение

Материалом для настоящего исследования стали роман братьев Вайнеров «Визит к Минотавру» (1971), который значительно раздвигает рамки детективного жанра и претендует на звание философско-аллегорического романа вследствие широкого охвата этических вопросов и глубокого погружения в онтологию гениальности, и роман Ж. Кабре «Я исповедуюсь» (2011) как явление современного эпического жанра,

где многочисленные персонажи в условиях разворачивающихся исторических конфликтов усваивают духовные уроки.

Цель работы – сравнение романов братьев Вайнеров и Кабре в аспекте их художественной систематики. В *задачи* работы входит описание специфики в образном строе романов, выявление мотивики, определение «несущих» структур идейного комплекса сравниваемых произведений. В исследовании применяются *метод* компаративного анализа, а также герменевтический и культурно-исторический методы.

Основная часть

Отражение духа времени в романах Вайнеров и Кабре

Произведения братьев Вайнеров и Кабре являются порождением своих решительно отличных друг от друга эпох и отражают их наиболее характерные тенденции. Вместе с тем в романах обнаруживается ряд оснований для сопоставительного анализа, поскольку их авторы ориентированы на типологически схожие приемы в организации своих художественных систем: многоуровневый хронотоп, мотивы вины и утраты, топос Гения, образная дихотомия «мастер – ученик»; кроме того, в романах выявляется тематическое родство в перцепции искусства и времени.

Романы советских и каталонского авторов разделяют четыре десятилетия. За этот период в масштабах цивилизованного мира успели произойти поистине тектонические сдвиги в политике, экономике и культуре. История человечества безжалостна: «великий нарратив» примата справедливости, победы Добра над Злом, торжества правды над ложью был упразднен вследствие утраты Советским Союзом идеологического влияния. Это в свою очередь ознаменовало начало новой эпохи в восточном полушарии: эры полуправды, локальных мифов, переоценки традиционных ценностей в пользу транснациональных идиологем и воцарения всепоглощающего чувства вины стран постсоветского макрорегиона за свое прошлое.

Особенности романов в ракурсе их сюжетных систем

Сюжетная система романа «Визит к Минотавру» категорично разделяет два временных пласта: итальянский мир XVIII столетия, в котором творили легендарные мастера Амати, Страдивари, Гварнери и дель Джезу, и советский мир шестидесятих годов

XX века. «Итальянские» главы обособлены от «современного» повествования графически – за счет визуально ощутимого уменьшения шрифта и отточия по окончании текста. Подобный прием обусловлен желанием авторов придать наибольшую реалистичность и динамику «итальянской фабуле», роль которой в замысле произведения рядовой советский читатель мог недооценить. Однако именно наличие самостоятельного сюжетного пласта, хронотопически связанного с родиной великих скрипок, сообщает работе Вайнеров необходимую глубину и служит пролегоменом к одному из важнейших смысловых узлов романа – спаянности образов мастера и вверенного ему (по велению свыше) инструмента. (Литература всегда ощущала практически мистериальное значение выдающегося образа персонажа и его «орудия» воздействия: Ахилл – щит, Король Артур – меч Экскалибур, Садко – гусли, Робин Гуд – лук, Гамельнский крысолов – дудочка и др.)

Роман Кабре «Я исповедуюсь» гораздо более эклектичен с точки зрения организации фабулы и хронотопа. В его структуре, согласно авторскому замыслу, сосуществуют пять темпоральных пластов с временной протяженностью более семи веков. В отличие от советского, переходы в каталонском романе от одного эпизода к другому графически не выделяются и представлены в тексте произведения диффузно, за исключением нескольких фрагментов, относящихся к эпизодам, действующим лицом в которых становится друг главного героя (изначально второстепенный персонаж), – в этом случае «чужое слово» выделяется курсивом. Восприятие текста читателем, таким образом, происходит на уровне ассоциаций и слияния / расхождения образов и сюжетных эпизодов, а не на уровне логико-семантической связи текстовых фрагментов. Подобный прием аранжировки текста, безусловно, существенно затрудняет восприятие читателем повествования, однако он органичен для мотивно-тематического комплекса романа Кабре, системообразующим смыслом которого является идея исторической травмы.

Очевидное схождение в способах аранжировки сюжета в сопоставляемых произведениях обнаруживается в богатом функционале образа музыкального инструмента – скрипки. Оба романа используют этот аксиологически безупречный образ в качестве связующего элемента сюжетных уровней, лежащих в разных временных плоскостях. Человеческий век

недолго, при этом жизненный путь предмета искусства часто во много раз превосходит его по протяженности. Описание генезиса и бытования старинной скрипки, проявляющееся в художественном мире романов в череде эпох, позволяет авторам поднять ряд философских и этических вопросов, ответы на которые можно получить, лишь проследив судьбу нескольких поколений персонажей.

Функционал образа скрипки в романах Вайнеров и Кабре

Судьба скрипки и судьбы соприкасающихся с этим артефактом персонажей становятся сюжетной осью обоих романов. Однако на этом сходство событийного вектора произведений заканчивается. В советском романе похищение скрипки происходит лишь однажды, и поиск пропавшего инструмента становится лейтмотивом произведения, тем самым выражая вечный конфликт Добра и Зла. В каталонском варианте скрипка меняет хозяев много раз, утрачивается и объявляется вновь и вновь, обнажая человеческую алчность и одержимость идеей обладания.

В романе Кабре отношение к скрипке служит своеобразным индикатором духовного уровня персонажей, а также отношения автора к герою. Так, отец героя-рассказчика, Феликс Ардевол, являясь страстным коллекционером и вместе с тем жестоким и циничным человеком, держит скрипку Сториони в «темнице-сейфе», тем самым лишая ее голоса и препятствуя самому предназначению музыкального инструмента – петь для людей [здесь и ниже: Кабре, 2023, с. 90, 82, 86, 97]. Одновременно с этим романист изображает и обратную сторону отношения Феликса к скрипке. Своему сыну он признается, что «принадлежит ей». Биография скрипки насыщена перипетиями: за свою жизнь она «обладала множеством различных музыкантов, служивших ей». На вопрос сына, зачем им скрипка, на которой ему нельзя играть, отец запальчиво отвечает: «Она нам нужна, чтобы она у нас была». Это алогичное объяснение, отдающее безумием, словно повторяет слова главного злодея «Визита к Минотавру», Григория Белаша: «Такие вещи воруют, чтобы не попадаться» [Вайнеры, 2024, с. 97]. Вожделенная вещь поработает и толкает на совершение преступления персонажей, моральные убеждения которых либо сомнительны, либо отсутствуют вовсе.

К сравнению, герои, представляемые авторами в позитивном

ключе, относятся к скрипке как к культурной святыне. У Вайнеров великий мастер Амати учит молодого Страдивари: «Дочь в семье должна выйти замуж. <...> Если бы мои скрипки никто не покупал, я раздавал бы их даром» [здесь и ниже: Вайнеры, 2024, с. 71, 25]. Гениальный скрипач Поляков понимает, что является лишь временным хранителем скрипки: «Скрипка – единственная вещь, не принадлежащая мне в этом доме. <...> Моя скрипка – общенациональное достояние».

Образ скрипки у Кабре исполнен в гораздо более темной цветовой гамме, чем у Вайнеров. По мере исследования романа «Я исповедуюсь» очевидным становится, что образ скрипки Сториони тесно связан с мотивом смерти. Так, древесина, из которой изготовили скрипку, была получена из дерева, которое проросло сквозь череп убитого инквизицией монаха-бенедиктинца [Кабре, 2023, с. 89]. Заготовитель древесины был также повинен в убийстве из чувства мести. Отца главного героя убили, когда он нес в руках футляр от скрипки. Гиойм-Франсуа Виал (очередной временный владелец скрипки) убил своего дядюшку кочергой во время ссоры. В Освенциме убили еврея, которому некоторое время принадлежала скрипка Сториони. Даже друг детства героя-повествователя, миролюбивый скрипач Бернат, признается ему, что он всегда надеялся, что скрипка перейдет к нему, если (читай «когда») его друг умрет раньше.

Вторая мировая война и Великая Отечественная война как важнейшие хроникальные этапы сюжетов

Ключевой исторический момент XX века оба автора видят в событиях конца 1930-х – первой половины 1940-х годов, что позволяет указать на значимые этапы их типологического схождения: у братьев Вайнеров это вошедшая в ткань души советского народа Великая Отечественная война, у Кабре – травма Второй мировой войны, облеченная в нарратив о Холокосте.

Так, в романе «Визит к Минотавру» следует обратить особое внимание на эпизод, связанный с концертом, который маэстро Поляков дает в блокадном Ленинграде для замерзающих и голодных слушателей. Пробираясь зимой 1943 года по Дороге жизни в осажденный город, гениальный скрипач Поляков прежде всего печется о сохранности бесценного музыкального инструмента, собственноручно сооружая для нее «бронезилет» из камеры спущенного колеса: «Кто знает, что может случиться

на такой дороге... А так я буду спокоен за инструмент – его наверняка подберут из воды...» [Вайнеры, 2024, с. 133]. Самоотверженный шаг Полякова служит отчетливым признаком великого человека. Его талантливый соперник Иконников проявляет малодушие и эгоизм, отклоняя, сказавшись больным, предложение поехать в осажденный Ленинград. Этим проступком он навсегда перечеркивает возможность войти в историю музыки как гениальный исполнитель. По мнению братьев Вайнеров, не совместимы не только «гений и злодейство», но и гений и трусость.

Ведущие мотивы романов

Важным элементом поэтики обоих романов становятся мотивы утраты и вины.

Внимание Кабре концентрируется на вполне осязаемых «практических» последствиях утраты скрипки Сториони. Потеряв скрипку, ее владелец лишается личного богатства, частного источника счастья или благополучия. Так, еврейское семейство везет скрипку с собой в переполненном вагоне навстречу смерти и страданиям как напоминание о том, что их счастливое будущее еще возможно, а злой рок обойдет стороной хотя бы детей. Неудивительно, что мотив вины у Кабре будет связан с темой Холокоста и феноменом «вины уцелевшего». Католическое «супра» звучит лейтмотивом в романе и передается от образа к образу через века, отраженные в повествовании. Герой-рассказчик – Адриа Ардевола – чувствует вину за смерть нелюбимого отца и своей любимой женщины; Бернат Пленса мучается виной за то, что не спас своего друга от редкой болезни; художница Сара Волтес-Эпштейн несет на себе груз печали всех молодых еврейских поколений, которые появились на свет потому, что другие евреи умерли за них.

В романе Вайнеров мотивы утраты и вины представлены по-иному. Утрата скрипки Страдивари для гениального скрипача Полякова стала синонимом потери доверия сограждан, которые ожидали его появления на сцене с бессмертным инструментом в руках. Морально-этическое переживание вины чуждо большинству персонажей детективной истории «Визита к Минотавру», поскольку идеологически персонажи советской временной линии романа разделены на два мира: мир государственных правоохранителей и мир преступников.

Последние не терзаются муками совести. Вайнерам более интересен духовный мир инспектора Тихонова, ведущего дело о пропаже скрипки. Его размышления, опасения и внутренние монологи – яркий пример конструктивной проработки характеров главных героев произведения.

Топос Мастера в исследуемых романах

Не менее важной сферой для сопоставления романов является обращение авторов к топосу гениального Мастера и его турбулентной судьбы.

Вайнеры разделяют мастеров и маэстро на три типа: во-первых, это истинные гении (Николо Амати, Антонио Страдивари, советский скрипач Поляков, у которого украли знаменитую скрипку); во-вторых, это мастера-ремесленники, которые умеют трудиться, но на которых не сошел дух гениальности (сыновья Страдивари Франческо и Омобони, возможно – Джузеппе Гварнери); наконец это мастера, не оправдавшие своего изначального дара или разрушившие его своей греховной жизнью (Андреа Гварнери, Джузеппе и Паоло Страдивари, мастер воровских фомок Мельник, бывший скрипач Иконников и настройщик фортепиано Григорий Белаш). Вопрос о природе гениальности решается Вайнерами в пушкинском духе: гений и злодейство несовместимы. Нравственная чистота, победа над обуевающими душу страстями (которые аллегорически нарекаются в романе «внутренним Минотавром») и кропотливый тяжелый труд – вот неотъемлемые свойства гения.

Кабре же не интересуют характеры итальянских лютье – мастеров по изготовлению струнных музыкальных инструментов. При этом он задается вопросом природы и пафоса мастерства. В «густонаселенном» романе каталонца многие персонажи могут претендовать на звание «маэстро» (в романских языках родственного слову «мастер»). Это и друг детства героя-рассказчика, Адриа Ардевола, – талантливый скрипач Бернат Пленса, и его (Адриа Ардевола) любимая женщина – художница Сара Волтес-Эпштейн. Бернат Пленса обладает природным даром скрипача: в детстве даже его дешевая скрипка могла заставить слушателей плакать и мечтать. И все же самой судьбой Бернату не предначертано стать первой скрипкой в оркестре, что омрачает его существование и уязвляет его профессиональную гордость. Решением проблемы он видит обладание скрипкой Сториони,

голос которой раскрыл бы его талант в полной мере. Художница Сара, образ которой актуален для Кабре в постановке вопроса о природе артистического мастерства, обладает сложным, но вместе с тем и цельным характером: писатель показывает, что нормы нравственности имеют для нее первостепенное и непреходящее значение. С точки зрения идейного наполнения системы образов Сара является неотъемлемой частью своеобразного треугольника: «язык – музыка – изобразительное искусство», где лингвист Адриа олицетворяет мутабельность истины, музыкант Бернат – отрешенность музыки, а Сара – пронзительность визуальной образности.

Роль исповедальной тональности в исследуемых романах

Исповедальность – еще одна существенная художественная деталь, позволяющая сопоставить элементы поэтики романов братьев Вайнеров и Кабре. Чистосердечное признание покаянной души персонажа – один из самых эффективных приемов общения писателя со своим читателем. С точки зрения читающего, пакт о доверии к изложенному на бумаге и изданному в обличии книги заключается с автором автоматически и в большинстве случаев пересмотру не подлежит (в качестве примера можно привести многочисленные «оправдательные» приговоры читателей таким антигероям, как Подпольный Человек, Гумберт Гумберт, Американский Психопат и проч.).

Уже само название романа Кабре «Я исповедуюсь» («Jo Confesso») подготавливает читателя к особому восприятию всего текста. Стилистика исповеди предполагает честное и подробное изложение деталей прошлых поступков, которые предоставляются на суд читателя, приравнивая его тем самым к суду Божьему. Открытость информации и правдивость ее изложения также являются условием исповеди героя перед читателем. В своем романе Кабре следует букве литературного закона, предписывая персонажам многословно и эмоционально «исповедоваться» перед читателем, что, несомненно, оказывает на последнего сильное катарсическое воздействие.

Телеология Вайнеров иная. Поскольку исповедальные беседы ведутся между персонажами, читателю при этом отводят роль тайного соглядатая. Более того, «чистосердечные признания» текстуально расположены в разноформатных эпизодах и облечены в стилистически отличающиеся коммуникативные

речевые регистры. Среди таких исповедей разговор Мастера и его ученика («И когда тебе будет столько лет, сколько мне, ты поймешь, что тень жизни нашей – это творение рук наших»), допрос преступника следователем («Потому что я точно знаю, что общество нуждается в негодах») или беседа юриста-правоохранителя со свидетелем («Каждый человек – хозяин маленького или большого собственного Минотавра») [Вайнеры, 2024, с. 72, 76, 58].

Выводы

Романы «Визит к Минотавру» А. и Г. Вайнеров и «Я исповедуюсь» Ж. Кабре обнаруживают ряд параллелей, которые могут служить основой для сравнительного анализа. Роднит романы обращение к архетипическому образу Мастера и его бессмертного творения. При этом идейные акценты в создании образов разнятся. Образ скрипки, рожденной титаническими усилиями великих мастеров, является у Вайнеров аллегорией наивысшей духовной ценности, овеществленной материальным миром (подобно Святому Граалю), а у Кабре – сверхценным предметом, вызывающим у персонажей желание обладать им. Романы также сближаются подходами авторов к выстраиванию сюжетного пространства, исследованию темы искусства и мотива вины и утраты. Мотив исповеди разворачивается в романах по-разному: у Кабре исповедь обуславливает стилистику нарратива и направлена на воздействие речи персонажа на читателя, у Вайнеров исповедальность просвечивает сквозь искренние беседы персонажей друг с другом.

Источники

Вайнеры А. и Г. Визит к Минотавру. Я, следователь... СПб.: Азбука, 2024. 800 с.

Кабре Ж. Я исповедуюсь. М.: Иностранка, Азбука–Аттикус, 2023. 736 с.

Литература

Джумайло О.А. Специфика романной исповедальности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 2 (168). С. 95–100.

Кириленко Н.Н. Русский уголовный роман – советский полицейский роман – постсоветский полицейский роман:

эволюция диалога // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 47–57.

Кудлай О.С. Исповедь в художественной литературе: границы и объем понятия // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83, № 1. С. 137–143.

Кузнецова Н.В. Миф о Минотавре в культурном контексте XX века: автореф. дисс. ... канд. культурологии. М., 2009. 22 с.

Самосюк Н.Л. Эволюция криминального романа во второй половине XX века // Пушкинские чтения – 2022. Классическая и новая словесность в XXI веке: жанр, автор, текст, медиатизация: Материалы XXVII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 6–7 июня 2022 года. СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2022. С. 267–277.

Уржумцева А.О. Библейские цитаты и аллюзии в тексте романа Ж. Кабре «Я исповедуюсь» // Романские языки и культуры: от античности до современности: сб. материалов VIII Международной научной конференции, Москва, 26–27 ноября 2015 года. М.: МАКС Пресс, 2016. Т. 1. С. 277–283.

References

Sources

Vaineers A. and G. *Vizit k Minotavru. Ja, sledovatel'...* [Visit to the Minotaur. I, the Investigator...]. SPb: Azbuka, 2024. 800 p.

Kabre J. *Ja ispovedujus'* [I Confess]. M.: Inostranka, Azbuka–Attikus, 2023, 736 p.

Literature

Dzhumailo O.A. *Specifika romannoj ispovedal'nosti* [Specifics of Novelistic Confessionality] // *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki* [Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences]. 2012. № 2 (168). Pp. 95–100.

Kirilenko N.N. *Russkij ugovnyj roman – sovetskij policejskij roman – postsovetskij policejskij roman: jevoljucija dialoga* [Russian Criminal Novel – Soviet Police Novel – Post-Soviet Police Novel: the Evolution of Dialogue] // *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin]. 2023. № 4 (67). Pp. 47–57.

Kudlai O.S. *Ispoved' v hudozhestvennoj literature: granicy i ob'em ponjatija* [Confession in Fiction: Boundaries and Scope of the Concept]

// *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]. 2024. Vol. 83, № 1. Pp. 137–143.

Kuznetsova N.V. *Mif o Minotavre v kul'turnom kontekste XX veka: avtoref. diss. ... kand. kul'turologi* [The Myth of the Minotaur in the Cultural Context of the 20th Century: Abstract of the Diss. ... Candidate of Cultural Studies]. M., 2009. 22 p.

Samosyuk N.L. *Jevoljucija kriminal'nogo romana vo vtoroj polovine XX veka* [The Evolution of the Crime Novel in the Second Half of the 20th Century] // *Pushkinskie chtenija – 2022. Klassicheskaja i novaja slovesnost' v XXI veke: zhanr, avtor, tekst, mediatizacija: Materialy XXVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 6–7 ijunya 2022 goda* [Pushkin Readings – 2022. Classical and New Literature in the 21st Century: Genre, Author, Text, Mediatization: Proceedings of the XXVII International Scientific Conference, St. Petersburg, June 6–7, 2022]. SPb.: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2022. Pp. 267–277.

Urzhumtseva A.O. *Biblejskie citaty i alljuzii v tekste romana Zh. Kabre “Ja ispovedujus”* [Biblical Quotes and Allusions in the Text of J. Cabret's Novel “I Confess”] // *Romanskie jazyki i kul'tury: ot antichnosti do sovremennosti: sb. materialov VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 26–27 nojabrja 2015 goda* [Romance Languages and Cultures: From Antiquity to Modernity: Collection of Proceedings of the VIII International Scientific Conference, Moscow, November 26–27, 2015]. M.: MAKSS Press, 2016. Vol. 1. Pp. 277–283.

Сведения об авторе

Беляева Вера Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет. Научные интересы: современная британская и американская литература, романы о Второй мировой войне, романы с комплексным хронотопом.

Information about the Author

Vera E. Belyaeva – PhD (Philology), Associate Professor; Associate Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities, Moscow City University. Research interests: contemporary British and American literature, World War II novels, novels with complex temporal structure.

ИЗ ЧАСТНОГО СОБРАНИЯ

Научная статья

УДК 821.111Вирек(73)

DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-210-230

ДЖОРДЖ СИЛЬВЕСТР ВИРЕК И АМЕРИКАНСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЧАСТНОГО СОБРАНИЯ

Молодяков Василий Элинархович

Университет Такусёку, Токио, Япония;

dottore68@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5892-0473>

Аннотация. Американский (германского происхождения) поэт, прозаик, журналист и редактор Джордж Сильвестр Вирек (1884–1962) на протяжении почти 60-летней деятельности (первое стихотворение опубликовал в 1898 году) был активным участником литературной жизни США, в которой занимал видное место, и общался с широким кругом писателей. Переписка Вирека использована в его биографиях, однако важные тексты остаются неопубликованными. В статье впервые размещены новые материалы (письма и инскрипты из принадлежащего автору частного Музея Джорджа Сильвестра Вирека) и обнародуются новые факты о его отношениях с американскими писателями, которые дополняют вышедшие ранее в свет исследования. Публикуемые материалы сообщают новые сведения о важных событиях в литературной деятельности Вирека: о возвращении в поэтический мир в 1924 году и о реакции на это его друга – поэта, переводчика и филолога Уильяма Эллери Леонарда; об истории наиболее известного романа Вирека «Мои первые две тысячи лет. Автобиография Вечного Жида» (1928), написанного в соавторстве с Полом Элдриджем, и о его авторской презентации, адресованной прозаику Синклеру Льюису, историку и социологу Гарри Элмеру Барнесу, адвокату и писателю Гарри Рикелю, который был связан с литературными знакомыми Вирека – прозаиком Фрэнком Гаррисом и критиком Майклом Монахэном.

Ключевые слова: американская поэзия XX века, американская проза XX века, Джордж Сильвестр Вирек, инскрипт, литературные отношения.

Для цитирования: Молодяков В.Э. Джордж Сильвестр Вирек и американские литераторы: новые материалы из частного собрания // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. С. 208–226. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-210-230.

Original scientific article

GEORGE SYLVESTER VIERECK AND AMERICAN WRITERS: NEW TEXTS FROM A PRIVATE COLLECTION

Vassili E. Molodiakov

Takushoku University, Tokyo, Japan;

dottore68@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5892-0473>

Abstract. German-born American poet, novelist, journalist and editor George Sylvester Viereck (1884–1962) for almost 60-year literary career (his first poem was published in 1898) was an active participant in the literary life of the United States, in which he occupied a prominent place, and corresponded with a wide range of writers. Viereck's correspondence is used in his biographies, but important texts remain unpublished. The article publishes new materials (letters and gift inscriptions located in the author's private George Sylvester Viereck Museum) and reveals new facts about his relationship with American writers, which complement previously published research. The published materials provide new information about important events in Viereck's literary activities: his return to the poetical world in 1924 and the reaction of his friend, poet, translator and philologist William Ellery Leonard; about the history of Viereck's most famous novel *My First Two Thousand Years. The Autobiography of the Wandering Jew* (1928), written in collaboration with Paul Eldridge, and about its presentation by the author addressed to novelist Sinclair Lewis, historian and sociologist Harry Elmer Barnes, lawyer and writer Harry Rickel, who was associated with Viereck's literary acquaintances – novelist Frank Harris and critic Michael Monahan.

Keywords: XXth century American poetry, XXth century American novel, George Sylvester Viereck, gift inscription, literary relations.

For citation: Molodiakov Vassili E. George Sylvester Viereck and American Writers: New Texts from a Private Collection // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XIX. M.: Publishing Bookselling House “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2025. Pp. 210–230. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-210-230.

© Молодяков В.Э., 2025

Введение

Джордж Сильвестр Вирек в литературе США XX века

Двадцать лет назад творчество американского (германского происхождения) поэта, прозаика, журналиста и историка Джорджа Сильвестра Вирека (George Sylvester Viereck; 1884–1962) было почти неизвестно в России и не упоминалось в трудах по истории литературы США. За прошедшие годы ситуация изменилась. На русском языке вышли переводы его романов «Дом вампира» (The House of the Vampire, 1907) в сопровождении ряда очерков и интервью [Вирек, 2013] и «Обнаженная в зеркале» (The Nude in the Mirror, 1953) [Вирек, 2015], очерков о поездке в СССР в 1929 году в сопровождении корпуса текстов на тему «Вирек и Россия» [Вирек, 2020]. Достаточно полное представление о жизни и творчестве Вирека дает биография, написанная автором настоящей статьи [Молодяков, 2015] (в библиографии указана необходимая литература) с использованием материалов своего частного собрания¹ [Молодяков, 2018а]. Творчество Вирека введено в научный оборот российского литературоведения, но перевод и комментированное издание его поэтического наследия остаются делом будущего.

Издание биографии Вирека не столько закрыло, сколько открыло тему, поскольку собрание продолжает пополняться. Ряд новых материалов уже увидел свет [Молодяков, 2020в; Молодяков, 2021; Молодяков, 2023]; другие впервые публикуются в настоящей статье на языке оригинала и в переводе.

Каково место Джорджа Сильвестра Вирека в литературе США первой половины XX века? Первый сборник стихов

¹ Музей Джорджа Сильвестра Вирека; далее указывается как инициалы имени, отчества и фамилии автора статьи – ВЭМ.

на английском языке «Ниневия и другие стихотворения» (Nineveh and Other Poems, 1907) (ему предшествовали два сборника на немецком языке) вызвал бурную полемику в печати, включая «New York Times», в которой участвовали поэты и критики разных поколений. Ее содержание вышло далеко за пределы обсуждения достоинств и недостатков конкретной книги и конкретного автора: спор шел о современном состоянии американской поэзии, если воспользоваться заглавием известного выступления Блока. В истории литературы Вирек остался прежде всего как поэт, хотя, на наш взгляд, несправедливо замкнутый позднейшей критикой в пределы 1900–1910-х годов и потому недооцененный – по причинам как литературного, так и внелитературного характера. Художественная проза Вирека, имевшая коммерческий успех и вызвавшая дискуссии, осталась вне поля зрения позднейших исследователей, кроме романа «Дом вампира», однако всплеск интереса к нему в 1980–1990-е годы был связан с его содержанием, а не с художественными качествами. Как поэт и беллетрист Вирек, несмотря на обширную литературу, появившуюся при его жизни и включавшую отзывы ведущих литераторов и критиков эпохи, посмертно не получил то место в американской литературе, которого достоин. В недавнее время первую попытку вписать его творчество в контекст истории литературы США предпринял автор настоящей работы [Молодяков, 2018б].

На протяжении 60-летней карьеры (первое стихотворение опубликовано в 1898 году, последние публикации относятся к 1959 году) Вирек был активным участником литературной жизни и общался с широким кругом писателей, критиков, редакторов и издателей. «Достаточно посмотреть переписку Вирека с великими современниками, чтобы понять всю меру того, как они им восхищались, – писал в 1954 году Элмер Герц, автор его первой биографии, написанной в середине 1930-х годов, но опубликованной только в 1978 году [Gertz, 1978]. – Увы, переписка рассеялась, но ее фрагменты попадают в каталогах торговцев автографами и должны быть сохранены» (автограф ВЭМ). Сравнение компактно сохранившейся части архива Вирека в библиотеке Айовского университета (University of Iowa Libraries. Papers of George Sylvester Viereck, 1896–1959) с кругом его знакомств показывает, насколько велик масштаб рассеянного или утраченного.

Первый период литературной славы Вирека можно назвать

декадентским [Молодяков, 2020б]. Он связан с шумным успехом его поэтических сборников «Ниневия и другие стихотворения» и «Свеча и пламя» (*The Candle and the Flame*, 1912) [Молодяков, 2015, с. 67–86, 121–129], с полемикой вокруг романа «Дом вампира» и написанной на его основе пьесы «Вампир» (*The Vampire*, 1908; не опубликована, текст не сохранился) [Молодяков, 2015, с. 94–102; Молодяков, 2020а; Молодяков, 2023], отчасти с обсуждением в критике книги очерков о поездке в Европу «Признания варвара» (*Confessions of a Barbarian*, 1912) [Молодяков, 2015, с. 105–111]. Вирек был если не первым американским декадентом (на это «звание» могли претендовать братья-поэты Фрэнсис и Эдгар Солтасы), но первым, кто добился успеха на этом поприще в Новом Свете. Он стал одним из основателей Американского поэтического общества (*The Poetry Society of America*) в 1910 году [Молодяков, 2015, с. 114–121] и выступил в качестве интерпретатора американской поэзии перед германской аудиторией [Молодяков, 2022].

Начавшееся в 1912 году «поэтическое возрождение» новаторских течений, прежде всего имажистов, бросило вызов декадентской поэзии и поэтике, которые трактовались новаторами как «вчерашний день». Вирек не принял вызов, оставшись верен своей позиции, что отразилось в сборнике «Песни Армагеддона и другие стихотворения» (*Songs of Armageddon and Other Poems*, 1916). Однако причиной остракизма, которому он был подвергнут в 1918 году вплоть до исключения из Американского поэтического общества (восстановлен в 1956 году по инициативе общества), стала не литературная деятельность, но прогерманская позиция, которой он придерживался во время нейтралитета США в 1914–1917 годах, вплоть до вступления страны в Первую мировую войну [Молодяков, 2015, с. 272–278]. Возвращение Вирека в поэтический мир состоялось в 1924 году, когда в популярной массовой серии «*Little Blue Books*» вышли «изборники» его стихов «Дом с привидениями и другие стихотворения» (*The Haunted House and Other Poems*) и «Три сфинкса и другие стихотворения» (*The Three Sphinxes and Other Poems*) [Молодяков, 2015, с. 322–325]. С этим событием связан первый из публикуемых нами новых документов.

Второй период литературной славы Вирека начался с выходом в 1928 году в США и в Германии написанного в соавторстве с Полом Элдриджем романа «Мои первые две тысячи лет.

Автобиография Вечного Жида» (*My First Two Thousand Years: The Autobiography of the Wandering Jew*, 1928), которому суждено было стать его наиболее «долгоиграющим» и коммерчески успешным литературным проектом. Ему посвящен второй блок публикуемых текстов. Обыгрывавший модные темы омоложения, достижения долголетия и физического бессмертия, психоанализ и теорию относительности, «рискованные» утверждения о природной бисексуальности человека и о существовании «третьего пола» роман и его продолжения «Саломея, Вечная Жидовка: мои первые две тысячи лет любви» (*Salome, the Wandering Jewess: My First 2,000 Years of Love*, 1930) и «Непобедимый Адам» (*The Invincible Adam*, 1932) составили «трилогию о бессмертных» [Молодяков, 2015, с. 336–348].

Позднейшие прозаические и особенно поэтические произведения Вирека не получили должного признания и даже отклика, но не по литературным, а по политическим причинам, прежде всего в силу его стабильно прогерманской позиции, не зависевшей от характера режима в «фатерлянде». Поэтому место Вирека в американской литературе первой половины XX века получило должное освещение только в России.

Все переводы выполнены автором статьи, если не указано иное.

Основная часть

«Возвращайся к музам в зрелые годы...»:

Уильям Эллери Леонард

и возвращение Вирека в поэтический мир

Поэт, переводчик и филолог Уильям Эллери Леонард (*William Ellery Leonard*; 1876–1944) с 1900 года был одним из ближайших друзей Вирека [Молодяков, 2015, с. 44–49] и общался с ним до конца 1930-х годов. Их сохранившаяся переписка завершилась в 1937 году, но утверждение о том, что Леонард порвал с другом по политическим мотивам [Reinitz, 2013, p. 195], ничем не подтверждается. В 1972 году библиотека Техасского университета (*University of Texas Library*) приобрела корпус писем Леонарда к Виреку за 1925–1937 годы [Brumbaugh, 1973]. Не имея возможности ознакомиться с ними, предполагаем, что письмо Леонарда от 4 апреля 1925 года (*ВЭМ*) хронологически предвещает их.

Публикуемое письмо (автограф на бланке «*The University of Wisconsin / Madison / Department of English*», где Леонард

преподавал с 1906 года) вклеено в экземпляр сборника стихов Леонарда «Тутанхамон и после. Новые стихи» [Leonard, 1924] с экслибрисом и владельческой записью Вирека шариковой ручкой на форзаце, но без адресованного ему инскрипта автора. Возможно, экземпляр исходно не принадлежал к библиотеке Вирека, но был таким образом «усилен» в конце 1940-х или в начале 1950-х годов, когда нуждавшийся писатель продавал через букинистов книги и автографы из своей библиотеки и подписывал экземпляры своих книг, чтобы повысить их цену (примеры имеются ВЭМ.).

4/4/25

Dear Sylvester,

Unanswered letters crowd more and more my desk-box, technical papers to be written (promised), or their pre-natal ghosts rather, black strangely the sunlight between me and my window; University committee sessions sour and depress... and a general bad conscience of friendships neglected and bills unpaid make me a sorry figure... Your sonnet is in the best vein of yours – go back to the muses with your mature years... the notion of poetry being only the explain of youth is true only of – youthful poetry. Neither the Aeneid, the Divine Comedy, the Othello nor the Paradise Lost, was the work of a youngster. Harvey has the number of the modern professor, – damn of he hasn't, – and the swindle of the whole Academe, with those few Exceptions – which the whole makes hell for the Exceptions, of which for god's sake still count your

WEL.

[ПЕРЕВОД:]

[4 апреля 1925]

Дорогой Сильвестр¹,

Оставшиеся без ответа письма всё больше и больше переполняют мой почтовый ящик, рабочие бумаги, которые нужно написать (обещанные), или их предродовые призраки, странным образом затмевают солнечный свет между мной и моим окном; заседания университетского комитета вгоняют в тоску и депрессию... а общее чувство вины из-за того, что я пренебрегал дружбой и не платил по счетам, придает мне жалкий вид... Твой сонет написан в лучшем твоём духе – возвращаясь к музам в зрелые годы... представление о поэзии лишь как о проявлении

¹ Друзья обычно называли Вирека «Сильвестр», а не «Джордж». – Прим. В.М.

юности истинно только – в юношеской поэзии. Ни «Энеида», ни «Божественная комедия», ни «Отелло», ни «Потерянный рай» не были написаны мальчишкой. У Харви есть черты «современного профессора», – будь он проклят, если у него их нет, – и жульничество всей Академии, за теми немногими Исключениями – которые превращают всё в ад для Исключений, среди коих, ради бога, еще числится ваш

УЭЛ.

Нет сомнения, что в 1924 году Вирек отправил Леонарду свои новые «изборники», поскольку он разослал их *всем* членам Американского поэтического общества в сопровождении писем (одно из них по экземпляру *ВЭМ* опубликовано [Молодяков, 2015, с. 323–324]), но реакция адресата на них нам неизвестна. Вероятно, Леонард в ответ послал ему свой новый сборник. Оба поэта были мастерами сонета (главное произведение Леонарда – поэма в сонетах «Две жизни» (Two Lives; 1922, 1925)), причем Вирек остался верным этой классической форме даже в послевоенные годы, когда она воспринималась как безнадежный анахронизм. Неудивительно, что в их переписке возник именно сонет. Среди известных стихотворений Вирека того времени сонет всего один – «На смерть архимандрита Патрика» (On the Death of the Archimandrite Patrick). Этот священник Северо-Американской митрополии до перехода в 1920 году в православие и принятия монашества с именем в честь святого Патрика в миру звался Джеймс Граттан Майсен (James Grattan Mythen; 1883–1924), принадлежал попеременно к католикам и англиканцам, боролся за избирательные права для женщин и за независимость Ирландии, а незадолго до смерти склонялся к униатам [Namee]. Патрик был другом и ценителем стихов Вирека, который тоже поддерживал ирландских патриотов. В итоговом собрании стихотворений «Плоть и кровь моя. Лирическая автобиографиями с нескромными примечаниями» (My Flesh and Blood. A Lyric Autobiography with Indiscreet Annotations, 1931) поэт снабдил этот сонет, как и все другие тексты, автокомментарием: «Религиозный инстинкт Майсена прошел через многие превращения. <...> Несомненно, он искал Бога на многих путях и во многих местах. <...> На его похоронах встретились Восток и Запад, Рим и Москва» [Viereck, 1931, p. 337–338].

Сомненье митрофорной головы,
Не поцелуй любви – смерть как итог:
Одной искрой – последней этой – стою
Сожжен. Награда Господа? Увы...
Пастух – суров, но всяк свое урви,
За то и кнут – ведь зря не будешь строг,
Пока собака-жизнь, почти что волк,
Мечты грызет, сойдя в людские рвы.

Холодным гневом этот взгляд сверкнул,
Когда скоты решили мстить Тому,
Кто создал Рай, но, насадив, замкнул, –
И плод запретный горек потому,
И столь тяжел сладчайший дым молитв –
Когда он горем вырван, с горем слит.¹

Идентифицировать упомянутого в письме Харви сложнее. По близости к адресату наиболее вероятный кандидат – это прозаик, литературный критик и редактор Александр Харви (Alexander Harvey; 1868–1949), знакомый Вирека с 1906 года и его коллега по работе в журналах «Current Literature» (с 1913 года «Current Opinion») в 1907–1914 годы и «American Monthly» в 1923–1927 годы [Молодяков, 2015, с. 87–93]. Харви не был «профессором», но выпустил ряд книг об английской и античной литературе: и та, и другая входили в круг интересов Леонарда. В собрании ВЭМ хранится его книга «Бегство Шелли» (Shelley's Elopement, 1918) с инскриптом: *To / George Sylvester Viereck / with gratitude and affection / from / Alexander Harvey / November 1918.* (ПЕРЕВОД: Джорджу Сильвестру Виреку с благодарностью и восхищением от Александра Харви. Ноябрь 1918.)

Отметим, что эта дружеская надпись сделана в самый разгар кампании против Вирека, приведшей к его исключению из Американского поэтического общества.

**«Посоветуйте друзьям заказать книгу,
пока ее не изъяли из продажи»:**

к истории романа Вирека «Мои первые две тысячи лет»

Вышедший в августе 1928 году роман Вирека и Пола Элдриджа (Paul Eldridge; 1888–1982) «Мои первые две тысячи

¹ Перевод Р.М. Семенова выполнен специально для настоящей статьи, за что приносим ему глубокую благодарность.

лет. Автобиография Вечного Жида» [Viereck, Eldridge, 1928] для обоих соавторов оказался наиболее коммерчески успешным и переиздавался даже после смерти Элдриджа, пережившего Вирека на двадцать лет. Общая концепция и исторические детали в совместно написанных произведениях принадлежали Виреку, беллетристическое оформление – в основном Элдриджу, ибо издатели считали, что Вирек пишет слишком умно и недостаточно занимательно. Вирек считал роман прежде всего своим детищем и рассылал его друзьям и литераторам (совместные инскрипты соавторов очень редки). Среди адресатов отметим Синклера Льюиса (Sinclair Lewis; 1885–1951), который в 1930 году первым из американских писателей был удостоен Нобелевской премии по литературе, и историка и социолога Гарри Элмера Барнеса (Harry Elmer Barnes; 1889–1968), многолетнего друга автора.

Приведем адресованные им инскрипты на экземплярах первого тиража романа (ВЭМ): *To the Father of Babbitt / from the Father of / Cartaphilus, / to Lewis Sinclair / from / George Sylvester Viereck, Greetings!* (ПЕРЕВОД: Отцу Бэббита от отца Картафилуса, Льюису Синклеру [так! – В.М.] от Джорджа Сильвестра Вирека, привет!)

«Бэббит» (Babbitt; 1922) – известный роман Льюиса, названный по имени главного героя. Картафилус – Вечный Жид, главный герой «Моих первых двух тысяч лет», с которым Вирек порой отождествлял себя. Почему он поменял местами имя и фамилию адресата, неизвестно: возможно, подсознательно вспомнил своего давнего оппонента Эптона Синклера (Upton Sinclair; 1878–1968). Когда в годы Второй мировой войны Вирек приобрел скандальную известность как «немецкий агент» и оказался в заключении, оба писателя саркастически изобразили его в своих произведениях: Льюис под именем Г. Сандерсон Сандерсон-Смит в романе «Гидеон Плениш» [Lewis, 1943; Льюис, 1947]; Синклер под именем Форреста Квадрата (Viereck по-немецки значит «четырёхугольник») в серии романов о Лэнни Бадде [Молодяков, 2015, с. 552–558].

Барнесу адресован более содержательный инскрипт: *To Harry Elmer Barnes, / Emancipator of America / from prudency and superstition / with the good wishes / of his admirer / Carthaphilus / alias / George Sylvester Viereck / 1929.* (ПЕРЕВОД: Гарри Элмеру Барнесу, освободителю Америки от благоразумия и суеверий с добрыми пожеланиями от его поклонника Картафилуса,

он же Джордж Сильвестр Вирек. 1929.)

Отношения Вирека и Барнеса рассмотрены нами ранее [Молодяков, 2020в] (здесь в русском переводе целиком приведено письмо Барнеса Виреку от 7 ноября 1954 года, *ВЭМ*). В 1920–1930-е годы их объединяли «исторический ревизионизм» относительно причин Первой мировой войны и борьба против «сухого закона», интерес к психологии и сексологии, неприятие ханжества, в том числе религиозного. Этому Барнес посвятил книги «Закат христианства» [Barnes, 1929] и «Может ли человек быть цивилизованным?» [Barnes, 1932]. Повторявшееся в них слово «цивилизованный» (экземпляр «Заката христианства» в *ВЭМ* содержит инскрипт автора доктору Чарльзу Даттону, названному «цивилизованным американцем») имело значение не только «культурный» и «современный», но и «свободный от предрассудков». В 1954 году, поздравляя Вирека с 70-летием, Барнес назвал «Мои первые две тысячи лет» «его главным вкладом в интеллектуальную и культурную историю» и его «самой основательной и долговечной книгой».

Еще один экземпляр первого тиража романа был отправлен в Детройт с инскриптом (*ВЭМ*): *To Harry Rickel, / from / George Sylvester Viereck / Greeting!* (ПЕРЕВОД: Гарри Рикелю от Джорджа Сильвестра Вирека привет!)

Лаконичная надпись представляет интерес, во-первых, благодаря личности адресата, во-вторых, благодаря письму, сопровождавшему посылку книги. Гарри Рикель (Harry Rickel; 1876–1965) не только занимался адвокатурой и участвовал в управлении семейной пивоваренной компанией «Rickel Malt Co.» / «Rickel & Co. Malsters», но был ценителем литературы и выпустил книгу «Мудрость Бальзака. Его философия, остроты, афоризмы и размышления, заимствованные из “Человеческой комедии” и других произведений великого писателя» [Rickel, 1923]. Подробности отношений Вирека с Рикелем нам пока неизвестны, но первый имел со вторым как минимум двух общих литературных знакомых и положительно откликнулся в печати на составленную им книгу «Мудрость Бальзака» [Viereck, 1923].

Прозаик, журналист и редактор Фрэнк Харрис / Харрис (Frank Harris; 1856–1931), скандально известный литератор, был соратником Вирека по антибританской пропаганде в годы Первой мировой войны и лично знал его кумира Оскара Уайльда [Молодяков, 2015, с. 193–195]. Общение с критиком Майклом

Монахэном (Michael Monahan; 1865–1933) было не столь близким, но Вирек ценил его усилия по пропаганде в США европейского «нового искусства», а Монахэн положительно отзывался о произведениях Вирека [Молодяков 2015, с. 98, 108, 128]. Монахэн написал предисловие к «Мудрости Бальзака» и подарил Рикелю первый том книги Гарриса «Оскар Уайльд. Его жизнь и признания» [Harris, 1916], полученный от автора с инскриптом на форзаце (ВЭМ): *To Michael Monahan / from his friend & admirer / the author; Frank Harris. / July. 1916. / Washington square. N. / New York. / "I don't praise those writers who / praise men; still less those who / blame them; I praise and prize / those only who tell the Truth about / them – with tear-wet eyes." / Pascal.* (ПЕРЕВОД: Майклу Монахэну от его друга и поклонника автор, Фрэнк Гаррис. Июль 1916. Washington square. N. Нью-Йорк. «Я равно осуждаю и тех, кто решил восхвалять человека, и тех, кто решил его осуждать, и тех, кто решил развлекаться; я могу согласиться лишь с теми, кто ищет, стеноя»¹. Паскаль.) Рядом адресат сделал передаточную надпись: *To / Harry Rickel / I pass on / this wreath / of friendship / without prejudice / to the original / donor. / Michael Monahan / April, 1919.* (ПЕРЕВОД: Гарри Рикелю я передаю этот венок дружбы без предубеждения к первоначальному дарителю. Майкл Монахэн. Апрель 1919.)

Позже Гаррис подарил Рикелю третий том своих «Современных портретов» [Harris, 1920] с надписью (ВЭМ): *To Harry Rickel / from the author who is always / glad won that friend / Frank Harris / Nov[ember]. 1921.* (ПЕРЕВОД: Гарри Рикелю от автора, который всегда рад, что обрел такого друга Фрэнк Гаррис. Ноябрь 1921.)

Посылая Рикелю «Мои первые две тысячи лет», Вирек сопроводил книгу письмом (машинопись; подпись и приписка – автограф) на личном бланке “George Sylvester Viereck / 627 West 113th St. New York” (ВЭМ), которое явилось кратким автокомментарием к роману.

September 14, 1928

Mr. Harry Rickel
10th Fl. Lincoln Properties Bldg.,
Woodward & Larned,

¹ Цит. в переводе Ю.А. Гинзбург [Паскаль, 1995, с. 183]. – Прим. В.М.

Detroit, Mich.

Dear Rickel:

I take pleasure in sending you, as a token of my friendship and regard, MY FIRST TWO THOUSAND YEARS, written in collaboration with Paul Eldridge.

It is not merely the story of the Wandering Jew but of Wandering Man, Faust, Don Juan. It is also an attempt to delineate the superwoman.

I think the book will appeal to you because it represents a civilized attitude toward life. I am very much interested in your reaction.

It is not unlikely that the book will arouse violent antagonisms.

With kind regards to Mrs. Rickel, I am, as ever,

Faithfully yours

George Sylvester Viereck

P.S. Tell your friends to order the book before it is suppressed.

What is the name of the manager of the Book Cadillac, whom I promised my photograph?

[ПЕРЕВОД:]

14 сентября 1928

[Адрес]

Дорогой Рикель,

Я с удовольствием посылаю вам в знак дружбы и уважения мою книгу «Мои первые две тысячи лет», написанную в соавторстве с Полом Элдриджем.

Это не просто история Вечного Жида, но Вечного Человека, Фауста, Дона Жуана. Это также попытка описать сверхженщину.

Я думаю, что книга вам понравится, потому что она отражает цивилизованное отношение к жизни. Мне очень интересна ваша реакция.

Не исключено, что книга вызовет ожесточенные споры.

С наилучшими пожеланиями миссис Рикель, остаюсь, как всегда,

искренне ваш

Джордж Сильвестр Вирек

P.S. Посоветуйте своим друзьям заказать книгу, пока ее не изъяли из продажи.

Как зовут менеджера [отеля – В.М.] “Book Cadillac”, которому я обещал свою фотографию?

Бессмертный Картафилус нуждался в «подруге вечной». Ею стала столь же бессмертная «сверхженщина» Саломея, которую соавторы ввели в роман и сделали главной героиней его продолжения «Саломея, Вечная Жидовка. Мои первые две тысячи лет любви», также выдержавшего много переизданий.

Опасения Вирека относительно возможных санкций против книги, которая «отражает цивилизованное отношение к жизни» (здесь эти слова имели то же значение, что у Барнеса), были не беспочвенными. Еще перед Первой мировой войной Вирек выступал против вмешательства в журнальные и издательские дела со стороны Энтони Комстока (Anthony Comstock; 1844–1915) – почтового чиновника и амбициозного основателя Нью-йоркского общества искоренения пороков (на его эмблеме красовалось сожжение книг!), имя которого стало нарицательным¹. Еще в 1873 году Комсток добился принятия закона, запрещающего пересылку по почте материалов «непристойного, похотливого или развратного характера», – в XX веке под это определение попадало многое, от презервативов до романов Т. Драйзера. После войны нравы и законы смягчились, но дело Комстока продолжало жить. В США «Мои первые две тысячи лет» репрессиям не подвергались, однако роман был запрещен за «безнравственность» в Ирландском Свободном государстве, против чего Вирек пытался протестовать [Молодяков, 2021, с. 344–345].

На момент открытия 8 декабря 1924 года отель «Book-Cadillac» в одноименном небоскребе был самым высоким зданием Детройта и самой высокой гостиницей в мире. Сменив несколько владельцев, он существует и сейчас под названием «The Westin Book Cadillac Detroit» по адресу 1114 Washington Boulevard.

На «Мои первые две тысячи лет» Вирек нашел издателя в Старом Свете раньше, чем в Новом. Романом заинтересовалась лейпцигская фирма «Paul List», предполагавшая поручить перевод Бенвенуто Гауптману, сыну знаменитого драматурга Герхарда Гауптмана, с которым Вирек был знаком. Окончательный выбор оказался более интересным – книгу перевел автор «Голема» Густав Майринк, в то время вышедший из моды и нуждавшийся в деньгах [Молодяков, 2015, с. 340]. Один из экземпляров перевода Вирек отправил известному промышленнику барону

¹ Вероятно, Виреку принадлежит анонимная статья в журнале «Current Opinion», где он был одним из редакторов [Literary Censorship, 1913].

Густаву Круппу фон Болену (1870–1950), которого лично знал с 1923 года, в сопровождении письма (машинопись, подпись – автограф) на личном бланке “Office of George Sylvester Viereck / 627 West 113th St., New York. Telephone: Cathedral 5630. Cable address: Viereck. N.Y.” (ВЭМ):

February 21, 1929¹

Baron Krupp von Bolen

Essen

Ruhr

Germany

My dear Baron Krupp von Bolen:

I have instructed my publishers, List in Leipzig, to send you a copy of my new novel, MY FIRST TWO THOUSAND YEARS, the Autobiography of the Wandering Jew. The book will be an advance courier of myself.

I expect to leave for Europe sometime late in April, by the Mediterranean route, with Mrs. Viereck. I shall probably spend a few weeks in Italy and in France, and reach Germany sometime in May.

I hope that I may have the privilege of paying my respects to you. I still remember the interesting time which I spent with you during the Ruhr Invasion. I am happy that that nightmare is over.

Faithfully yours,
G.S. Viereck

[ПЕРЕВОД:]

21 февраля 1929

[Адрес]

Дорогой барон Крупп фон Болен!

Я попросил издателя Листа в Лейпциге отправить вам экземпляр моего нового романа «Мои первые две тысячи лет. Автобиография Вечного Жида». Книга будет гонцом, которого я высылаю вперед.

Я рассчитываю отправиться в Европу в апреле через Средиземное море с г-жой Вирек. Возможно, я проведу несколько недель в Италии и во Франции и в мае приеду в Германию.

Надеюсь, мне выпадет честь засвидетельствовать вам свое почтение. До сих пор вспоминаю интересное время, проведенное

¹ Печать секретариата получателя “Priv.-Sekt. 10 Mar.-1929” – *Прим. В.М.*

с вами во время вторжения в Рур. Я счастлив, что этот кошмар закончился.

Искренне ваш
Дж.С. Вирек

Во время французской интервенции в Рур в январе 1923 года Вирек находился в Европе в качестве корреспондента газеты «New York American», входившей в концерн У.Р. Хёрста, и работал на свой журнал «American Monthly». Он взял серию интервью с видными европейскими политиками и деловыми людьми, дополнив их личными впечатлениями от голодающей Германии. Тогда же он встретился с Круппом, но интервью с ним в печати не появилось.

Публикуемые материалы связаны с важными произведениями Вирека и событиями его литературной жизни и содержат дополнения к его биографиям [Gertz, 1978; Молодяков, 2015]. Письмо Леонарда свидетельствует о продолжении не только дружеского общения, но и поэтического диалога. Оценка нового сонета, данная другом-поэтом, была значима для Вирека в период возвращения в литературную жизнь даже с учетом неизменно высокого мнения о собственном творчестве. Письмо к Рикелю, сопровождавшее посылку романа «Мои первые две тысячи лет», указывает на то, что сам автор считал главным в нем, а также отражает его опасения относительно возможного неприятия книги из-за ее содержания. Вирек возлагал на роман большие надежды, что видно из круга лиц, которым он был подарен. Рикель не принадлежал к «ближнему кругу», но с Виреком его связывали общие литературные знакомства, значимые для обоих.

Источники

Вирек Дж. С. Дом вампира и другие сочинения / Пер. А. Гарибова. Тверь: Kolonna Publications; Митин журнал, 2013. 294 с.

Вирек Дж. С. Обнаженная в зеркале: Роман / Пер. А. Гарибова. М.: Водолей, 2015. 208 с.

Вирек Дж. С. Пленники Утопии. Советская Россия глазами американца / Пер. М.А. Ковалева и В.Э. Молодякова. СПб.: Нестор-История, 2020. 256 с.

Льюис С. Гидеон Пленниш: Роман / Пер. Е. Калашниковой и М. Лорие. М.: Гос. изд-во иностранной литературы, 1947. 394 с.

Паскаль Б. Мысли / Пер., вступ. ст. и комм. Ю.А. Гинзбург. М.:

Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 480 с.

[Anon.] Literary Censorship and the Novels of the Winter // Current Opinion. Vol. LV. № 5 (November, 1913). Pp. 353, 377–380.

Barnes H.E. The Twilight of Christianity. New York: The Vanguard Press, 1929. 470 p.

Barnes H.E. Can Man Be Civilized? New York: Brentano's, 1932. 307 p.

Harris F. Oscar Wilde. His Life and Confessions. Vol. I. New York: The Author, MCMXVI [1916]. 320 p.

Harris F. Contemporary Portraits. (Third Series). New York: The Author, [1920]. 233 p.

Leonard W.E. Tutankhamen and After. New Poems. New York: B.W. Huebsch, 1924. 67 p.

Lewis S. Gideon Planish. New York: Random House, 1943. 312 p.

Rickel H. The Wisdom of Balzac. His Philosophy, Wit, Epigrams and Reflections Drawn from the "Human Comedy" and Other Writings of the Great Novelist. New York: G.P. Putnam's Sons, 1923. 352 p.

[Viereck G.S.] Diary of the Month // The American Monthly. October 1923. Pp. 233–234.

Viereck G.S. My Flesh and Blood. A Lyric Autobiography with Indiscreet Annotations. New York: Horace Liveright, 1931. 395 p.

Viereck G.S. & Eldridge P. My First Two Thousand Years. The Autobiography of the Wandering Jew. New York: The Macaulay Company, 1928. 501 p.

Литература

Молодяков В.Э. «Американский поэт всегда ищет бога, но не всегда находит его»: лекция Джорджа Сильвестра Вирека «Америка – земля поэтов» (1911) // Литература двух Америк. 2022. № 12. С. 219–243.

Молодяков В.Э. (2020а). Вампир как сверхчеловек. Декадентский роман Джорджа Сильвестра Вирека «Дом вампира» в США и Германии // Литература двух Америк. 2020. № 8. С. 8–25.

Молодяков В. Джордж Сильвестр Вирек: больше чем одна жизнь (1884–1962). М.: Кругъ, 2015. 696 с.

Молодяков В. (2020б). Джордж Сильвестр Вирек: «Стальные сны и каменные мысли» // Молодяков В. Декаденты. М.: Молодая гвардия, 2020. С. 346–376.

Молодяков В. (2018а). Домашний музей Джорджа Сильвестра Вирека // Библиофилы России. Альманах. Т. XIV. М.: Любимая

Россия, 2018. С. 38–66.

Молодяков В.Э. (2020в). «К выгоде общественной и культурной жизни Америки»: Гарри Элмер Барнес о Джордже Сильвестре Виреке // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: сб. материалов XX Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием 23 апреля 2020 г. Киров: Радуга-пресс, 2020. С. 5–10.

Молодяков В.Э. Письма писателей к Джорджу Сильвестру Виреку в частном собрании // Литература двух Америк. 2021. № 10. С. 337–349.

Молодяков В. (2018б). «Свеча и пламя»: Джордж Сильвестр Вирек (глава из будущей «Истории литературы США») // Молодяков В. Тринадцать поэтов. Портреты и публикации. М.: Водолей, 2018. С. 225–264.

Молодяков В.Э. «Я думаю, что это пьеса с гнильцой»: новонайденный отзыв о пьесе Дж.С. Вирека «Вампир» и романе «Дом вампира» // Литература двух Америк. 2023. № 15. С. 8–15.

Brumbaugh T.B. William Ellery Leonard and George Sylvester Viereck: A Correspondence // American Book Collector. Vol. 23. № 3 (January-February, 1973). P. 15.

Gertz E. The Odyssey of a Barbarian: The Biography of George Sylvester Viereck. Amherst: Prometheus Books, 1978. 305 p.

Namee M. The Erratic Life of Fr. Patrick Mythen. URL: The Erratic Life of Fr. Patrick Mythen – Orthodox History (дата обращения: 28.05.2025)

Reinitz N. William Ellery Leonard. The Professor and the Locomotive God. Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press, 2013. 211 p.

References

Sources

Viereck G.S. *Dom vampire i drugie sochineniya* / Per. A. Garibova [The House of the Vampire and Other Works. Transl. by A. Garibov]. Tver: Kolonna Publications; Mitin zhurnal, 2013. 294 p. (In Russian).

Viereck G.S. *Obnazhennaya v zerkale: Roman* / Per. A. Garibova [The Nude in the Mirror: A Novel. Transl. by A. Garibov]. M.: Vodoley, 2015. 208 p. (In Russian).

Vireck G.S. *Plenniki Utopii. Sovetskaya Rossiya glazami amerikantsa* / Per. M.A. Kovaleva i V.E. Molodiakova [The Prisoners of Utopia. Soviet Russia as Seen by an American / Transl. by M.A. Kovalev

& V.E. Molodiakov]. SPb.: *Nestor-Istoriya*, 2020. 256 p. (In Russian).

Lewis S. *Gideon Planish: Roman* / Per. E. Kalashnikovoi i M. Lorie [Lewis S. *Gideon Planish: A Novel*. Transl. by E. Kalashnikova & M. Lorie]. M.: *Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoi literatury*, 1947. 394 p. (In Russian).

Paskal B. *Mysli* / Per., wstup. st. i comm. Yu.A. Ginzburg [Pascal B. *Thoughts* / Transl., Intro, Comm. by Yu.A. Ginzburg]. M.: *Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh*, 1995. 480 p. (In Russian).

[Anon.] *Literary Censorship and the Novels of the Winter* // *Current Opinion*. Vol. LV. № 5 (November, 1913). Pp. 353, 377–380.

Barnes H.E. *The Twilight of Christianity*. New York: The Vanguard Press, 1929. 470 p.

Barnes H.E. *Can Man Be Civilized?* New York: Brentano's, 1932. 307 p.

Harris F. *Oscar Wilde. His Life and Confessions*. Vol. I. New York: The Author, MCMXVI [1916]. 320 p.

Harris F. *Contemporary Portraits*. (Third Series). New York: The Author, [1920]. 233 p.

Leonard W.E. *Tutankhamen and After*. New Poems. New York: B.W. Huebsch, 1924. 67 p.

Lewis S. *Gideon Planish*. New York: Random House, 1943. 312 p.

Rickel H. *The Wisdom of Balzac. His Philosophy, Wit, Epigrams and Reflections Drawn from the "Human Comedy" and other writings of the Great novelist*. New York: G.P. Putnam's Sons, 1923. 352 p.

[Viereck G.S.] *Diary of the Month* // *The American Monthly*. October 1923. Pp. 233–234.

Viereck G.S. *My Flesh and Blood. A Lyric Autobiography with Indiscreet Annotations*. New York: Horace Liveright, 1931. 395 p.

Viereck G.S. & Eldridge P. *My First Two Thousand Years. The Autobiography of the Wandering Jew*. New York: The Macaulay Company, 1928. 501 p.

Literature

Molodiakov V.E. *'Amerikanskiy poet ischet boga, no ne vsegda nakhodit ego': leksiya Georga Syl'vestra Vierecka 'Amerika – zemlya poetov' (1911)* [‘American Poet is Always a Seeker After God, but He Does Not Always Find God’: George Sylvester Viereck's Lecture ‘America as a Land of Poets’ (1911) // *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas]. 2022. № 12. Pp. 219–243.

Molodiakov V.E. (2020a). *Vampir kak sverkhchelovek*.

Dekadentskyi roman Georga Syl'vestra Vierecka 'Dom vampira' v SShA i Germanii [Vampire as Superman. George Sylvester Viereck's Decadent Novel *The House of the Vampire* in the USA and Germany] // *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas]. 2020. № 8. Pp. 8–25. (In Russian).

Molodiakov V.E. *George Syl'vestr Viereck: bol'she chem odna zhizn' (1884–1962)* [George Sylvester Viereck: More Than One Life (1884–1962)]. M.: Krug, 2015. 696 p. (In Russian).

Molodiakov V.E. (2020b). *George Syl'vestr Viereck: "Stal'nye sny i kamennye mysli"* [George Sylvester Viereck: 'Her Dreams in Iron and Her Thoughts of Stone'] // Molodiakov V.E. *Dekadenty* [The Decadents]. M.: Molodaya gvardiya, 2020. Pp. 346–376. (In Russian).

Molodiakov V.E. (2018a). *Domashnyi muzei Georga Syl'vestra Vierecka* [My Private George Sylvester Viereck Museum] // *Bibliophily Rossii. Al'manakh* [Russian Bibliophiles. Almanakh]. Vol. XIV. M.: Lyubimaya Rossiya, 2018. Pp. 38–66. (In Russian).

Molodiakov V.E. (2020b). 'K vygode obschestvennoi i kul'turnoi zhizni Ameriki': *Harry Elmer Barnes o George Syl'vestre Vierecke* ['To the Benefit of American Public and Cultural Life': Harry Elmer Barnes on George Sylvester Viereck] // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i ekonomicheskikh nauk: sbornik materialov XX mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 23 aprelya 2020 g.* [Actual Problems of Humanitarian and Economic Sciences. Materials of the XXth Inter-regional Scientific and Practical Conference with International Participation, April 23, 2020]. Kirov: Raduga-press, 2020. Pp. 5–10. (In Russian).

Molodiakov V.E. *Pis'ma pisatelei k Georgu Syl'vestru Vierecku v chastnom sobranii* [Writers' Letters to George Sylvester Viereck in a Private Collection] // *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas]. 2021. № 10. Pp. 337–349. (In Russian).

Molodiakov V.E. (2018b). "Svecha i plamya": *George Syl'vestr Viereck (glava iz budushei "Istorii literatury SChA"* ["The Candle and the Flame": George Sylvester Viereck (Chapter from the Future "History of American Literature") // Molodiakov V.E. *Trinadtsat' poetov. Portrety i publikatsii* [Thirteen Poets. Portraits and Publications]. M.: Vodoley, 2018. Pp. 225–264. (In Russian).

Molodiakov V.E. 'Ya dumayu, chto eta p'esa s gnil'tsoi': *novonaidennyi otzyv o p'ese G.S. Viereka 'Vampir' i romane*

'Dom vampira' ['I Think it is a Rotten Play': New Document on George S. Viereck's Play *Vampire* and Novel *The House of the Vampire*] // *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas]. 2023. № 15. Pp. 8–15. (In Russian).

Brumbaugh T.B. William Ellery Leonard and George Sylvester Viereck: A Correspondence // *American Book Collector*. Vol. 23. № 3 (January-February, 1973). P. 15.

Gertz E. The Odyssey of a Barbarian: The Biography of George Sylvester Viereck. Amherst: Prometheus Books, 1978. 305 p.

Namee M. The Erratic Life of Fr. Patrick Mythen. URL: The Erratic Life of Fr. Patrick Mythen – Orthodox History (accessed 28.05.2025).

Reinitz N. William Ellery Leonard. The Professor and the Locomotive God. Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press, 2013. 211 p.

Сведения об авторе

Молодяков Василий Элинархович – доктор политических наук, доктор философии (международные отношения), кандидат исторических наук; профессор; Университет Такусёку, Международный институт японских исследований. Научные интересы: американская и русская литература XX века, компаративистика, геополитика, история международных отношений.

Information about the Author

Vassili E. Molodiakov – Dr. Sc. (Political Science), PhD (International Relations), PhD (History); Professor; Takushoku University, Research Institute of Global Japanese Studies. Research interests: American and Russian Literature of the XXth century, comparative studies, geopolitics, history of international relations.

РУСИСТИКА И КОМПАРАТИВИСТИКА

Сборник научных статей

Выпуск XIX

Верстка Ю.Ю. Гребенщиков

Московский городской педагогический университет

Подписано в печать 19.07.2025

Формат 60×90/16. Печ. л. 14,5

Тираж 300 экз.